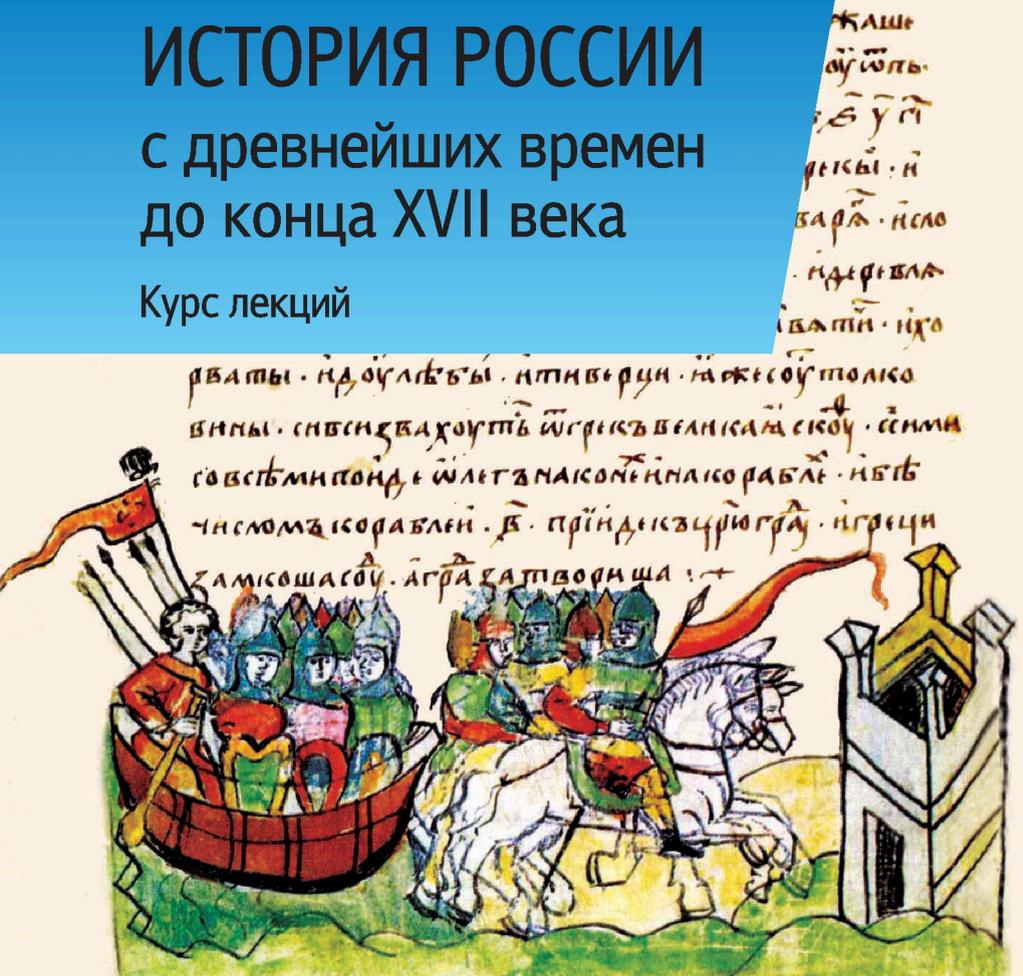

С. В. РЫБАКОВ

ИСТОРИЯ РОССИИ с древнейших времен до конца XVII века

Курс лекций

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

С. В. Рыбаков

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XVII ВЕКА

Курс лекций

2-е издание, исправленное и дополненное

Рекомендовано методическим советом УрФУ
в качестве учебного пособия для студентов,
обучающихся по программе бакалавриата
по техническим, естественно-научным, социально-экономическим
и гуманитарным направлениям подготовки и специальностям

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2014

ББК Т3(2)я73-1
Р93

Рецензенты:

А. В. С п е р а н с к и й, доктор исторических наук, профессор,
заведующий сектором политической и социокультурной истории
(Институт истории и археологии УрО РАН);

А. К. Т и х о н о в, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории, археологии и краеведения
Гуманитарного института Владимирского государственного университета

Рыбаков, С. В.

Р93 История России с древнейших времен до конца XVII века :
курс лекций: [учеб. пособие] / С. В. Рыбаков. – 2-е изд., испр.
и доп. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 192 с.

ISBN 978-5-7996-1231-3

Во втором издании учебного пособия, заново отредактированном и дополненном недостающими сведениями, показаны ключевые тенденции исторического развития Руси во времена родоплеменного строя, в период Киевской державы, на стадии политической раздробленности и в эпоху Московского царства.

Адресовано студентам для подготовки к семинарским занятиям и к экзамену, преподавателям, читающим лекции по курсу отечественной истории, а также широкому кругу читателей из числа тех, кого не оставляет равнодушным драматургия русской истории.

ББК Т3(2)я73-1

© Уральский федеральный университет, 2012

© Рыбаков С. В., 2012

ISBN 978-5-7996-1231-3

© Рыбаков С. В., исправления и дополнения, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебное пособие посвящено русской истории, охватывающей период от Великого переселения народов до конца XVII века. В основу его положен курс лекций, прочитанных студентам Уральского федерального университета.

Особенностью пособия является сочетание строго научного подхода к фактам и событиям русской истории с живым и свободным от формализма изложением учебного материала. Это обстоятельство определило место и роль данного издания в образовательном процессе, поскольку вопрос, касающийся доступности и усвоения студентами учебной информации, был и остается немаловажным.

В тексте нашли отражение многие исторические источники: древнерусские летописи, сочинения авторов, писавших в XI–XVII веках, также приводятся наиболее яркие цитаты из трудов ведущих отечественных историков, что призвано помочь читателю проникнуть в духовную атмосферу прошедших времен.

Углублению понимания фактического материала, содержащегося в учебном пособии, призвана способствовать лекция «Теоретические подходы к изучению истории», в которой раскрыт смысл понятия «история», приведены сведения о наиболее распространенных интерпретациях исторического процесса, представлены самые известные российские исторические школы.

Степень новизны, полнота охвата и глубина разработки учебного материала, содержащегося в представленном учебном пособии, имеют очевидные связи с авторской концепцией. Ее особенностью является осознанный отказ от догматизма и схематизма в подходах к отечественной истории. В работе над курсом лекций автор не оставлял без внимания известный античный афоризм «*Historia est magistra vitae*» («История – наставница жизни»), заключающий в себе ответ на вопрос и о значении истории, и об ее назначении. Интерес к истории – это интерес к опыту предшествующих поколений, который учит отличать истину от фальши, добро от зла, созида-

ние и поступательное развитие от деградации. Исторический опыт помогает познать суть таких понятий, как справедливость, достоинство, патриотизм, прививает умение преодолевать трудности и достигать поставленных целей, предостерегает от повторения когда-то совершенных людьми ошибок, учит ценить лучшие традиции.

Нельзя недооценивать тезис о том, что настоящее не противостоит прошлому, а является его естественным продолжением. Прошлое – это интегральное выражение всех пережитых людьми как положительных, так и отрицательных уроков истории. Отсюда следует, что прошлое – это фундамент настоящего и будущего.

История несводима к схемам, таблицам и каталогам. Было бы правильнее понимать ее как диалог поколений и связь времен, как органичное единство прошлого, настоящего и будущего. Исторический опыт – ценнейшее достояние и духовное богатство общества. Однако нужно понимать, что он обретает ценность только при творческом подходе к его осмыслению. Постигание прошедших времен не терпит плоского догматизма, шаблонных чертежей, формальных подходов. Творчество для тех, кто обращается к темам истории, – это и точный анализ, и нацеленность на новые открытия, и проникновение в ментальную, психологическую ткань той или иной исторической эпохи. Эти идеи и положения стали базовыми для поиска и определения автором принципов отбора материала и построения настоящего пособия.

Лекция 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ

1.1. Смысл и содержание понятия «история»

Понятие «история» возникло в глубокой древности. У древних греков, римлян и других народов оно означало «узнавание», «расследование», а также «рассказ», «повествование». Отсюда следует, во-первых, что знание истории приобреталось через установление характера и последовательности тех или иных событий и фактов; во-вторых, что это знание передавалось как рассказ о событиях прошлого. Другими словами, история изначально имела, как минимум, два смысла, два значения. В первом из них она признавалась существующей как объективная реальность, не зависящая от восприятия человеческим сознанием. Во втором значении история трактовалась как отражение реальных фактов и событий в умах людей, превращалась в феномен человеческого сознания.

С течением времени термин «история» пережил значительную эволюцию, впитывая в себя новые смыслы, связанные с различными сторонами накопленного людьми мировоззренческого и жизненного опыта. Понятие «история» в его современной трактовке не сводится к одному-единственному определению, является многосмысловым и имеет несколько значений.

Что же такое история? Во-первых, это сумма, совокупность конкретных фактов. Очевидно, что без фактов ни реальная история, ни историческая наука существовать не могут. Факты – язык истории. Понятие «факт» в исторической науке рассматривается в двух смыслах: 1) как явление, имевшее место в истории; 2) как его отражение в исторической науке, как знание о реальном факте. В идеа-

ле между фактом реальным и фактом-отражением не должно быть расхождений. Но зачастую, когда речь заходит о сложных, неоднозначных или не полностью расследованных фактах, между ними может находиться интерпретация, т. е. специфическое осмысление и объяснение.

Факты – это первоэлементы истории, без них история превращается в метафизический туман, в нечто размытое и бесструктурное. Вне конкретных фактов история существовать не может, и всякие попытки объяснять исторический процесс в отрыве от них ведут к абстракциям, не связанным с реальностью. Однако изучая историю, люди не могут ограничиться только фиксацией фактов, стремясь осмыслить причинно-следственные связи внутри исторического процесса, его тенденции и закономерности. Перед теми, кто обращается к истории, стоит задача, связанная с поиском и обнаружением определенных смыслов или смысловых комбинаций, скрывающихся за фактами. Если в исторических сочинениях нет значимых для людей смыслов, то такие сочинения бесполезны и никому не нужны.

Из фактов-первоэлементов складываются цепочки событий. Людям далеко не все факты интересны сами по себе, вне связи с другими фактами и их комбинациями. Факты наполняются актуальным содержанием, когда образуют событийную последовательность, превращаются в события. Отсюда вытекает второе определение истории: «История – последовательная цепь событий».

Однако если события – так же, как и отдельные факты – воспринимаются человеческим сознанием в разрозненном виде, вне единого контекста, то они, естественно, не могут осветить логику всей истории, дробят ее на осколки и фрагменты и поэтому мало что дают уму и сердцу человека. События в восприятии людей приобретают значимый масштаб только тогда, когда сливаются в общий процесс, имеющий векторную направленность и отличающийся определенной динамикой, как внутренней, так и внешней, т. е. фиксируемой с помощью наружного наблюдения. С этой точки зрения история может быть определена как «процесс, движение, ход развития». Данное определение указывает на такие важнейшие характеристики истории, как ее постоянный динамизм, отсутствие в ней неподвижности и мертвой статики, невозможность законсервировать ее в неизменном состоянии.

Эти три определения касаются истории в ее объективном, первичном, реальном, «самостоятельном» виде, существующей независимо от того, как она отражается в сознании людей. Но когда «первичная», реальная история входит в человеческое сознание, она трансформируется, становясь не всегда точным отражением самой себя, принимая на себя печать «вторичности», теряя абсолютное соответствие самой себе.

Трансформация отраженной истории происходит как по жанровым, так и по предметным признакам. Понятно, что на базе такой трансформации может возникнуть целая россыпь определений истории.

В жанровой классификации определений истории ведущее место принадлежит науке, а также учебной дисциплине. В условиях развитых цивилизаций эти два определения получили самое широкое распространение. А вот на ранних стадиях становления человеческих сообществ, в условиях бесписьменной передачи информации в сознание людей история входила как свод преданий, легенд, мифов.

Предметность отраженной в людском сознании истории выражает себя посредством временных или пространственных рамок и масштабов – к примеру, всемирная история, история Европы, история Древнего мира, история Средних веков, история России. Широко распространена привязка предмета истории к тематическим параметрам, и в этой привязке она может варьироваться в широчайшем диапазоне – от истории человечества до истории какой-либо отрасли экономики или истории вуза, факультета, кафедры. В этот диапазон вписываются также и биографии отдельных персон.

Среди определений истории есть зауженно-стереотипные. Наиболее распространенным из них является определение: «История – это прошлое». Узость этого определения заключается в том, что оно привязывает историю только к одной форме времени, тем самым провоцируя сознание к отождествлению истории лишь с прошедшим, часто воспринимаемым как нечто отжившее, неактуальное, невостребованное. Прошлое в таком определении отчуждается от настоящего, история лишается смысловой связи с настоящим и будущим. Здесь не учитывается ключевое свойство времени – его

динамичность, проявляющаяся в постоянном перетекании настоящего в прошлое, а настоящего – в будущее. Неверно трактовать историю только как прошлое, в подобной трактовке теряется такой важнейший атрибут времени, как непрерывная текучесть, отсутствие статики. Очевидно, что более адекватным и актуальным является трактовка истории, представляющая исторический процесс как неразрывное единство прошлого, настоящего и будущего. Эта трактовка создает основу для восприятия истории как процесса, никогда не теряющего своей актуальности, способствует внедрению и закреплению в научном, а еще лучше и в массовом сознании универсального определения, по которому история – это реальная действительность в ее развитии, движении, динамике.

Пока же это определение почти не учитывается обыденным сознанием, хотя и связано в большей степени, чем другие, с реальной жизнью людей. Собственно говоря, история и есть сама жизнь в ее полноте, сама реальность в ее развитии. Реальная жизнь всегда первична по отношению к любой теории – научной, политической, идеологической. Бытие всегда противилось и будет противиться подчинению механическим шаблонам. Такому подчинению противится и история.

Некоторые представители современной гуманитарной науки считают, что главным назначением истории как науки является изучение универсальных пространственно-временных закономерностей социального развития и что эти закономерности проявляются главным образом в материальной сфере деятельности людей. На самом деле история отражает не столько развитие материальной стороны человеческого бытия, сколько движение человеческого сознания, от направленности которого зависит и направленность политической, социальной, экономической жизни. Французский историк Марк Блок определил историю как «науку о людях во времени» [1, с. 77]. Он считал, что история должна в первую очередь обращаться к духовно-нравственным аспектам человеческого существования и главным предметом исторической науки называл сознание людей. Между развитием человеческого сознания и изучением истории существует прямая и непосредственная связь. Сознанию не нужны умозрительные, безжизненные теории, но оно нуждается в цель-

ном мировоззрении, выступающем в роли организующей силы. Ничто не способствует выработке его в такой степени, как глубокое и неформальное изучение истории.

Ряду однолинейных теорий исторического процесса присущ механицизм в подходах к истории. Он часто выражается в контрастном разграничении прошлого и настоящего – по той же мерке, как между живым и мертвым. Однако прошлое не является мертвым. Если так считать, тогда мертвой следует объявить всю человеческую культуру, являющуюся не чем иным, как концентрированным опытом прошлого. Без опоры на такой опыт человек и общество существовать не могут. Вся система образования, в том числе обучение в школах и вузах, строится на усвоении имеющегося познавательного опыта, накопленного предшествующими поколениями.

Попытки ограничить видение истории механическими схемами являются искусственным сужением познавательных возможностей исторической науки. Исторический процесс не подчиняется законам статики, в истории никогда не было абсолютно статичных феноменов. Неслучайно важнейшей научной категорией является категория исторического времени. С ней прочно связана научная традиция деления исторического процесса на определенные периоды. Периодизация истории, являясь формой количественно-временного обозначения исторических процессов, во многом зависит от методологических концепций и теорий.

Существуют подходы к истории, при которых разбивка ее на периоды не имеет самодовлеющего значения и нужна только для того, чтобы показать, как и под воздействием каких факторов изменялось сознание людей. Приверженцы таких подходов исходят из того, что историческое время не имеет границ, а главная задача исследователя – понять человека прошлого. М. Блок писал, что для проникновения в сознание живших когда-то людей нужно отрешиться от собственного «я», не приписывать этому сознанию свои собственные черты. Взаимоотношения субъекта и объекта исследования М. Блок определял как «встречу людей в веках» [1, с. 23]. «Исторический феномен не может быть понят вне его времени» [Там же, с. 79], – писал он. В то же время, по его мнению, понимание прошлого невозможно без понимания настоящего.

В познании истории следует ориентироваться на смысловой диалог между поколениями, эпохами, культурами. Этот диалог настраивает на понимание прошлого, переживание его драматургии. Проникновение в дух прошедших эпох важнее педантичной инвентаризации фактов. Философ И. А. Ильин писал: «Судьбы народа скрыты в его истории. Она таит в себе не только его прошлое, но и его будущее; она являет его духовное естество: его силу, его дар, его призвание» [2, с. 19]. Изучение истории и есть обращение к судьбам народов.

1.2. Основные интерпретации исторического процесса

Глубина исторических исследований во многом определяется ответами на вопросы метафизического плана. В каких формах протекает исторический процесс? Является он цикличным или линейным? Каково место человека в истории? Выступает он ее творцом или является игрушкой законов истории? Что сильнее – неборимая, жестко обусловленная логика событий или свободная воля человека? В чем главный смысл истории? Ждет ли ее неизбежный финал или она бесконечна? Существует ли единый для всех людей, стран и народов стандарт развития или истории свойственно многообразие? Являются ли законы истории тайной или они познаваемы человеческим разумом? На эти и им подобные вопросы историки и философы дают разные варианты ответов.

Одна из актуальных проблем исторической науки касается интерпретации и оценки фактов, событий и процессов. Даже относительно простые факты историки часто оценивают по-разному, поскольку, окрашивая их определенным смыслом, они опираются на собственный опыт – научный, жизненный, нравственно-этический. Многое зависит от концептуальной и философской подготовки авторов исторических сочинений, их научной добросовестности и умения извлекать из истории нравственные уроки. На исследовательскую позицию историков влияют внешние условия их работы, сказываются традиции мировосприятия, имеющие свои особеннос-

ти в разных странах и культурах, к тому же историческая наука находится в динамичном состоянии. Не являясь замкнутым пространством, она непрерывно вбирает в себя импульсы из всех сфер человеческого знания. Развитие знания связано с постоянным преодолением противоречий, и в этом историческая наука не является исключением.

Различные направления исторической мысли возникли уже в глубокой древности. Поначалу к попыткам нарисовать реальную историческую картину примешивалась мифология, являвшаяся в древности особым инструментом познания окружающего мира. Мифологические элементы содержатся даже в сочинениях знаменитого историка V века до нашей эры Геродота, заслужившего титул «отца истории». Многие события Геродот объяснял с мистических позиций. В то же время для написания своей объемной «Истории» он обобщил большой материал из хроник, легенд, устных преданий и личных впечатлений. «История» Геродота стала первым памятником исторической мысли, в котором деятельность человечества представлена как развертывающийся в пространстве и времени процесс, изменяющий судьбы народов.

После Геродота количество исторических исследований непрерывно нарастало, чему способствовало появление в Древней Греции и Древнем Риме архивов и библиотек, где скапливались документы и материалы по военной и политической истории, сведения о различных странах и народах. Античные историки Фукидид, Полибий, Корнелий Тацит, Тит Ливий подняли исторические знания на новый уровень, создав исторические труды, отмеченные объективностью и стремлением к анализу описываемых событий. В этих трудах просматривались элементы диалектики, представления о цикличности процессов.

Тем не менее историческим исследованиям в то время было еще далеко до глубокого философского осмысления истории. В них преобладал эмпирический подход, в котором факты имели самоудовлетворяющее значение. Логика их выстраивания чаще всего отражала переплетение случайных обстоятельств, игру стихийных сил, почти не зависящую от объективных закономерностей. С первыми попытками рационального объяснения хода событий связано

представление об истории как о цепи деяний выдающихся личностей: императоров, полководцев, вождей, героев, религиозных деятелей.

Концептуальная цельность во взглядах на историю впервые наиболее зримо проявилась в христианстве. Оно и возникло как «религия историков»: история Нового Завета явилась продолжением истории Ветхого Завета или, как говорил один из первых христианских богословов Тертуллиан, «история спасения – натуральное продолжение истории творения» [11, с. 183]. В христианстве история приобрела сакральный статус. В Библии содержатся нравственные уроки и пророчества, связанные с осмыслением сути исторического процесса.

Христианское видение истории основывается на идее развития. В христианстве впервые оформилось четкое представление о направленности и движущих силах истории. Вектор исторического развития, с христианской точки зрения, направлен в сторону освобождения человека и человечества от природно-биологических уз и первобытных страстей в сторону духовного роста, усиления в обществе культурного, этического начала. Двигателем истории, по христианским представлениям, является нравственный выбор людей – всех вместе и каждого в отдельности. Историческое творчество не существует вне человека. Посредством выбора между нравственными полюсами – истиной и ложью, добром и злом, совершенством и пороком – люди определяют логику исторического движения: «Что посеет человек, то он и пожнет».

В Средние века христианство разделилось на восточное и западное. Между этими ветвями появились, а затем закрепились мировоззренческие различия, затронувшие и проблему понимания истории. Духовный смысл христианского толкования истории полнее всего сохранился в православии. В отличие от западного христианства, православие отвергало фатализм и жесткий униформизм, противопоставив им бытийное многообразие и духовную свободу в качестве определяющих условий исторического творчества людей. В католицизме же утвердилось стремление к единым шаблонам и стереотипам, формально-юридическим установлениям. Католическая трактовка истории искусственно упрощалась и схематизи-

ровалась. В ней историзм подавлялся отвлеченными умствованиями, поэтому понимание истории оказалось под влиянием схоластики, в которой мистические предпосылки соединялись с рассудочными выводами.

В католицизме, а затем и в протестантизме возобладало представление об истории как о процессе, подчиненном предопределению, т. е. заранее существующему сценарию развертывания всех процессов. В такой трактовке история стала выглядеть неким заведенным механизмом, не зависимым от свободного выбора людей.

Расхождения между восточным и западным христианством не потеряли актуальности и после того, как историческая мысль вышла за рамки богословия. Ни одна из теорий исторического процесса не может избежать проблематики, выявившейся в концептуальной полемике между православием и западным христианством. Эта проблематика из богословия перетекла в светскую философию и историографию.

В период распространения секуляризованных знаний на базе католической трактовки истории формировались основные положения западной философии истории. Конечно, не все западные философы были наследниками католической схоластики. Так, немецкий философ XIX века Фридрих Шеллинг выстраивал философскую систему, по духу близкую к православным традициям. Однако с точки зрения масштабных тенденций западная философия все-таки несла в себе многие родовые черты схоластического мышления. В ней утвердился механистический детерминизм, т. е. жестко выстроенная причинно-следственная схема, отрицающая многообразие человеческих практик и путей к прогрессу, многообразие традиций и жизненных укладов.

Многими западными философами история стала рассматриваться как процесс, в котором развитие отдельных стран и народов растворено как частное в общем. На почве западнохристианского фатализма вызрело отношение к прогрессу как к религиозному символу, фетишу. Между понятиями «история» и «прогресс» был поставлен знак тождества, при этом оценка прогрессивности разных народов давалась с позиций европоцентризма: Западная Европа,

а позднее США объявлялись «авангардом прогресса», а все остальные, неевропейские, цивилизации попадали в разряд «отсталых». Прогресс приобрел вид детерминированной механической однолинейности, не связанной со свободным нравственным выбором человека и означающей перманентное преодоление прошлого, когда новизна жестко оппонирует традиции. Это проявилось и в учении Гегеля о действии автономного от людей «духа истории», и в теории либерального прогресса, и в формационно-классовой теории, созданной Карлом Марксом. В однолинейных схемах истории скрыто или явно содержится идея однополярного мира.

Немецкий философ XIX века Гегель развил диалектический метод познания истории, что явилось весомым вкладом в понимание исторического процесса. Однако у Гегеля имелись и очевидные недостатки в подходах к объяснению истории. Он интерпретировал ее при помощи такого выражения, как «дух истории». Будучи наделенным автономными от людей качествами, «дух истории» предстал никак не связанным с нравственным выбором людей и способным фатально определять логику исторического движения: «Право мирового духа выше всех частных прав» [4, с. 319]. Гегель отрицал значение нравственных факторов в истории, оправдывая проявления аморализма в истории. Он отверг кантовский постулат об «императивно-категорическом» характере этики, придал ей вторичность относительно социально-экономических условий. Объявив выдающихся исторических деятелей проводниками «воли мирового духа», он «освободил» их от этических обязательств: «Всемирно-исторической личности не свойственна трезвенность; она не принимает многого в расчет, но всецело отдается одной цели. ...Но такая великая личность бывает вынуждена растоптать иной невинный цветок, сокрушить многое на своем пути» [Там же, с. 323]. Гегель декларировал: «Всемирная история есть прогресс в познании свободы, – прогресс, который мы должны познать в его необходимости» [Там же, с. 330]. С его подачи началось тиражирование тезиса о свободе как об «осознанной необходимости».

Марксистская философия истории переняла у Гегеля и достижения диалектического метода, и недостатки преувеличенного детерминизма. К. Маркс и Ф. Энгельс вслед за Гегелем видели толь-

ко положительный смысл во всех завоевательных войнах, которые вели «передовые» страны против «отсталых», противопоставляли «цивилизованный Запад варварскому Востоку», оправдывая завоевание германцами славянских земель, производимое, как они писали, «исключительно в интересах цивилизации» [5, с. 290].

«Классический» марксизм выстраивал представления об истории как о сфере действия «непреложных закономерностей», в которой люди, подчиняясь «осознанной необходимости», должны выполнять функции, предписанные этими закономерностями. Исходной точкой марксизма является социально-экономический детерминизм, т. е. жесткая причинно-следственная цепь, автономная от человеческого сознания.

Доминантой исторического процесса марксистская доктрина объявила смену общественных формаций, а универсальным двигателем истории – борьбу классов. При этом смена формаций наделена марксистами статусом predetermined закономерности, охватывающей историю всех стран и народов. Марксистской теорией ход истории был подчинен социологическим закономерностям, близким к фатальной неизбежности. Согласно марксистскому постулату человеческое сознание «изменить направление хода развития общественной жизни не может» [6, с. 158]. Общественное бытие изображалось марксизмом в виде конструкции, где доминируют материальные интересы, а культура, право, мораль оказываются производными от них. Марксизм вслед за гегельянством отверг нравственные императивы. Энгельс заявлял: «Мы отвергаем всякую попытку навязать нам какую бы то ни было моральную догматику в качестве вечного, окончательного, неизменного нравственного закона» [7, с. 96].

Следует понимать, что отрыв прогресса от духовной культуры грозит отрицательными последствиями, которые могут быть выражены негативизмом в отношении к истории, смысловым обезличиванием самого понятия «история», равнодушием к ее «человеческому измерению».

Очевидно, что идея прогресса притягательна для человеческого сознания, так как связана с верой в лучшие перспективы, без которой человеку сложно выстраивать свою жизнь. Проблема в том,

что такая вера зачастую становится предметом различных манипуляций, нацеленных на отрыв людей от реальной жизни. Современная гуманитарная наука, разумеется, не отвергает понятие «прогресс», оно прочно вошло в научный лексикон. Нелепо отвергать новаторство в делах устройства человеческой жизни, улучшения ее внешних форм за счет достижений науки и техники. Однако новаторство приобретает смысл только в условиях, когда оно, во-первых, не получает механического доминирования над самой жизнью, во-вторых, не ущемляет общественную нравственность. Если новшества становятся самоцелью, фетишем, то в органический строй бытия вносится дисгармония. Новизна приобретает ценность, вызревая в прошлом, вбирая качественные характеристики этого прошлого, отражая историческую преемственность.

Однолинейным схемам исторического процесса была противопоставлена теория локальных цивилизаций, отражающая признаки бытийного многообразия. Согласно этой теории историческое развитие разных цивилизаций зависит от природно-географических и культурно-религиозных факторов, специфически воздействующих на социальное бытие разных народов. Рисунок каждой локальной истории неповторим в силу множества социокультурных нитей, из которых он соткан. Внутренняя динамика в развитии каждой цивилизации опирается на прохождение естественных стадий: возникновения, становления, расцвета, увядания и разложения. Цивилизационный подход признает бытийное многообразие, не принимает униформистских шаблонов, которым будто бы должны подчиняться все страны и народы на всех этапах исторического развития. С точки зрения цивилизационной теории каждая национальная культура содержит в себе уникальный практический и духовный опыт.

Главные принципы теории локальных цивилизаций разработал русский ученый Н. Я. Данилевский. Он написал большой историко-концептуальный труд «Россия и Европа», в котором обосновал теорию «культурно-исторических типов» на примере различий между российской и западноевропейской цивилизациями. Данилевский отверг претензии Западной Европы на отождествление ее с общечеловеческой цивилизацией, обосновал «закон непередаваемости цивилизаций», сделал вывод о пределах прогресса и о нали-

чии его национальных форм, поставил под сомнение правомерность притязаний Запада на монопольную роль в продвижении прогресса. Он показал существование самобытных локальных цивилизаций, отличающихся «самостоятельными, своеобразными планами религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития» [8, с. 50].

Позднее идеи Данилевского получили развитие в трудах английского философа А. Тойнби и немецкого историка О. Шпенглера, которые вслед за Данилевским также критиковали проявления западоцентризма во взглядах на историю. Шпенглер писал о западоцентристских доктринах: «С полной наивностью здесь были смешаны дух Запада со смыслом вселенной» [9, с. 17]. По его замечанию, эти доктрины создавались по принципу: «Если факты не подходят – тем хуже для фактов», «вычеркивая» из истории уникальные культуры и цивилизации. В детерминистских теориях Шпенглер видел «безумные попытки разгадать тайну исторической формы при помощи программы» [Там же, с. 18].

Теория самобытных цивилизаций не отрицает прогресс, но при этом обращает внимание на наличие его национальных форм, на то, что пути к прогрессу могут быть многообразными. Признавая религиозное, культурное, ментальное, социальное многообразие человечества, цивилизационный подход вместе с тем не отвергает мысль о единстве мировой истории, понимаемом как взаимодействие между разными народами и цивилизациями. С этих позиций не менее актуальной, чем поиск всеобщих закономерностей истории, является расшифровка социокультурных архетипов, определяющих бытие и воспроизводство цивилизационных сообществ, их своеобразие и отличие друг от друга.

1.3. Российские исторические школы

На Руси осмысление сути и особенностей исторического процесса началось с момента осознанного исторического творчества, когда восточнославянские племена стали сливаться в единую этно-

культурную общность и в союзе с финно-угорскими, балтскими и тюркскими племенами приступили к строительству русской государственности.

После принятия христианства на Руси началось распространение книжной культуры. С первых шагов древнерусской литературы историческая тематика получила в ней преобладание. Как отметил Д. С. Лихачев, древнерусская литература представляла собой «литературу одной темы и одного сюжета. Этот сюжет – мировая история, и эта тема – смысл человеческой жизни» [10, с. 11]. Лихачев говорил, что древнерусская литература отвергла исторический пессимизм, «была оптимистически обращена к будущему» [11, с. 13].

Особым оптимизмом было наполнено «Слово о Законе и Благодати», написанное в середине XI века киевским митрополитом Иларионом. Это первое самостоятельное произведение русского автора отмечено выдающимися художественными достоинствами и содержательной глубиной. Оно было посвящено историософским проблемам. В нем речь идет о смысле истории вообще и русской истории в частности, о месте Руси во всемирной истории, об исторической роли русского народа. Иларион задал направление развитию русской исторической мысли. Заложенные им традиции в осмыслении истории стали действующим фактором исторического творчества, проявившемся во всех сферах общественной жизни Руси.

С XI века стало развиваться русское летописание, фиксировавшее все значимые сведения, открывшее путь к собиранию и систематизации исторических знаний. Летописание велось наиболее знающими и грамотными православными монахами, не только излагавшими события в хронологическом порядке, но и сопровождавшими их соответствующими объяснениями.

Древнейшим из дошедших до нас летописных сводов является «Повесть временных лет», созданная в начале XII века монахом Киево-Печерского монастыря Нестором. Этот масштабный труд стал отражением особой образной системы, в нем содержатся глубокие философские обобщения. Не ограничившись перечислением фактов, «Повесть временных лет» включила в себя различные версии отдельных событий, для освещения которых привлекались византийские хроники, дипломатические документы, церковные записи,

легенды. Для своего времени «Повесть» была своеобразной исторической энциклопедией. Осмысление истории в ней отразилось в некоторых ключевых идеях.

Во-первых, как и у Илариона в «Слове о Законе и Благодати», история Руси рассматривалась на фоне мировых процессов, равноправным участником которых Русь стала после принятия христианства, когда она, по мысли летописца, обрела самостоятельную историческую роль и полноценные возможности для выполнения этой роли. Историческая концепция «Повести» оптимистична.

Во-вторых, в освещении «Повести временных лет» русская история предстала произведением творческой воли восточнославянских и финно-угорских племен, проявивших инициативу в создании государственности, а затем в условиях свободного выбора приобщившихся к православию. В «Повести», в отличие от западных и византийских хроник, содержится гораздо меньше следов фатальной предопределенности. История в ней максимально приближена к реальной жизни.

В-третьих, взгляд на историю в «Повести временных лет», как и во всех русских летописях, имеет четко выраженную патристическую направленность. Это проявилось и в воспевании воинской доблести защитников Отечества, и в недвусмысленном осуждении ослаблявших страну распрей между князьями, и в показе особенностей русского православия, его отличий от византийского.

«Повесть временных лет» явилась не просто собранием фактов, связанных с насущными, но преходящими задачами тогдашней действительности, а цельной, литературно изложенной историей Руси. «Повесть» стала каноном для последующих летописных произведений, а ее текст вошел в качестве составной части в более поздние летописи – Ипатьевскую, Суздальскую, Троицкую, Лаврентьевскую, Радзивилловскую – и летописные своды – Тверской, Новгородско-Софийский и др.

Летописание во многом определяло и умонастроения древнерусского общества, и мировоззренческую направленность древнерусской культуры. Русские летописцы отстаивали идею государственного и духовного единства Руси, стремясь противостоять раздроблению Древнерусского государства. Патриотизм в их освещении не ограничивался банальной «привязанностью к месту», а прини-

мал сакральный смысл, предполагая готовность к подвигу и самопожертвованию. Летописание с помощью религиозно-этических идеалов освящало заботы людей, наполняло их особенным смыслом, выраженным ощущением «участия в книге жизни» (Откр., 22 : 19), учило любви к родной земле, воспитывало в людях стойкость, концентрировало исторический опыт Руси.

Во времена Московского царства летописание значительно расширилось. Появился Московский летописный свод и целый ряд летописей: Ермолинская, Иосафавская, Никоновская, Вологодско-Пермская и др. В этот период летописание выполняло роль хранителя исторической памяти, являлось одним из базовых элементов средневековой русской культуры, способствовало появлению такой характеристики общественного сознания, как историзм.

Помимо летописей, усвоению исторических знаний способствовали исторические повести, в которых рассказывалось о битвах русских воинов в борьбе за независимость страны: «Повесть о гибели Земли Русской», «Повесть о битве на Калке», «Задонщина», «Повесть о нашествии Тохтамышша», «Повесть о Домонте», «Повесть о стоянии на Угре», «Повести об Азове» и др.

В Московской Руси получила распространение историческая публицистика, в которой наиболее ярко проявили себя Филофей Псковский, Иосиф Волоцкий, Иван Пересветов, Ермолай-Еразм, Максим Грек, Авраамий Палицын, Аввакум Петров и др. При Иване IV появились первые русские хронографы – исторические сочинения, излагающие всемирную историю. Интерес к истории значительно возрос в XVII веке: было написано большое количество исторических повестей, издан первый печатный исторический труд – Синописис, в котором излагалась история Руси с древнейших времен, вышли Степенная книга – систематизированная история Московского государства, Царственная книга – одиннадцатитомная иллюстрированная история мира, Азбуковник – своего рода энциклопедический словарь, в котором, среди прочего, содержались и исторические сведения.

В XVIII веке Петр I поставил задачу всестороннего развития знаний о российской истории и создания полноценного обобщающего исследования, которое отражало бы национальные интересы России. Сочинения иностранцев на исторические темы, по мнению

Петра, оказывались неудовлетворительными, «понеже немцы обыкли многими рассказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались» [12, с. 578]. Петр I приказал собирать все рукописи, содержащие исторические сведения.

Сбором древнерусских исторических источников и работой над фундаментальным исследованием по русской истории занялся Василий Никитич Татищев (1686–1750). Его «История Российская с самых древнейших времен» базируется преимущественно на летописных сведениях от скифских времен до конца правления Ивана IV. Историю Татищев понимал как народное самопознание, как способ одних поколений «славную память о себе оставить» [13, с. 8] другим поколениям. Он был патриотом, выступал против распространявшихся польскими и немецкими историками вымыслов «к поношению предков наших» [Там же, с. 9], оппонировал З. Байеру и Г. Мюллеру, пытавшимся пропагандировать так называемую норманнскую теорию образования Древнерусского государства.

«История Российская» не сводилась к ординарному эмпиризму, Татищев стремился к концептуальному, философскому осмыслению исторического материала, к превращению его в цельную, ясную и осмысленную картину. Его труд долго служил образцом исторического исследования. Поколения российских историков отдавали Татищеву дань благодарности как основоположнику российской исторической науки.

Крупным представителем русской исторической школы явился писатель, издатель и историк Николай Михайлович Карамзин (1766–1826). Его двенадцатитомная «История государства Российского» стала заметным шагом к расширению знаний о прошлом России. Карамзин обработал обширный фактический материал, представив панорамную картину русской истории с древнейших времен. По свидетельству А. С. Пушкина, в русском обществе XIX века сочинение Карамзина «произвело сильное впечатление. Все... бросилось читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом» [14, с. 41].

Концептуальной основой «Истории» стала идея об особой роли государства, определившего, по Карамзину, всю смысловую сюжеттику русской истории. В государстве он видел не только инстру-

мент исторического действия, но и особую ценностную категорию, выражающую «хранительную мудрость». Выработывая свою научно-историческую концепцию, Карамзин исходил из того, что Россия является огромной по территории страной, а потому нуждается в централизованном управлении, лучшей формой которого оказывается монархия. Главным условием сохранения монархической власти он считал ее обязательства перед народом и полагал, что монархов нужно «учить царствовать», для чего нет лучшего способа, чем обращение к урокам истории. По Карамзину, «предмет самодержавия есть не то, чтобы отнять у людей естественную свободу, но чтобы действия их направить к величайшему благу» [15, с.101]. Выступая как русский патриот, Карамзин писал: «Не говорю, что любовь к отечеству должна ослеплять нас, что мы всех и во всем лучше; но русский должен, по крайней мере, знать свою цену. ...Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках. Хорошо и должно учиться; но горе и человеку, и народу, который будет всегдашним учеником!» [16, с. 94, 97].

Определенный этап в развитии русской исторической науки связан с именем Сергея Михайловича Соловьева (1820–1879). Его фундаментальный труд «История России с древнейших времен» является самым объемным в отечественной историографии, состоит из 29 томов, выделяясь также и обилием использованных источников. Соловьев считал государство основной силой общественного процесса, исторически обусловленной и необходимой формой существования народа, но, в отличие от предшественников, ход государственной жизни историк связывал не только с деятельностью монархов, но и с природно-географическими факторами. Объясняя каждое явление в истории внутренними причинами, он стремился показать, «как новое произошло из старого».

Идеи С. М. Соловьева успешно развил Василий Осипович Ключевский (1841–1911) – автор многочисленных научных работ, среди которых широкое признание получил «Курс русской истории» в пяти томах. Основное место в этом труде занимает проблематика, связанная с социально-экономическим развитием страны. Теоретические построения Ключевского опирались на такие базовые доминанты, как «человеческая личность, людское общество и природа

страны» [17, с. 62]. В центре его исследований находилось эволюционное развитие русского народа, которое он связывал с движением от родового, стихийного начала к государственным, организованным формам народной жизни. С этой точки зрения Ключевский рассматривал государство как выражение духовно-нравственного единства народа. Немалое внимание он уделял и культурно-бытовой стороне народной жизни.

С 90-х годов XIX века на волне мировоззренческих поисков в среде российской интеллигенции стал приобретать популярность марксизм. Его распространение сопровождалось закреплением в части историографии и интерпретации истории, объявившей «пережитком» исторические традиции. Троцкий заявил: «Годы социальной революции будут годами ожесточенной борьбы классов, где разрушения займут больше места, чем новое строительство» [18, с. 146, 172]. Была дана историко-концептуальная и пропагандистская установка, направленная, во-первых, на отрицание всякой специфичности русской истории; во-вторых, на подчинение исторических фактов партийно-политической интерпретации. Осуществление этой установки возлагалось на «школу историков-марксистов», возглавляемую Михаилом Николаевичем Покровским (1868–1932), который провозгласил историю «политикой, перевернутой в прошлое» [19, с. 360], «наиболее политической наукой из всех, какие существуют» [Там же, с. 362].

«Школа Покровского» пропагандировала враждебность к исторической России, отрицала какую-либо значимость русских духовных традиций, проповедовала схематизм в подходах к истории, ссылаясь на то, что «любая историческая теория есть осколок определенной идеологии» [20, с. 77, 79]. Подчиняя историю однолинейным шаблонам, Покровский понимал, что упрощает и огрубляет ее, в оправдание чего выдвигал тезис: «Действительность неизмерима вглубь так же, как вширь. Преодолеть хаос можно только одним путем: упрощая его» [19, с. 22]. Эта формула отрицала многообразие связей внутри исторического процесса. Научную полемику Покровский также отвергал: «Немарксиста все равно не убедить в том, что Маркс, Энгельс и Ленин правы» [20, с. 23]. Мерилом «железных закономерностей истории» Покровский объявлял Западную Европу, а ее исторический опыт приравнивал к универсальному

ориентиром для всех стран, настаивая, что «социально-политическое развитие России шло таким же путем, как и развитие стран Западной Европы» [Там же, с. 40]. Историко-концептуальная схема Покровского отражала идею тотальной унификации, перечеркивала исторический опыт русской государственности и культуры, обозначая период до 1917 года как некую «предысторию», не имевшую полноценного содержания.

К середине 30-х годов XX века теоретические и методические недостатки «школы историков-марксистов» стали очевидными для научного сообщества. Крах иллюзий, навешанных «классическим» марксизмом, и курс на укрепление советской государственности сопровождалась реанимацией понятий «родина», «патриотизм», «историческая память», что повышало нравственное самочувствие людей. «Школа Покровского» в 1934 году была официально осуждена. Г. В. Вернадский писал: «Историю теперь следовало преподавать как отдельную дисциплину, а не как один из разделов социологии; прошлое России не должно было произвольно искажаться и очерняться, как это было при Покровском» [21, с. 428].

После этого историческая наука в СССР стала постепенно освобождаться от крайнего догматизма, хотя и продолжала находиться под строгим политическим контролем. Историкам в советское время нелегко было выйти за рамки теоретического схематизма, однако в этот период историческая наука не стояла на месте и усилиями многих талантливых ученых реализовывала ту часть своего внутреннего потенциала, которая мало зависела от идеологических шаблонов. Советские историки М. Н. Тихомиров, Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков, А. Г. Кузьмин, В. Л. Янин и другие в своих трудах стремились объективно отразить лучшие черты культурного наследия исторической России.

В 40–80-е годы XX века в Советском Союзе накопление исторических знаний происходило в рамках методологии исторического материализма. Истмат высветил немало реальных фактов и закономерностей, ранее ускользавших от внимания, и создал целую школу, которая серьезно была развита в советской исторической науке. Это, однако, не отменяет факта, что монополия истмата препятствовала свободному творческому соревнованию идей и концепций,

тормозя полноценное развитие исторической науки. В ней под влиянием истмата преобладала политизированность, что шло в ущерб научности.

Между тем немалый концептуальный опыт накапливался в русской эмигрантской историографии. Значительную концептуально-теоретическую работу проводила «евразийская школа», опиравшаяся на цивилизационную методологию, которую евразийцы актуализировали применительно к России. Среди создателей евразийской концепции выделялись философы Л. П. Карсавин и Н. С. Трубецкой, богослов Г. В. Флоровский, церковный историк А. В. Карташев. Большой вклад в развитие исторической концепции евразийства внес историк Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973).

Евразийцы рассматривали Россию соборной общностью народов, «континентом в себе», по цивилизационному значению вполне сопоставимым с Европой. Вернадский отмечал: «Термин “Евразия” выражает не неопределенную социоисторическую комбинацию Европы и Азии, а громадную специфическую географическую область земного шара» [21, с. 12–13]. Евразийцы критиковали западный эмпирический рационализм, говорили об изъянах западной культуры, но при этом признавали необходимость учета всех позитивных тенденций в развитии как Запада, так и Востока.

Евразийство возникло как историческая школа, но затем превратилось в политическое движение, лидером которого выступил П. Н. Савицкий, мировоззренческие представления которого заметно отличались от позиций Л. П. Карсавина, Г. В. Флоровского, Г. В. Вернадского. Политизация евразийства привела к размыванию его историософских находок. Концепция Савицкого оказалась эклектичной, строилась на базе геософии, т. е. география в ней подчиняла историю. Крыло, представленное Савицким, выступило под флагом натурализма, сводя историю к географическим и расово-этническим факторам, отрывая ее от духовной жизни. Мировоззренческая неоднородность евразийства привела его к кризису.

Последователем евразийцев провозгласил себя историк и этнолог Лев Николаевич Гумилев (1912–1992). Их идеи он использовал для создания собственной теории, представленной под названиями «теория пассионарности», или «теория этногенеза». В центр исторического процесса Л. Н. Гумилев поставил этнос – социобио-

логическую общность людей, объединенных общими условиями адаптации к природной среде и одинаковыми поведенческими стереотипами. Этносы, по Гумилеву, различаются, помимо прочего, уровнями пассионарности – особой жизненной энергии, диктующей интенсивность исторической жизни, одним из проявлений которой является столкновение жизнеутверждающих, позитивных мировоззренческих систем с «антисистемами». В таком столкновении Гумилев видел отражение главных бытийных проблем человечества.

Концепция Гумилева решительно отвергла европоцентристскую парадигму истории. Генетическую основу западной цивилизации ученый связал с католицизмом, рассматриваемым им как мировоззренческий феномен, заметно трансформированный антисистемными импульсами. Он находил их в учении о предопределении и о включенности зла в программу мира: «Учение о предопределении отняло у своих адептов свободу выбора между добром и злом, но за это подарило им право на безответственность по отношению к собственной совести. ... Полная безответственность индивида противопоставлена обществу, которое вводит в силу закон, основанный не на совести, а на приказе начальства. С таким законом выгодно считаться, но обойти его отнюдь не аморально. Сумел и выиграл! Поэтому были вполне логичны и даже не бессовестны истребление индейцев в Северной Америке, работорговля, ограбление Индии, продажа опиума в Китай» [22, с. 361].

Гумилеву удалось создать живую и яркую историческую панораму, расширить представления о ходе истории. В то же время в его работах имеются явные теоретические неувязки. История этносов, по Гумилеву, начинается с неких «пассионарных толчков», природу которых он смог объяснить только на уровне гипотез. «Пассионарность» в его изображении направлена лишь на внешние цели, не стыкуясь с духовными качествами людей, ибо порождается физико-химическими процессами, безразличными к нравственным проблемам.

В начале 90-х годов XX века ведущие российские историки заговорили о кризисе исторической науки. Стала нарастать критика теоретического схематизма, не признающего человеческое содержание исторического процесса. На волне преодоления моноконцепту-

альности возник целый ряд новых теоретических моделей истории. Даже без учета спекулятивных или мифологизированных построений общее число этих моделей довольно велико. Историк О. Г. Дукка в исследовании, посвященном концептуальным поискам в современной историографии, насчитал девятнадцать таких моделей. Таким образом, отличительной чертой развития отечественного обществоведения в постсоветский период стала многоконцептуальность. Методы и средства, используемые различными авторами для объяснения российской истории, в чем-то расходятся, а в чем-то дополняют друг друга. Многообразие моделей и трактовок истории, появившееся в российском обществоведении на рубеже XX–XXI веков, сыграло позитивную роль в деле осмысления истории России, способствовало раскрытию разных граней сложного и неоднозначного исторического пути, проделанного нашей страной.

Библиографические ссылки

1. *Блок М.* Апология истории, или ремесло историка / пер. с фр. М. : Прогресс, 1986.
2. *Ильин И. А.* О России // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. М. : Русская книга, 1996. Т. 6, кн. 2.
3. *Постнов М. Э.* История Христианской Церкви. Киев : Путь к истине, 1991.
4. *Гегель Г. В. Ф.* Философия истории // Гегель Г. В. Ф. Соч. : в 13 т. М. ; Л. : Госиздат, 1935. Т. 8.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Демократический панславизм // Марк К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1957. Т. 6.
6. Малая советская энциклопедия : в 10 т. М. : АО «Советская энциклопедия», 1930. Т. 8.
7. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Марк К., Энгельс Ф. Соч. М. : Изд-во полит. лит., 1957. Т. 20.
8. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М. : Книга, 1991.
9. *Шпенглер О.* Закат Европы / пер. с нем. М. : Прогресс, 1993.
10. *Лихачев Д. С.* Великое наследие. М. : Современник, 1980.
11. *Лихачев Д. С.* Величие древней литературы // Памятники литературы Древней Руси: XI в. / под ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. М. : Худож. лит., 1978.

12. *Соловьев С. М.* Чтения и рассказы по истории России. М. : Правда, 1989.
13. *Татищев В. Н.* История Российская : в 3 т. М. : АСТ, 2003. Т. 1.
14. *Пушкин А. С.* Карамзин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Л. : Наука, 1978. Т. 8.
15. *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М. : Наука, 1991.
16. *Карамзин Н. М.* О любви к отечеству и народной гордости // Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М. : Современник, 1982.
17. *Ключевский В. О.* Русская история : полн. курс лекций. М. : Мысль, 1995.
18. *Троцкий Л. Д.* Литература и революция. М. : Политиздат, 1991.
19. *Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1933.
20. *Покровский М. Н.* Марксизм и особенности исторического развития России. Л. : Прибой, 1925.
21. *Вернадский Г. В.* Русская история. М. : Аграф, 1997.
22. *Гумилев Л. Н.* Этносфера: история людей и история природы. М. : Экопрос, 1993.

Лекция 2

НАЧАЛЬНЫЕ ВЕКА РУССКОЙ ИСТОРИИ

2.1. Славяне и Великое переселение народов

Начало русской истории связано с Великим переселением народов – массовыми миграциями многих племен и народов, проходившим в I тысячелетии нашей эры на территории всей Европы и значительной части Азии. Некоторыми историками для обозначения масштабов этого явления используется термин «этническая революция», призванный подчеркнуть, что передвижения больших масс людей вызвали колоссальные перемены на географической и этнической карте Евразии.

В ходе массовых миграций стирались и изменялись границы прежних племенных ареалов, резко увеличивались межплеменные контакты, смешивались различные этнические компоненты, что приводило к образованию новых народов. Эпоха Великого переселения народов дала начало этнической и политической истории большинства современных европейских наций. Многие государства, определявшие политическую картину в Европе в начале новой эры, исчезли с географической карты, а на их месте возникли новые.

Движущие мотивы миграций были разнообразны: во-первых, появление у «молодых» народов тяги к самоопределению в историческом пространстве и историческом времени, их стремление утвердить себя среди других народов; во-вторых, численный рост разных племен, вынуждавший их заботиться о расширении ареала своего обитания; в-третьих, поиск новых пахотных земель у земледельческих племен и новых пастбищ у кочевых племен; в-четвертых, логика межплеменных конфликтов и столкновений, когда одними племенами с привычного места обитания вытеснялись другие.

Эпоха Великого переселения народов была временем бурной динамики, бесчисленных войн между разными племенами. В силу доминирования у людей первобытного, биологического начала над социально-культурными нормами эта эпоха отличалась большой жестокостью, в результате которой целые этносы вмиг исчезали с лица земли.

В составе участников Великого переселения народов выделялись тюркские, монгольские, аланские, германские, славянские, арабские, мадьярские племена. Тюркские и монгольские кочевники совершали дерзкие тысячекилометровые переходы из глубин Азии преимущественно в западном направлении, отрываясь от своих прежних тылов.

В Западной Европе особое влияние на ход этнических процессов оказали германские племена, ворвавшиеся на историческую арену в качестве жестоких завоевателей. В IV–V веках они захватили западную часть Римской империи. Крах этой некогда могущественной державы был ускорен моральным разложением внутри римского общества и стал результатом угасания способности римской правящей верхушки к плодотворному историческому творчеству.

В бывших римских провинциях – Британии, Галлии, Испании, Италии – германские племена – англ, саксы, юты, франки, бургунды, алеманы, вестготы, остготы, лангобарды – основали свои королевства. Путем смешивания германцев с кельтами и романизированным населением стали формироваться современные европейские этносы – французы, англичане, итальянцы, испанцы, португальцы и др. Германские племенные вожди, превратившиеся в королей, свирепо и беспощадно наводили свои порядки среди завоеванных ими народов, более развитых в культурном отношении, чем первобытные германцы, уничтожавшие культурное наследие римской античности. История современной западноевропейской цивилизации началась с насилия и крови.

При всей активности германцев в ходе Великого переселения народов не только они определили весь масштаб этого исторического действия. Не менее активную роль в нем сыграли славяне. Славянская колонизация охватила огромные пространства Восточной Европы и Балканского полуострова. Размах этнических и политических перемен на данных территориях был даже более значи-

тельным, чем в Западной Европе. При этом славянская колонизация не сопровождалась той демонстративной жестокостью, с которой германцы подчиняли себе население бывших римских провинций.

Славянская колонизация носила комбинированный характер: наряду с военными походами шло мирное заселение новых территорий земледельческими общинами, причем мирный, трудовой, хозяйственный компонент в славянской колонизации был преобладающим. Славяне-земледельцы испытывали потребность в больших пространствах земли, необходимых при тогдашнем низком уровне агротехники: на одном и том же земельном участке достаточная урожайность сохранялась недолго. Славяне вынуждены были передвигаться, но их продвижение на новые для них места обитания было постепенным, не вело к полному отрыву от тылов, как у кочевников, и не связывалось с целями завоевания других племен, как у германцев.

К моменту, когда Великое переселение народов достигло пика интенсивности (V–VI века н. э.), славяне прочно освоились в Центральной Европе, занимая относительно компактную территорию от южных берегов Балтийского моря до Дуная и от р. Лабы (Эльбы) до верховьев Днепра. Активное продвижение во всех направлениях позволило славянским племенам за исторически короткие сроки заселить огромные пространства, дойдя до Верхней Волги, северных берегов Балтики, Черного и Адриатического морей.

В период Великого переселения славяне представляли собой единую этническую общность – с единым языком, единой материальной и духовной культурой, основой которой были общинные земледельческие традиции. Единый славянский язык сохранялся примерно до XIV века, когда, несмотря на диалекты, житель Новгорода и Черногории, чех и болгарин могли вполне свободно общаться друг с другом. В «Повести временных лет» – одном из главных источников по истории древних славян – летописец XII века оставил показательное свидетельство: «Словенский язык и русский одно есть» [1, с. 21].

В IX веке выдающиеся православные просветители Кирилл и Мефодий создали славянскую азбуку, получившую название кириллицы. Некоторое время у славян существовала общая письменность, но в процесс самобытного развития славянства вмешалась католи-

ческая Церковь, выступившая против использования славянского языка в богослужебной практике и в системе образования. У западных и части южных славян – поляков, чехов, словаков, хорватов – католическими миссионерами была внедрена письменность на основе латинской графики. До сегодняшнего дня верность кириллице сохраняют славянские народы, предки которых когда-то приняли православие: русские, украинцы, белорусы, болгары, сербы, черногорцы, македонцы.

После начальных импульсов переселения у славян начался процесс этнического деления. На новых местах обитания между изолированными друг от друга славянскими племенами стали накапливаться культурные и языковые различия. Причинами этого являлись большие расстояния между ними, естественно-географические барьеры, иноземные вторжения во владения славян, рассекавшие их общую территорию. Не последнюю роль в данном процессе сыграли контакты славян с неславянскими племенами, влиявшие на язык и культуру славян. Эти контакты были преимущественно мирными и отражали естественное взаимодействие культур. На Балканах в состав славянских общин вливались фракийцы, иллирийцы, пришедшие с Волги болгары. Заметно влияла на балканских славян греческая культура с ее богатым античным наследием. Славяне, закрепившиеся на Русской равнине, активно вступали в контакты с финно-угорскими, балтскими, тюркскими, аланскими племенами.

На психологию и характер различных славянских племен накладывали свой отпечаток и природно-климатические условия. Те славяне, которые продвигались в северном направлении, оказывались в значительно более суровых природных условиях, нежели те, которые выбрали южный вектор колонизации. Земледельческий цикл на севере был на два-три месяца короче, чем на юге. Это означало, что славянам, осваивавшим северо-восток Европы, т. е. территорию Русской равнины, в борьбе за выживание приходилось опираться не на индивидуализм, а на общинную солидарность. Им, помимо земледелия, необходимо было развивать скотоводство и различные промыслы. Сама природа закаляла характер восточных славян, выковывая в них стойкость, терпение, умение противостоять многочисленным невзгодам.

На разделение славянства в сильной степени повлиял религиозный фактор. Восточные и основная часть южных славян, пользуясь свободой выбора, добровольно приняли православие. Западные и некоторые из южных славян оказались в лоне католичества. После средневековой Реформации в протестантизм перешли чехи. На территории Сербии, захваченной в XIV веке турками, часть местного населения была обращена в ислам и выделилась в этническую общность, получившую название боснийцев. Между славянами, принадлежавшими к различным вероисповеданиям, нередко вспыхивали жестокие конфликты, как это было, к примеру, в бывшей Югославии, где в годы Второй мировой войны, а затем в конце XX века говорящие на одном языке сербы, хорваты и боснийцы воевали друг с другом под конфессиональными знаменами.

В XIX–XX веках в славянских странах определенной популярностью пользовалась идея славянского культурного и политического единства, предпринимались попытки ее практического осуществления. Сегодня на пути этой идеи стоит много проблем, и перспективы общеславянского единства, говоря в общем, выглядят неблагоприятными.

2.2. Освоение славянами Русской равнины

В ходе Великого переселения народов славяне разделились на восточных, западных и южных. Восточные славяне динамично заселяли Русскую равнину, с ее западных и южных рубежей постепенно продвигаясь в северном и восточном направлениях. Главными транспортными артериями были реки, на берегах которых создавались славянские земледельческие поселки.

Активная фаза расселения восточных славян на Русской равнине пришлось на VI–VIII века. В то время численность славян на этой территории, если мерить сегодняшними представлениями, была невысока, составляла несколько десятков тысяч человек. Славянские родовые общины заселяли разные области Русской равнины. В силу языкового единства, близости хозяйственных и военных интересов общины постепенно сливались в племенные группы и союзы.

К началу IX века было образовано 15 крупных племенных союзов. На северо-западе Русской равнины выделялись ильменские словене, основавшие города Новгород и Ладогу, и кривичи, на землях которых возникли Псков и Смоленск. В VIII–IX веках ильменские словене и кривичи находились в авангарде восточнославянской колонизации, осваивая верховья Волги и продвигаясь в сторону Белого моря. Верховья Днепра и берега Оки заселили радимичи и вятичи. Северо-восток Русской равнины в середине I тысячелетия был покрыт сплошными лесами, в которых жило малочисленное финно-угорское население. С приходом славян процесс хозяйственного освоения этих земель ускорился.

В южной части Русской равнины своей организованностью выделялись поляне, основавшие Киев – будущую столицу Древнерусского государства. Соседями полян были древляне, северяне, дреговичи. Берега Немана и Западной Двины заселили полочане, Западного Буга – бужане и дулебы. Карпаты и их предгорья осваивали вольняне и белые хорваты, Северное Причерноморье – уличи и тиверцы.

Южная, полустепная часть Русской равнины отличалась от северной части тем, что с глубокой древности была областью расселения различных народов. Еще до нашей эры здесь проживали киммерийцы, скифы, сарматы. В период Великого переселения народов через южнорусские степи прошли готы, гунны, авары, хазары, болгары и другие племена и племенные союзы, пытавшиеся утвердить здесь свою государственность. Юг Русской равнины оказался ареной острых столкновений интересов многих народов. Бурная динамика той эпохи, продиктованная бесконечными войнами, препятствовала созданию здесь по-настоящему устойчивых государств.

Восточным славянам также приходилось вести войны, однако они являлись, как правило, оборонительными. Основой жизненного уклада восточных славян был мирный земледельческий труд, чем определялись их ровные отношения с соседями. Славяне, проживавшие на одних территориях с финно-угорскими и балтскими племенами, успешно взаимодействовали с ними. В орбиту хозяйственных и политических интересов восточного славянства постепенно втягивались чудь, меря, мурома, мещера, весь, корела, ижора, черемись, мордва, пермь, печера, ямь, литва, голядь, зимигола, корсь, норома,

либь. Все эти племена, хозяйственный уклад которых был преимущественно промысловым, охотно взаимодействовали со славянами-земледельцами. Шел процесс культурно-бытовых заимствований, заключались межплеменные браки.

Некоторые финно-угорские (меря, мешера, мурома) и балтские (голядь) племена со временем полностью растворились в славянском этническом массиве. В процессе межплеменных взаимодействий славянский элемент доминировал: славян было численно больше, они объединялись в общины, что давало им организационное и психологическое преимущество. Земледельческая культура восточных славян обладала привлекательностью для финно-угров и балтов, стимулируя их ассимиляцию в славянской среде. Отношения этих племен со славянами характеризовались взаимной симпатией, рано появившимся ощущением общей исторической судьбы. Позднее, в XII веке, это нашло отражение в карельских рунах, где русские названы братьями.

Взаимодействие с финно-угорскими соседями облегчало славянам процесс адаптации к непростым природно-климатическим и ландшафтным условиям. Славяне заимствовали у соседей многие приемы ведения промыслового хозяйства. Финно-угорское влияние прочно отпечаталось в великорусском антропологическом типе, говоре великороссов, русской мифологии (водяные, лешие, русалки – калька с финских представлений), характере промыслов и быту русских (парная баня, печи-каменки и т. п.). Сильно это влияние и в русской географической топонимике. Достаточно сказать, что название российской столицы – Москва – по своему происхождению является финно-угорским.

Восточные славяне при участии финно-угорских соседей строили городища, служившие защитой от набегов кочевников и германцев. Фактор внешней опасности формировал у жителей Русской равнины постоянную готовность к борьбе за выживание, вносил в их образ жизни подвижность и неприхотливость. В то время восточные славяне старались не обзаводиться богатыми постройками и громоздким имуществом. Особую ставку они делали на внутриобщинную солидарность. У них преобладали коллективные формы труда, земля и орудия производства находились в общинной собственности.

Для кривичей, радимичей, полян, ильменских словян родовые связи имели большое морально-психологическое значение. Вместе с тем они хорошо осознавали факт культурно-языковой близости с другими славянскими племенами. С течением времени увеличивался объем разнообразных связей между ними, появлялась и укреплялась общая этническая идентификация: наряду с племенными названиями все чаще употреблялось наименование, общее для восточных славян и ассимилировавшихся угро-финнов – «русичи», или «росичи». Это слово возникло в ходе расселения восточных славян по Русской равнине, оно отражало их склонность селиться на берегах рек и озер. Древнеславянское слово «роса» в переводе на современный русский язык означает «вода», «река». Отсюда ясно, что слово «росичи» первоначально означало тех, кто обитал на берегах водоемов. На географической карте Белоруссии, Украины, европейской России с древнейших времен сохранилось немало топонимов с корнями «рус», «рос».

2.3. Древнеславянское язычество

Древние славяне являлись язычниками. Языческие верования были присущи и восточнославянским племенам, заселявшим Русскую равнину. «Язычество» – это термин, которым пользовались христианские богословы для обозначения народов, не признававших единобожия и поклонявшихся различным богам. Он произошел от древнеславянского слова «языцы», что означало «племена», т. е. «язычество» – это внутриплеменные верования. Каждое из племен имело собственные религиозные представления, так или иначе отличавшиеся от представлений даже ближайших соседей.

В племенных верованиях были черты, общие для всех славян-язычников. В первую очередь такой общей чертой было многобожие, означавшее поклонение славян природным силам и стихиям. Каждое божество олицетворяло то или иное явление видимой природы: богом солнца был Дажьдбог, богом неба – Сварог, богом ветра – Стрибог, богом грозы – Перун. Особым почитанием у славян-земледельцев пользовалась богиня земного плодородия Мокошь, у некоторых племен она называлась Матерью-Землей. Покровите-

лем скотоводства считался Велес. У славянских племен языческие пантеоны походили один на другой, но иерархия божеств у каждого племени имела свои отличия.

Поклонение языческим божествам было связано с жертвоприношениями: строились жертвенники-капища, где в честь кумиров резали животных. По свидетельству «Повести временных лет», бывали случаи и человеческих жертвоприношений [1, с. 59]. Для язычества характерна вера в духов. В представлении язычников весь мир видимой природы был одушевлен – душой наделялись животные, птицы, деревья, земля, камни, реки. Верили славяне-язычники и в духов своих умерших предков. Разумеется, каждое племя боготворило собственных родоначальников, не собираясь поклоняться предкам других племен. Культ предков был средством укрепления родовых связей, но вместе с тем он задерживал процесс слияния внутри различных родов и племен в единый этнос. Для общения с духами предков и природы широко использовалась магия в виде различных ритуалов, заклинаний, гаданий. Особое место занимала земледельческая магия. Магами-заклинателями и прорицателями выступали волхвы, пользовавшиеся определенным влиянием среди рядовых язычников.

Язычники, «растворявшиеся» в природной стихии, постоянно накапливали знания об окружающем их физическом мире. Благодаря таким знаниям был создан точный земледельческий календарь, в своей основе сохранившийся и после принятия на Руси христианства. В рамках язычества развивалось устное народное творчество, среди восточных славян распространялись такие фольклорные жанры, как сказки, былины, эпические и лирические песни, пословицы и поговорки. При этом язычество не располагало к распространению книжной грамоты, ибо держалось на устной традиции, не опираясь на священные тексты. Культурные потребности русского общества постоянно росли, и в IX веке язычество на Руси стало оказывать тормозящее воздействие на развитие культуры.

Библиографические ссылки

1. Повесть временных лет. СПб. : Азбука, 1997.

Лекция 3

ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

3.1. Норманнская теория и ее критика в отечественной историографии

Тема образования Древнерусского государства является в отечественной историографии одной из самых дискуссионных. Споры среди историков по этой теме начались в XVIII веке. Работавшие в 1730–1760-е годы в Санкт-Петербургской академии наук немецкие ученые И. Г. Байер и Г.-Ф. Миллер создали так называемую норманнскую теорию происхождения Древнерусского государства и стали пропагандировать ее. Свою позицию они аргументировали ссылкой на содержащееся в тексте «Повести временных лет» легендарное известие о «призвании» на Русь восточнославянскими и финно-угорскими племенами варяжских князей Рюрика, Синеуса и Трувора. Из факта такого «призвания» Байер и Миллер делали далеко идущий вывод о том, что норманны, т. е. скандинавы, придя из-за моря, добились господства над населением Русской равнины. Кроме того, они утверждали, что этноним «русь» имеет скандинавское происхождение.

Норманнская теория представляла собой гипотезу, согласно которой восточные славяне свою государственность получили из рук иностранцев – варягов. В такой гипотезе заключался далеко не безобидный для славян политический смысл, указывавший на их неспособность к самостоятельному историческому творчеству. Естественно, среди русских историков было немало тех, кто не согласился с такой идеологией. В историографии они получили наименование антинорманистов.

Спор норманистов и антинорманистов существовал на протяжении всего периода развития отечественной историографии, сохраняясь и поныне. Он включил в себя несколько проблем, касающихся, во-первых, соотношения внутренних причин и роли иноземцев-варягов в процессе формирования и развития Древнерусского государства; во-вторых, степени норманнского, скандинавского влияния на развитие русской культуры и социальных отношений на Руси; в-третьих, о происхождении имени «Русь», «русский народ».

В середине XVIII века проблема происхождения Древнерусского государства сводилась преимущественно к этническому происхождению Рюриковичей – правящей на Руси династии. В достоверности такой исторической фигуры, как Рюрик, не сомневались ни Байер с Миллером, ни их оппоненты. Спорили о том, был ли Рюрик норманном или славянином, и о том, откуда он пришел на Русь.

С создателями норманнской теории Байером и Миллером в полемику вступил В. Н. Татищев. Касаясь «Повести временных лет», на которую они ссылались, автор «Истории Российской» писал: «О дани варягам Нестор кратко упомянул, что Байера привело во мнение, якобы сии варяги – норманны, норвежские или датские государи, Русью владели» [1, с. 52]. По убеждению Татищева, для вывода, сделанного Байером и Миллером, не было оснований. Он указал на недостаточность летописных источников, использованных немецкими учеными, на их стремление домыслить сюжетную канву ранней истории, что «с честью историка не согласуется – лучше незнание свое признать, нежели ложью хвалиться» [Там же, с. 64].

Нестор в «Повести временных лет» коснулся факта призвания восточными славянами Рюрика, не раскрывая общего контекста этой акции. Татищев сведения «Повести» сверил с материалами летописи, названной им «Иоакимовской», в результате чего выявилась картина происхождения Древнерусского государства, принципиально отличавшаяся от версии Байера и Миллера. Согласно Иоакимовской летописи процесс образования Древнерусского государства находился под контролем восточнославянских князей. Один из них, по имени Буригой, «имея тяжкую войну с варягами, неоднократно побеждал их» [Там же, с. 54], но в какой-то момент военная удача отвернулась от него, после чего варяги захватили целый ряд славянских городов и «дань тяжелую возложили на славян, русь

и чудь» [Там же]. Отплатить за поражение Буривоя сумел его сын Гостомысл. Под его предводительством «варягов каких избили, каких изгнали, дань варягам отказались платить, и, пойдя на них, победили» [Там же, с. 55].

Гостомысл, по описанию татищевского источника, «был муж великой храбрости, такой же мудрости, все соседи его боялись, а его люди любили – ради правосудия» [Там же]. У него было четыре сына и три дочери, но «сыновья его были или на войнах убиты, или в доме умерли, и не осталось ни единого его сына, а дочери выданы были соседним князьям в жены» [Там же]. Наследником Гостомысла мог стать один из его внуков. Лучшим претендентом на наследование оказался Рюрик, сын средней дочери Гостомысла Умилы, которая была выдана замуж за одного из варяжских князей. Рюрик и был призван на княжение «всеми старейшинами земли от славян, руси, чуди, веси, мери, кривичей и дреговичей». Татищев, ссылаясь на Иоакимовскую летопись, пришел к выводу: «Рюрик, как сын дочери Гостомысла, по наследию в Руси государем сделался» [Там же].

Исторические разыскания В. Н. Татищева подрывали позиции норманистов, поэтому «немецкая партия» в Академии наук в течение немалого времени препятствовала обнародованию собранных им материалов. Она блокировала публикацию подготовленных Василием Никитичем к печати Русской Правды и Судебника 1550 года, поскольку они являлись памятниками русского права и опровергали версию о норманнском происхождении законов на Руси.

Активным оппонентом норманистов был и Михаил Васильевич Ломоносов, который дал развернутую критику диссертации Миллера «Происхождение имени и народа российского», в которой и фиксировались главные положения норманнской теории. Ломоносова возмутило, что Миллер представил всю раннюю историю славянства как историю разорений и порабощений. Русский ученый в ответ на это утверждение привел массу примеров доблести и героизма древних славян, их политического и культурного влияния в Европе, полагая, что эти примеры «довольно явствуют, коль велико было славенское племя уже в первые веки по рождестве Христове» [2, с. 178].

Один из ключевых аргументов Ломоносова заключался в том, что русские племена знали княжеский строй задолго до призвания варягов. И в самом деле, было бы нелепо предполагать, что до 862 года восточные славяне были лишены каких-либо форм организации. Едва ли их историческое бытие в этот период было менее насыщенным, нежели в последующие времена. Проблема историков в том, что дорюриковский период русской истории не поддается детальному изучению в силу скудости документальных источников. Из того периода до нас дошли лишь немногочисленные свидетельства, ставшие его слабыми отголосками.

Ломоносов доказывал, что этноним «русь» имеет славянское происхождение и никакого отношения к Скандинавии не имеет. Он писал, что Рюрик пришел в Новгород из юго-восточной Прибалтики, где между Вислой и Двиной жило славянское племя русь. Часть русов, по мысли Ломоносова, еще до Рюрика дошла до Ильмень-озера, в окрестностях которого был основан город Старая Русса. Позднее русские историки, развивая тезисы Ломоносова, указывали на факт распространенности по Русской равнине большого количества топонимов с корнями «рос», «рус» – например, приток Днепра р. Рось.

Историческая наука поддержала Ломоносова в том, что культурное влияние скандинавов на Русь оказалось незначительным, в частности, в русском языке почти нет слов скандинавского происхождения, в то время как имеется немалый пласт заимствований из тюркской лексики. Историческая наука также не нашла доказательств в пользу выдвинутого пропагандистом норманнской теории А. Л. Шлецером тезиса о том, что восточные славяне до прихода норманнов жили в полной дикости, подобно зверям и птицам, были лишены всякого управления. Антинаучность подобных тезисов очевидна.

В отличие от подходов, практиковавшихся учеными немцами, русская историография была свободна от деления народов по признакам расовой неполноценности. Тот же Ломоносов, говоря о началах русской государственности, упоминал не только славян, но с благожелательностью писал и о роли финно-угорских племен в ее создании. Он отвергал домыслы о существовавшей якобы в момент образования Древнерусского государства «дикости» как финно-уг-

ров, так и славян. Ломоносова поддержали И. Н. Болтин, Н. М. Карамзин и другие русские историки. Карамзин писал, что славяне вышли из первобытного состояния задолго до новой эры и к образованию государства на Руси были «уже не дикими варварами, но людьми, которые знают святость чести, имеют законы, имеют торговлю», которые «были бодры, сильны, неутомимы, гостеприимны, целомудренны» [3, с. 79].

Был ли Рюрик скандинавом-норманном или не был? В общем контексте темы, касающейся истоков русской цивилизации, этот вопрос не является первостепенным. Рюрик, согласно разным предположениям, мог быть и норманном-шведом, и внуком Гостомысла, и сыном ютландского короля, и представителем одного из западнославянских племен. Нет смысла фетишизировать этнический фактор применительно к IX веку, когда складывание русского этноса находилось лишь в самой начальной фазе. Этническая принадлежность ни Рюрика, ни его дружинников не могла решающим образом повлиять на русский этногенез, в котором участвовали и восточные славяне, и балты, и финно-угры, а на юге Русской равнины – турки и аланы. Если даже в состав русского этноса и влилась группа скандинавов, то навязать ему какие-то качественные доминанты она все равно не могла.

Значение Рюрика для становления и развития русской цивилизации состоит не в его этнической характеристике, а в том, что при нем была создана устойчивая государственность на Руси, способствовавшая слиянию разных племен в единый этнос. При этом нужно помнить, что процесс такого слияния получил особое ускорение и завершение лишь после крещения Руси в конце X века. Православное мировоззрение окончательно объединило население Русской равнины в единый народ, и уже к XII веку Киевская Русь достигла культурного, языкового и ментального единства.

По норманнской теории ощутимый удар нанесли исследования историка Александра Евгеньевича Преснякова, с помощью стройной системы аргументов доказавшего, что русская государственность выросла на почве общинного строя, в условиях которого жили восточные славяне в догосударственный период. Общины появились намного раньше единого государства, при этом каждая община представляла собой зачаточный элемент государственности.

Очевидно, что общины как формы организации, помогавшие восточным славянам объединяться и продвигать свое развитие в сторону единого государства, не имеют никакого отношения ни к скандинавам, ни к другим иноземцам.

3.2. Движущие силы и условия образования государства на Руси

Понятие «русь» как общее название славянского населения Русской равнины стало распространяться еще во времена догосударственного строя. Факт распространения этого понятия отражал повышение исторической зрелости восточных славян, их движение от родоплеменной стихии в сторону единого государства.

Становление и развитие государственности – один из ключевых векторов русской истории. Государство на Руси как централизованная система управления общественной жизнью выполняло не только важные организующие и регулирующие функции, но во многом определяло ход и направление исторического процесса.

Переход от родовых отношений к государственным не был и не мог быть одномоментным. Он проходил постепенно, отражая накопление необходимых предпосылок и прохождение вполне определенных стадий. У восточных славян к таким стадиям относилось складывание военно-политических союзов между племенами и замена родовой демократии военной демократией. Постоянное давление со стороны внешних агрессоров заставляло восточных славян создавать систему обороны, центральным звеном которой становились военные дружины во главе с князьями. Княжеская власть опиралась на вооруженную силу, которая являлась первым из обязательных атрибутов государства, ибо государство, не обладающее правом использовать силу для поддержания общественного порядка и защиты от внешних соперников, нежизнеспособно.

В I тысячелетии с его беспрестанными войнами неумение защитить себя означало для восточных славян либо гнет со стороны иноплеменников, либо полную гибель, уход из истории. В период родовых отношений некоторые восточнославянские племена по-

знали всю тягость иностранного порабощения. Так, жестокому угнетению со стороны авар подверглись дулебы, о чем с горечью рассказано в «Повести временных лет» [4, с.10], а поляне, северяне, вятичи, радимичи попали в зависимость от Хазарского каганата, наложившего на них дань, нередко взимавшуюся «живым товаром», когда славянские юноши и девушки становились объектами работоторговли, приносившей хазарской верхушке крупные барыши. Славяне северо-востока Русской равнины испытывали притеснения со стороны германцев из Скандинавии. Любовь к свободе требовала от славян способности защищаться, а организация обороны делала необходимой, в свою очередь, передачу больших полномочий военачальникам-князьям. Каждый племенной союз во главе с князем представлял собой, по сути дела, прообраз государства. Князья строили города, выполнявшие роль административных и торгово-ремесленных центров.

К моменту появления централизованной власти на Руси насчитывалось 24 города. Уклад жизни в них тяготел к государственным формам, накапливались его отличия от жизнеустройства, господствовавшего в родовом мире. В городах, где селились представители разных родов и племен, терялось регулирующее значение родовых традиций и обычаев, на смену которым приходили княжеские установления. Появлялись общие для жителей того ли иного города законы – еще один важнейший атрибут государственности.

Развитию объединительного процесса у восточных славян способствовало появление двух государствообразующих центров – Новгорода и Киева. Новгород стягивал к себе интересы славян и финно-угров Северо-Восточной Руси, Киев был самым влиятельным городом на юго-западе Русской равнины.

Очевидно, что первым по значимости фактором, обусловившим создание на Руси государства, являлась необходимость организовать военную защиту от внешней агрессии. Но одновременно с этим фактором действовали и другие, связанные с внутренним развитием восточного славянства. На протяжении VI–IX веков непрерывно нарастали общие интересы и в то же время усложнялись связи между родовыми общинами, племенами и племенными союзами. Жизненно важной становилась координация отношений

между ними, возможная только при наличии единых этических и правовых критериев, возникла необходимость арбитража. Родовые вожди и князья, возглавлявшие племенные союзы, не могли успешно выполнять арбитражную функцию в рамках всего восточного славянства, ибо она требовала отказа от племенной психологии. Для роли нейтрального арбитра, разумно координирующего отношения между разными племенами, лучше всего подходил человек, не связанный с родовым миром.

Именно эта ситуация отражена в предании о призвании Рюрика на княжение в Новгороде. «Повесть временных лет» рассказывает, как в 862 году чудь, словене, кривичи и весь, посетовав: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет» [4, с. 15], пригласили Рюрика в Новгородскую землю для того, чтобы он и обеспечил здесь «наряд» – общий для всех закон, государственный порядок. Так благодаря добровольной инициативе славянских и финно-угорских племен на русском северо-западе было положено начало династии Рюриковичей, в течение нескольких столетий олицетворявшей на Руси государственную власть.

В 882 году родственник и соратник Рюрика Олег подчинил себе Киев и перенес сюда столицу из Новгорода. Север и юг Руси объединились в одно государственное целое.

862 и 882 годы – важнейшие даты русской истории. Однако при этом они явились только значимыми вехами единого процесса, связанного со строительством на Руси самобытной государственности. Этот процесс начался задолго до Рюрика и Олега еще в недрах родового строя и отражал качественный рост сознания восточных славян, постепенно созревшего до понимания преимуществ государственной организации в сравнении с родовой стихией. Качественный рост восточнославянского общества отражался во всех сферах его жизнедеятельности – хозяйственной, социальной, культурной. Развитие этих сфер способствовало складыванию предпосылок перехода славян к государственному строю.

Так, рост хозяйственных промыслов вел к увеличению и усложнению торгового обмена между различными славянскими и финно-угорскими племенами. В этих условиях появилась необходимость утвердить единый расчетный эквивалент, общую денежную единицу. Сначала для расчетов использовались византийские и араб-

ские деньги, затем появились гривны – рубленые серебряные слитки. Реально обеспечить расчетную устойчивость гривен могла только централизованная государственная власть.

Немалое воздействие на процесс образования государства на Руси оказал и внешнеэкономический фактор. Через Русскую равнину пролегал важный международный торговый транзит, носивший название «путь из варяг в греки». Он связывал Византию со Скандинавией и шел от Черного моря через реки Днепр, Ловать, Волхов, озера Ильмень и Ладожское до Балтийского моря. Охрана этого торгового пути затрагивала интересы не только русичей, но и всех участников международной торговли – византийцев, скандинавов, хазар, арабов, западных европейцев, поэтому все они проявляли заинтересованность в строительстве и укреплении на всем протяжении этого пути городов, выполнявших функции крепостей и торговых факторий, игравших важную роль в поддержании всей транзитной инфраструктуры. Однако полностью обеспечить ее стабильность могла лишь государственная власть. Эту мысль стремились донести до русичей византийцы, представлявшие самое мощное государство того времени. «Путь из варяг в греки» имел для Руси не только экономическое, но и большое культурное значение, предоставляя ей возможность вступать в контакты с разными народами, знакомясь с их опытом исторического творчества, в том числе и в деле государственного строительства.

Условия для перехода от родового строя к государственной организации определялись, помимо прочего, усложнением социальных отношений внутри восточнославянского общества. Это усложнение происходило на основе усиления специализации, т. е. выделения из племенной массы людей, специализирующихся в одной, вполне определенной сфере деятельности, будь то управление, военное дело, ремесло, земледелие и т. п. Специализация повышала функциональные возможности общества, но в то же время вела к материально-имущественной дифференциации между людьми, закреплению различных общественных статусов, расхождению социальных интересов. Баланс этих интересов можно было обеспечить с помощью общих для всех законов, гарантом соблюдения которых могла являться только централизованная государственная власть.

Процессы, происходившие в сфере общественного сознания у восточных славян, отражали не одну, а несколько тенденций. Социальное усложнение восточнославянского общества сочеталось с процессом этнической консолидации восточных славян и тесно связанных с ними неславянских племен. На первых фазах складывания древнерусского этноса ему была присуща определенная аморфность. Преодолеть ее без посредства такой скрепляющей структуры, как государство, было практически невозможно.

Государственное строительство на Руси подчинялось требованиям логики и целесообразности. Рядовое население Руси было заинтересовано в повышении степени общественной безопасности, стабильности, предсказуемости. В дело вступал такой фактор, как государственный инстинкт народа.

Древнерусское государство изначально имело специфические особенности. Обширная территория, контролируемая им, определяла целый комплекс задач, решение которых было более сложным, чем на небольших пространствах. Такие задачи, как охрана протяженных границ, развитие связи и транспортной инфраструктуры, поддержание внутреннего порядка, могли успешно решаться только в условиях повышенной централизации власти. В то же время в условиях огромных пространств государственный аппарат не имел нужды и реальной возможности влиять на все стороны общественной жизни, поэтому административное управление свободно сочеталось с демократическими элементами в принятии решений. Такие формы самоуправленческой демократии, как община в сельской местности и вечевые собрания в городах, во многом определяли облик древнерусской государственности. Община и вече решали все вопросы, касавшиеся местной жизни, выполняли посредническую функцию между рядовым населением и княжеской администрацией, защищая людей от возможного произвола центральных властей и в то же время помогая князю в организации налогового сбора, поддержании безопасности в стране.

3.3. Первоначальный этап русской государственности

В тексте древней северной летописи, реконструированном видным российским ученым А. А. Шахматовым, рассказывается, как в середине IX века славянские и финно-угорские племена Северо-Западной Руси решили на межплеменном совете: «Поищем себе князя, который бы правил нами по закону» [5, с. 227]. Выбор пал на Рюрика, который по одним данным был сыном ютландского короля, по другим являлся представителем одного из западнославянских племен. В Иоакимовской летописи, на которую ссылался В. Н. Татищев, содержались сведения о том, что Рюрик был внуком Гостомысла – одного из наиболее авторитетных новгородских старейшин. Так или иначе, Рюрика на Руси хорошо знали, иначе его приглашение на княжение было бы не вполне оправданным. По летописным свидетельствам, найденным В. Н. Татищевым, Рюрик женился на представительнице одного из новгородских знатных родов.

Первоначальная структура государственного аппарата, во главе которого стоял великий князь, была относительно простой. Ее ядром являлась княжеская дружина, олицетворявшая собой исполнительную власть. Дружина выполняла оборонительную функцию, поддерживала внутренний порядок в стране, занималась налоговым сбором, реализовывала судебные решения. Дружина делилась на две части: старшую, меньшую по численности, и младшую. Младшие дружинники, именовавшиеся отроками, находились на нижних ступенях служебной иерархии, выполняя приказы князя и старших дружинников. Старшие, т. е. наиболее опытные, дружинники составляли круг приближенных к князю советников, называвшихся боярами. Князь рассматривал их как основной кадровый резерв при назначении на должности воевод, тысяцких, наместников, судей и дипломатов. Бояре получали за службу денежное или натуральное вознаграждение. С XI века стала распространяться практика раздачи им земель, обладание которыми тогда было обусловлено государственной службой. Отказ от обязательств перед великим князем автоматически лишал бояр их земельных владений.

Социальная структура древнерусского общества формировалась под значительным воздействием государства. Сословия складывались как общности людей, имевших во многом одинаковые интересы. Различия между сословиями определялись не только родом занятий, но и их правами и обязанностями в отношениях с государством.

Вся Русская земля считалась владением великого князя. Племенные князья подчинялись ему, должны были выплачивать дань в казну и присылать воинов в великокняжескую дружину.

Подавляющее большинство русского населения составляли смерды – свободные земледельцы, обрабатывавшие землю и занимавшиеся различными промыслами на общинной основе. Община являлась устойчивой формой самоуправленческой демократии. Она решала вопросы, касающиеся разделения земли и пользования ею, а также распределения налоговой нагрузки. Действуя на принципах круговой солидарности, община выполняла роль своеобразного амортизатора в отношениях между государственной властью и рядовыми смердами.

Продолжением и развитием традиционной сельской общины стали городские вечевые собрания, в которых принимали участие все свободные взрослые горожане. На вече обсуждались насущные вопросы не только собственно городской, но и общерусской политической и экономической жизни.

В городах селились купцы и ремесленники. В Древней Руси насчитывалось свыше полусотни ремесленных специальностей. В IX–X веках металлурги, кузнецы, оружейники, столяры, плотники, гончары, камнетесы, ювелиры, стекольщики, ткачи, кожевники работали преимущественно по заказам. При этом постепенно развивался и набирал силу рынок свободного сбыта, чему содействовало развитие ремесленных технологий – появление токарных и ткацких станков, овладение новыми приемами металлообработки и т. п. Расширению ремесленного производства заметно способствовало также укрепление купеческих корпораций. Ремесленники часто выполняли те или иные работы в пользу великокняжеской власти. Помимо этого, они, как и купцы, выплачивали налоги в казну.

Некоторые категории населения являлись частично (рядовичи, закупы) или полностью (холопы) зависимыми, ответственность

за них перед государством или людьми из свободных сословий несли те, от кого они зависели.

Города были не только торгово-ремесленными пунктами, но и военными крепостями, и административными центрами, где находились представители великокняжеской власти в лице бояр или членов княжеского дома.

Ставка Рюрика находилась в Новгороде. Имеются данные о том, что прежде чем «сесть» там, он в течение некоторого времени пребывал в Ладоге. Рюрик наладил сбор налогов и управление подвластными землями, организовал надежную систему обороны от внешних врагов, что делало жизнь населения северо-запада Руси более безопасной и предсказуемой, чем раньше.

Пример новгородцев привлек киевлян, приславших к Рюрику делегацию с просьбой взять киевские земли под опеку и обеспечить их защиту от хазар, которым некоторые восточнославянские племена на юге Руси в то время платили дань. Рюрик, держа под собственным контролем Северную Русь, направил в Киев в качестве наместников своих приближенных – Аскольда и Дира, дав им дружину.

Хазарский каганат тогда представлял собою крупное, политически сильное государственное образование, территориально охватывавшее Нижнюю Волгу, Дон, Приазовье, Северный Кавказ, часть Северного Причерноморья. Столь обширные владения достались хазарским каганам благодаря их активной и наступательной внешней политике. В VII–VIII веках хазары небезуспешно воевали с Персией и Арабским халифатом, в IX веке подчинили волжских болгар и заставили платить дань некоторые восточнославянские племена: полян, северян, радимичей, вятичей. Во второй половине IX века обострились отношения между Хазарским каганатом и Византийской империей. Вражда между двумя государствами была обусловлена в первую очередь геополитической конкуренцией. Хазарские каганы стремились подорвать международные позиции Византии.

Аскольд и Дир, утвердившись в Киеве, помогли избавиться от хазарской дани полянам, но полностью освободить Южную Русь из-под политического и экономического давления Хазарии не смогли. Более того, они сами попали под финансовое влияние хазар-

ских купцов, которых было немало в Киеве. В 866 году в результате тонких дипломатических комбинаций, реализованных хазарскими стратегами, Аскольд и Дир оказались втянутыми в византийско-хазарский конфликт и, встав на сторону каганата, двинули свою дружину в поход на византийскую столицу Константинополь.

Однако данный поход имел совсем не то завершение, на которое рассчитывала хазарская дипломатия. Пораженные блеском византийской культуры, Аскольд и Дир обратились к константинопольскому патриарху Фотию с просьбой крестить их. Патриарх откликнулся на эту просьбу. Аскольд в крещении стал Николаем, а Дир – Ильей. «Аскольдово крещение» положило начало знакомству русичей с православием.

Однако преодолеть языческую стихию в то время было сложно. Влияние христиан в Киеве было незначительным. Языческая оппозиция Аскольду и Диру сыграла свою роль в 882 году, когда князь Олег, преемник умершего в 879 году Рюрика, привел новгородскую дружину к Киеву, чтобы взять там власть. Горожане не стали защищать Аскольда и Диру, выдав их Олегу, который обвинил их в слабой распорядительности и расправился с ними.

Олег стал править Русью из Киева, названного им «матерью городов русских» [4, с. 17]. За свой ум и дар стратегического мышления Олег получил прозвище Вещий. С помощью политических и хозяйственных средств он относительно прочно связал Южную и Северную Русь в единое целое, значительно усилил дружину, построил военный флот на Черном море. Олегу удалось освободить от хазарской дани северян и радимичей.

Увидев в Олеге соперника, серьезно угрожавшего хазарским интересам, каганат попытался организовать экономическую блокаду Руси, препятствуя продвижению на ее территорию торговых караванов с Востока. Олег заключил тесный политический союз с Византией, направленный против Хазарии. В тексте договора Руси с Византией, подписанного в 912 году, говорилось об установлении прочной дружбы и братских отношений «межи христианы и Русью от многих лет» [6, с. 10–11].

После Аскольда и Диры распространение христианства на Руси замедлилось, но не прекратилось: Олег не препятствовал сохранению русской православной митрополии, подчиненной патриарху

Константинопольскому. В это же время существовала аланская митрополия, также руководимая из Константинополя. Аланы выступали союзниками Руси и Византии.

Антихазарская коалиция успешно действовала до 40-х годов X века, когда хазарскому военачальнику Песаху удалось нанести поражение сначала аланам, а затем и Руси. Он осадил Киев, заставил русов отступить с берегов Азовского моря, опустошил южные окраины Киевского государства, возобновил взимание дани с тех племен, которые являлись хазарскими данниками до прихода Олега. Хазарскому кагану Иосифу удалось вынудить окружение киевского князя принять условия, по которым Русь должна была разорвать союз с Византией. Русичам даже пришлось воевать с Византией. Ликвидировалась русская православная митрополия. В итоге независимость Руси оказалась под большим вопросом.

В то время на киевском престоле находился князь Игорь. Историки затрудняются дать точные сведения, касающиеся сроков правления и деталей биографии этого князя, поскольку как в хронологии событий, так и между летописными сюжетами, в которых упоминается его имя, содержатся те или иные нестыковки.

В 941 году Игорь организовал военно-морской поход против Византии, закончившийся неудачей: многие русские корабли были сожжены специальной горючей смесью, использованной против них византийцами. В 944 году Игорь, как сообщает летопись, «пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя» [4, с. 32]. Византийский император Роман I не хотел воевать с Русью, видя в ней естественную союзницу. Он выслал навстречу Игорю богатые дары, умиротворившие князя и его дружину. Вскоре после этого Игорь и Роман I заключили политический договор, предусматривавший военную взаимопомощь византийцев и русских, в том числе и в противостоянии с Хазарией.

Игорь с энтузиазмом принял новый внешнеполитический курс, но не имел достаточных сил для его полноценной реализации. Желая получить средства для усиления своей дружины, он попытался удвоить дань с подчиненных Киеву древлян. Древлянская племенная знать не хотела вникать в смысл тех сложностей, в которых находился киевский князь, и заподозрила его в заурядной алчности. Игорь был убит.

Правительницей Руси стала вдова Игоря княгиня Ольга, выступившая в роли регентши при собственном малолетнем сыне Святославе Игоревиче. Ольга была родом из Пскова. Обладая стратегическим талантом, она, по словам «Повести временных лет», была «мудрейшей из всех» [4, с. 81]. Государственная мудрость Ольги отразилась как в ее внутренней, так и во внешней политике.

Став правительницей, Ольга предприняла меры для окончательного подчинения древлян великокняжеской власти. Вместе с тем была усовершенствована система налогового сбора, ставшая более удобной и для государства, и для населения: было отменено полюдье – нерегулярный объезд княжеской дружиной всех земель для сбора дани. Вместо полюдья были введены погосты – появившиеся в различных местностях специальные пункты, куда в определенное время местные общины должны были доставлять меха и другую промысловую добычу, сельхозпродукты, изделия ремесленников – все то, что могло пополнить княжескую казну.

В дипломатии Ольга продолжала внешнеполитическую линию, направленную на укрепление союза с Византией. Для этого она в 955 году организовала большое посольство в Константинополь, в результате которого взаимодействие Руси с Византийской империей было заметно расширено. В Константинополе русская княгиня была с почетом принята византийским императором Константином Багрянородным. Ольга, на которую пышная византийская культура произвела большое впечатление, в храме Святой Софии приняла крещение по православному обряду. Примеру княгини последовали многие из ее окружения. По возвращении на Русь Ольга позаботилась о создании условий для распространения здесь христианства.

Принимались усилия для развития дипломатических связей с Западной Европой. В 959 году Ольга отправила посольство к германскому королю с целью повлиять на внешнюю политику Германии, связанную с ростом агрессивности в отношении славянства. Хотя это посольство не остановило завоевательные походы германцев против западных славян, оно все-таки заставило германского короля Оттона I считаться с существованием сильного Русского государства. Намереваясь втянуть Русь в зону своего влияния, Оттон I попытался использовать для этого религиозный фактор: в Киев

был направлен германский католический проповедник Адальберт, провозгласивший себя «епископом русским». Киевлян католическая проповедь не только не привлекла, но и возмутила – миссионеров едва не перебили. Адальберту пришлось спешно покинуть Киевскую землю.

Ольга проявляла заинтересованность в укреплении всех русских городов. Мощными крепостями в то время являлись Новгород, Псков, Белоозеро, Ростов, Муром, Полоцк, Смоленск, Туров, Чернигов. Княжеская власть поощряла продвижение русских поселенцев к устью Днепра, Керченскому проливу, на Тамань. Владения Руси вплотную подступали к хазарским границам и колониям Византии в Крыму и Причерноморье.

В 964 году власть над Русью перешла к князю Святославу Игоревичу – сыну Ольги, которая теперь занималась внутренними делами государства от его имени. Святослав же предпочел посвятить свою жизнь военным походам. Он был выдающимся полководцем. Главной его заслугой стало окончательное решение хазарской проблемы.

Разрабатывая стратегию войны с Хазарией, Святослав отказался от наступления на нее в юго-восточном направлении, поскольку русским войскам пришлось бы форсировать выстроенную здесь хазарами мощную и труднопреодолимую оборонительную линию, протянувшуюся вдоль рек Северский Донец и Дон. При подготовке плана военного разгрома каганата Святослав решил предпринять обходной маневр, начав наступление на противника не из Киева, а из Северной Руси. В 966 году он двинулся вдоль Оки, освободив из-под власти хазар племя вятичей. Стремясь создать широкий стратегический плацдарм в войне против Хазарии, Святослав совершил успешный поход в земли волжских булгар и бургасов. Затем русская рать спустилась вниз по Волге и, выйдя к северным границам каганата, обрушила на него мощный удар, которому хазары не смогли успешно противостоять. Их войска во главе с каганом были разбиты, русские заняли столицу Хазарии город Итиль, откуда двинулись на Дон и Северный Кавказ, преодолевая остатки сопротивления и смещая в городах хазарскую администрацию. Тяжелое поражение хазарам было нанесено в битве при Саркеле.

Взяв эту крепость, Святослав оставил ее под своим контролем, переименовав в Белую Вежу. Поход Святослава завершился у берегов Каспия, где был покорен крупный хазарский административный центр Семендер. В итоге, победоносно пройдя несколько тысяч километров, русские войска сломили силу Хазарии, долгое время диктовавшей свои условия многим народам Восточной Европы. Победа Святослава усилила позиции Руси в отношениях с ее соседями, отразила ее растущую политическую мощь. Русь обезопасила свои южные и восточные границы, установила контроль над торговыми путями по Волге и Дону.

По результатам войны с Хазарией в составе Русского государства были закреплены земли вятичей на р. Оке, а также Тмутаракань в Приазовье и северо-западное Причерноморье, где обитали славянские племена уличей и тиверцев. Под контролем Руси оказалась большая полоса северного берега Черного моря. Стремясь расширить границы Руси на юге, Святослав организовал поход на Дунай, где в 968 году одержал победу над дунайскими болгарами. После этого в городе Переяславце, расположенном в дельте Дуная, он устроил свою резиденцию, высказывая намерение перенести сюда русскую столицу из Киева. Из Переяславца Святослав выступал в походы против самозванца Цимисхия, изменнически узурпировавшего власть у византийского императора Никифора Фоки, являвшегося союзником Святослава. С войсками Цимисхия русичи бились, не жалея своих сил. Византийский хронист Лев Диакон писал о них: «Они никогда не сдаются врагам, даже побежденные. Этот народ безрассуден, храбр, воинственен и могуч» [7, с. 79].

Однако Святославу пришлось уйти с Дуная. Из Киева поступило сообщение, что его осадили печенеги, и князь двинул свою дружину на выручку киевлянам, среди которых были и его родственники. Весной 972 года Святослав подошел к днепровским порогам, где его поджидала печенежская засада. В схватке с печенегами знаменитый полководец был убит, не успев реализовать многие государственные планы. Тем не менее по итогам его правления в политическом облике Руси ясно обозначились черты великой державы.

Библиографические ссылки

1. *Татищев В. Н.* История Российская : в 3 т. М. : АСТ, 2003. Т. 1.
2. *Ломоносов М. В.* Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого. СПб. : Императорская Академия наук, 1766.
3. *Карамзин Н. М.* Предания веков. М. : Правда, 1988.
4. Повесть временных лет. СПб. : Азбука, 1997.
5. *Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях. М. : Кучково поле – Академический проект, 2001.
6. Памятники права Киевского государства X–XII вв. М. : Госюриздат, 1952. Вып. 1.
7. *Лев Диакон.* История. М. : Наука, 1988.

Лекция 4

КИЕВСКАЯ РУСЬ В ПЕРИОД РАСЦВЕТА

4.1. Крещение Руси, его значение

В 988 году князь Владимир Святославович провозгласил православие государственной религией Руси. Этот год стал важнейшим в русской истории. С принятием православия Русь вступила на путь сознательного исторического творчества: все события стали оцениваться с позиций нравственных заповедей, историческая картина приобрела четкость, которой не было у язычников. Православие оказало определяющее воздействие на русскую культуру, мировосприятие русского народа стало формироваться как православное.

Новое вероисповедание пришло на Русь не только как религиозный культ, оно предстало перед русичами в виде гармоничной мировоззренческой системы, одарило их иерархией духовных ценностей. Православие определяло правила поведения в семье и обществе, принципы отношения к людям, природе, труду. Явившись источником жизнеутверждающей духовной энергии, оно стало одной из главных движущих сил русской истории.

Князь Владимир и его окружение располагали свободой при выборе веры. Сильной в военно-политическом отношении Руси никто не мог навязать вероисповедание извне. Выбор веры был для русичей свободным творческим актом. Его необходимость диктовалась тремя основными факторами.

Во-первых, перед князем Владимиром стояла задача ускорить культурно-этническую и политическую консолидацию древнерусского общества, которой препятствовали сохранявшиеся внутри восточного славянства племенные перегородки, связанные с язычеством. В 980 году Владимир попытался свести различные языческие культы в единую религиозную систему, но его попытка закон-

чилась неудачей. Ему стало ясно, что в рамках язычества религиозная реформа невозможна. Нужно было обращаться к одной из мировых религий.

Во-вторых, отказ от язычества в пользу одной из развитых религиозных систем диктовался потребностями культурного развития Руси. Язычество, отражая бесписьменную традицию, слабо стимулировало развитие книжной грамотности и образования, в то время как христиане должны были уметь читать Евангелие, а мусульмане – Коран. Кроме того, славяне-язычники не были заинтересованы в развитии архитектуры, живописи, музыки, различных видов ремесла так, как, к примеру, христиане, у которых обрядовая практика была тесно связана с храмовым богослужением и литургией.

В-третьих, будучи сильной в военном отношении державой, Русь стремилась закрепить свои позиции на международной арене. Расширились ее торговые и дипломатические связи. Русские купцы и дипломаты бывали как в западных, так и в восточных странах. Однако им, язычникам, зачастую приходилось видеть неуважительное отношение к себе со стороны христиан и мусульман, среди которых язычество считалось признаком культурной отсталости. Руси нужен был внешнеполитический статус, который обеспечил бы ей равноправие в отношениях с другими странами.

В «Повести временных лет» говорится о том, что Владимир к выбору веры подошел весьма основательно, выслушав посланников из разных стран: болгар магометанской веры, хазарских иудеев, послов папы римского. Убедить Владимира в преимуществах своих религий они не сумели. Зато рассказ философа, прибывшего из Византии в качестве представителя православия, произвел на князя большое впечатление. Стремясь проверить полученные впечатления, он созвал своих бояр и отправил их сначала к болгарам, затем – к немцам, а после этого – в «Греческую землю», наказав «высмотреть у них все» для того, чтобы «испытать их веру» [1, с. 79].

Когда бояре вернулись в Киев, они рассказали, что видели в мечети у болгар: «...нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их» [Там же, с. 80]. Затем поведали о визите к немцам: «...видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой» [Там же]. А вот богослужение в Софийском право-

славном соборе в Константинополе поразило бояр: «И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой... Пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького» [Там же].

Православие было для русских более привлекательным, нежели католицизм. Об этом свидетельствовала хотя бы фраза, сказанная князем Владимиром послам из Рима в ответ на рассказ о католическом учении: «Идите, откуда пришли, ибо отцы наши не приняли этого» [Там же, с. 63]. Князь знал о том, что папы римские провозглашали себя наместниками Бога на земле и стремились навязать свою волю светским правителям. Но Владимир не для того выбирал религию, чтобы подчинить себя и свою страну чужой воле, напротив, он хотел усилить Русь, сделав ее еще более самостоятельной державой. Привлекательный образец он увидел в Византийской империи, где отношения между императорской и церковной властями определялись принципом «симфонии»: государство и церковь плодотворно сотрудничали и поддерживали друг друга.

Предпосылки принятия Русью православия вызревали по мере развития у восточных славян религиозных представлений. Открытости и готовности русских людей принять византийское христианство способствовало наличие в их родном языке мощного пласта сакральной лексики, наследуемой от праславянских предков и представлявшей собою готовый субстрат для развитой литургии и глубокой богословской литературы.

Православие давало Руси возможность не только приобщиться к культурным достижениям других стран, но и развивать собственную культуру. Этому в сильной степени способствовала кирилло-мефодиевская традиция, закрепившаяся в православии. Она была нацелена на развитие книжной культуры и приобщение к ней широких масс людей. Православные просветители Кирилл и Мефодий не только создали славянскую азбуку, но впервые систематизировали на славянском языке философские категории. Они проповедовали идею соединения веры с разумом. Кирилл Философ говорил:

«Огонь искушает золото и серебро, а человек умом отсекает ложь от истины» [2, с. 97]. Из этого тезиса вытекала установка на приобретение знаний, овладение письменностью, развитие науки, философии, литературы.

Кирилл и Мефодий, создавая славянскую азбуку, были убеждены в праве славян на просвещение. Они отвергали утилитарные шаблоны западной церкви, насаждавшей мертвую латынь среди всех народов и называя «ересью» просвещение славян на родном для них языке. Кирилл Философ полемизировал с католиками: «Не на всех ли равно от Бога проливается дождь? Или солнце не так же сияет для всех одинаково? И не одним ли воздухом дышим мы все? И как вы не стыдитесь народы и племена обрекать на слепоту и глухоту?» [Там же, с. 33].

Для русичей принятие православия открывало доступ к просвещению на родном языке. С принятием католицизма возможность развивать собственную письменную культуру для них была бы резко ограничена. В западном христианстве к тому времени закрепился постулат о жесткой предопределенности всего существующего в мире. Из этого постулата следовало представление о непознаваемости бытия. У православных же познание всего существующего, или, как они говорили, богопознание, считалось безусловной ценностью.

На решение Владимира крестить Русь по православному обряду повлияли и тесные связи с Византией, с которой Русь имела общую границу в Причерноморье, севернее Крыма. Византийская империя в X веке являлась мощной державой, самой развитой из европейских стран в политическом и культурном отношении. На фоне Византии Западная Европа, раздираемая частыми войнами и феодальными усобицами, тогда выглядела непривлекательно. К тому же среди русских к моменту официального принятия христианства в 988 году имелось немало православных, поскольку дорога православию на Русь была открыта еще княгиней Ольгой. Не случайно на совещании, где обсуждался вопрос о выборе веры, бояре привели Владимиру и такой довод: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей» [1, с. 80–81].

После крещения Руси ее контакты с Византией стали еще более разнообразными. О политической зависимости Руси от константинопольских императоров речи не было. Обращение Руси к византийскому культурному опыту только поднимало ее авторитет на международной арене. Сдвиг в развитии русской культуры после крещения Руси был колоссальным. Во многом он связан именно с византийским влиянием. В русские города стали приезжать многие священнослужители, иконописцы, мастера из Византии, а также из близких русичам Болгарии и Сербии, принявших православие раньше Руси. Благодаря приезжим стали строиться первые храмы, появились многие, ранее неизвестные, ремесла, развивалась письменная литература и иконопись, усваивались начала этики и правосознания, более разнообразными становились формы хозяйственной деятельности. Русичи массово принимали христианские имена, которые были распространены у византийцев: Александр, Андрей, Алексей, Василий, Виктор, Георгий, Григорий, Дмитрий, Иван, Константин, Михаил, Николай, Павел, Петр, Сергей, Федор, Анастасия, Екатерина, Елена, Зоя, Софья, Татьяна и др. Эти имена довольно быстро стали для русичей привычными. Спустя непродолжительное время после крещения Руси они – наряду со славянскими именами Владимир, Всеволод, Вячеслав, Святослав, Ярослав, Вера, Надежда, Любовь, Людмила, Светлана – воспринимались здесь уже как традиционные, местные.

Князь Владимир принял крещение в Крыму, в городе Херсонесе, находившемся тогда в византийских пределах (ныне это территория города федерального значения Севастополя). Затем были крещены его родственники, бояре, дружинники и жители Киева. В целом же христианизация Руси растянулась на несколько десятилетий. При ее проведении упор делался на просвещение людей, на объяснение сути христианских заповедей. Евангелие становилось для русичей духовным ориентиром, давало смысловые установки, служило «уставом жизни». Приобщение к христианству стало одновременно и приобщением к истории. Христианское вероучение вменяло людям моральную ответственность перед историей, тогда как сознание язычников оказывалось маловосприимчивым к идее развернутого развития, принимая окружающий мир с позиций натуралистического равновесия. Христианские заповеди учи-

ли недавних идолопоклонников человечности, помогали им преодолеть в себе суеверия.

Христианизация имела для Руси огромное значение, во многом определив сам ход русской истории. Она резко ускорила процесс интеграции отдельных племен в единый русский этнос. По сути дела, русский народ и возник в результате религиозного объединения, стал выражением православной общности, пришедшей на смену разноплеменному конгломерату. Понятие «русский» в сознании людей отождествлялось с понятием «православный». У полян, ильменских словен, кривичей, радимичей, древлян, мери, муромы на смену племенной идентификации за короткий срок пришло общерусское самосознание. С течением времени основная масса населения Руси самоопределилась с помощью понятия «крестьяне», являющегося производным от слова «христиане». Культурная консолидация различных племен сопровождалась ослаблением родоплеменного уклада в пользу дальнейшего укрепления государственной организации.

После принятия христианства на Руси появилась церковная организация, взявшая на себя многие важные социальные функции. В ведении Церкви находилась, по сути дела, вся культура: образование, написание и распространение книг, летописание. Она занималась благотворительной и медицинской деятельностью, строя больницы, приюты для сирот и престарелых, оказывая помощь пострадавшим от стихийных бедствий, выкупая людей из рабства или вражеского плена. Большое внимание Церковь уделяла охране нравственности. На новый, более культурный лад перенастраивались семейно-бытовые отношения. Провозглашалась святость семьи. Церковь стремилась искоренить такие пережитки языческого быта, как близкородственные браки, похищение невест, многоженство и им подобные.

4.2. Подъем русской культуры в период христианизации Руси

После принятия христианства Киевская Русь пережила период динамичного и успешного развития. В течение всего XI века

по уровню военно-политической мощи и достижений в сфере культуры она находилась в числе ведущих стран тогдашнего мира. Международный авторитет Русского государства был неоспоримым.

При князе Владимире возникло много новых городов. «Повесть временных лет» свидетельствует, что Владимир после крещения Руси «стал ставить города по Десне и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне, и стал набирать мужей лучших от славян и от кривичей, и от чуди, и от вятичей, и ими населил города» [1, с. 89–90]. Из этого свидетельства ясно, что в новых городах, где население смешивалось, родоплеменной уклад жизни уже не мог играть сколько-нибудь значимой роли. Немало городов основал и сын Владимира Ярослав, среди них такие стратегически важные, как Юрьев в Прибалтике и Ярославль на Волге. Размах городского строительства на Руси был отражен в иностранных хрониках того времени. В них Русь называли Гардарикой, т. е. «страной городов» [3, с. 9].

Внешний облик русских городов заметно преобразился за счет храмового строительства. Особенно масштабным оно было в Киеве. Церкви здесь начали строиться еще при Владимире, из них своим значением выделялась Десятинная церковь. В период княжения Ярослава Владимировича количество храмов в городе увеличилось до 400, да и размеры самого города многократно выросли. В 1037 году построен знаменитый Софийский собор, в 1051 году основан Киево-Печерский монастырь. Киев служил культурным ориентиром для других крупных центров Руси. Соборы в честь святой Софии были построены также в Новгороде, Полоцке и других городах. Строительство Софийских храмов являлось отражением распространившегося среди русских людей культа Премудрости.

Владимир Святославович и его сын Ярослав большое внимание уделяли распространению книжной грамоты. При Владимире были открыты первые русские школы в Киеве и Новгороде. Ярослав в 1025 году открыл в Новгороде первое духовное училище на 300 учащихся. Училища с немалым числом учеников появились в Чернигове, Переяславе, Суздале, Курске, Муроме и других городах. Выпускники училищ постоянно пополняли число священников. Имен-

но они в то время несли грамоту в народную среду. Просвещение на Руси быстро распространялось. К рубежу XI–XII веков взрослое население таких крупных городов, как Киев, Новгород, Полоцк, Смоленск, было почти поголовно грамотным. Доказательством широкой грамотности среди русичей служат берестяные грамоты, найденные в древнерусских городах. Особенно много этих грамот добыто в Великом Новгороде. По словам руководителя новгородской археологической экспедиции академика В. Л. Янина, «само количество грамот поразительно и способно навсегда перечеркнуть мнение о невежественности людей Древней Руси» [4, с. 12].

По инициативе Ярослава Мудрого в Софии Киевской была организована первая на Руси общедоступная библиотека, ставшая важнейшим очагом книжности. В XI веке на Русь в больших количествах привозились книги из Болгарии и Сербии, написанные по-славянски и не требовавшие в то время перевода на русский язык. Много книг поступало из Византии, они переводились, затем переписывались и распространялись. Среди этих книг преобладали церковные произведения, но немалым был приток и светской литературы, в котором выделялись философские сочинения и исторические хроники.

Ярослав Мудрый представлен летописцами как выдающийся поборник просвещения, который «собрал писцов многих, переложивших от грек на словенское письмо и переписавших книги многие, ими же учащиеся люди наслаждаются. Велика бывает польза от учения книжного, книгами мудрость обретаем. Се бо реки суть, напоющие вселенную. Аще поищем в книгах мудрости прилежно, то обрящем великую пользу» [1, с. 111].

В XI веке зародилась русская литература. Ее появление стимулировалось прежде всего интересом к истории. Знаменательно, что первое крупное литературное произведение, появившееся на Руси, – «Слово о Законе и Благодати» – было посвящено именно историческим проблемам. «Слово» – выдающееся по художественным достоинствам, содержательной глубине и филигранному стилю творение, ставшее литературно-историческим памятником мирового значения. В нем содержатся размышления о смысле истории, месте Руси в мировом историческом процессе, духовном статусе

русского народа. «Слово» явилось своевременным откликом на потребность русского общества в государственной идеологии, стало началом письменной истории русского самосознания.

Автор «Слова» Иларион в 1051 году собором епископов был выбран митрополитом – главой Русской церкви. Он был первым митрополитом из русских, до него Русскую митрополию возглавляли посланцы из Константинополя. Иларион выступил продолжателем кирилло-мефодиевских традиций, теснейшим образом связанных с развитием культуры и образования. Эти традиции во многом определили самосознание народа: неразрывная связь православия с культурной проблематикой была для русских знаком его подлинности.

В «Слове о Законе и Благодати» христианизация Руси трактуется как ее духовное обновление, как самая большая и светлая страница в истории Русской земли. Основная часть произведения посвящена сравнению мировоззренческих позиций Ветхого Завета («Закона») и Нового Завета («Благодати»). Иларион свой художественный дар использовал, чтобы раскрыть превосходство Благодати: «И уже не теснится человечество под ярмом Закона, а под кровом Благодати свободно ходит» [5, с. 29]. Благодать была противопоставлена Закону как духовная свобода – рабству духа и плоти, познание истины – заблуждению, радость бытия – страхам и неуверенности. Ключевой характеристикой иларионовской историософии был оптимизм. Киевский мудрец отражал дух своего времени, когда мировосприятие русских людей было окрашено в светлые, радостные тона, связывалось с тягой к духовной свободе.

В «Слове» Илариона выражены идеи, ставшие традиционными для русской историософии. Во-первых, это идея патриотизма и державности: Иларион славил достижения предков в становлении русской государственности. Во-вторых, идея исторической преемственности: он подчеркивал значение прошлого для настоящего, показывал, что Русь, вливаясь после крещения в поток мировой истории, имела собственное славное прошлое. Вспоминая князей Игоря и Святослава, Иларион говорил: «Те в лета своего владычества мужеством и храбростью прославились в странах многих, и победами, и крепостью поминаются ныне и прославляются. Ибо не в худой

и неведомой земле владычествовали, но в русской, что ведома и слышима всеми четырьмя концами земли» [Там же, с. 73].

Иларион воспел доблесть Игоря и Святослава в отстаивании независимости страны, несмотря на то, что они были язычниками. Православная традиция не перечеркивала дохристианскую эру. В Византии бережно относились к античному наследию. На Руси православная Церковь, борясь с языческими предрассудками, вовсе не отвергала того, что в славянском язычестве не противоречило христианским нормам. Русские христиане, соблюдая заповедь человеколюбия, не высказывали пренебрежения к своим предкам-язычникам, наследовали от них фольклор, земледельческий календарь, бытовые обычаи, в том числе и некоторые праздники: Масленицу, Святки. У русских христиан устойчиво сохранялась любовь к природе, их сознание было космоцентричным, воспринимало мир с позиций «священного материализма», т. е. материя для них не была антиподом духа, а воспринималась художественным творением, где дух находит свое творческое применение.

Древнерусская литература учила творческому познанию мира. Писатели, продолжавшие кирилло-мефодиевскую традицию, отождествляли книжную культуру с праведной жизнью. В «Слове некоего калугера о чтении книг» говорилось: «Как пленник всегда думает о родных своих, так и праведник – о чтении книжном. Как красота воину – оружие, а кораблю – паруса, так и праведнику – почитание книжное» [6, с. 149]. Подобные мотивы отразились и в произведении Владимира Мономаха «Поучение своим чадам», где он призывал потомков неустанно учиться: политической стратегии, умению управлять страной, а также человеколюбию и милосердию, которые «есть начаток всякому добру» [7, с. 397].

Во второй половине XI века крупнейшим культурно-образовательным центром стал Киево-Печерский монастырь, в котором было развернуто летописание, имевшее исключительное значение для формирования общерусского культурно-этнического сознания. В летописях не только отражались те или иные исторические события, но и закреплялись вполне определенные традиции в понимании истории. Эти традиции нацеливали русских людей на то, что каждый человек имеет свое место и свою творческую роль в истории.

Древнейший из дошедших до нашего времени летописный свод – это «Повесть временных лет». Созданная в начале XII века монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, она стала своеобразной исторической энциклопедией своего времени. Ее историософия была тесно связана с патриотизмом, идеей свободной исторической воли восточнославянских и финно-угорских племен, создавших свою государственность и принявших православие.

4.3. Государственно-общественное развитие Руси в XI — первой трети XII века

Период XI – первой трети XII века – время расцвета и могущества Древнерусского государства, динамичного развития всех сфер общественной жизни: экономики, культуры, образования. Позиции центральной власти, т. е. власти киевского князя, были достаточно прочными. При этом централизм управления сочетался с местной демократией, выраженной в форме вечевых собраний в городах и общин в сельской местности.

С помощью княжеской дружины укреплялись границы и расширялась территория страны. Князь Владимир отвоевал у поляков Восточную Галицию, распространил свою власть на регион Верхней Волги и часть Литвы. Сын Владимира Ярослав Мудрый присоединил к Руси земли прибалтийской чуди (территория нынешней Эстонии). Великокняжеская власть принимала меры по заселению присоединенных земель, причем в этом заселении участвовали не только славяне, но и представители неславянских племен: торки, берендеи и др.

На международной арене Русь имела немалый авторитет, по своему экономическому потенциалу, уровню оборонной мощи и развития культуры не уступая другим странам. Ярослав Мудрый вел активную дипломатию, развивая торговые и культурные связи с Византией, Францией, Швецией, Норвегией, Венгрией и другими европейскими странами.

Главной внешнеполитической опасностью для Руси в то время были печенеги, доставлявшие немало беспокойства южным окраинам страны. Против них приходилось держать постоянную оборону. В 1036 году Ярослав организовал военный поход против печенегов и нанес им поражение. Печенежская опасность была ликвидирована.

Ярослав Мудрый – один из самых успешных правителей Руси. Он находился на княжеском престоле с 1019 по 1054 годы. При нем проходила быстрая христианизация Руси. Киев стал одним из самых красивых и богатых городов Европы, своим внешним блеском соперничая с Константинополем.

Ярослав составил первый на Руси систематизированный свод законов под названием Русская Правда. В ней были определены наказания за все виды уголовных преступлений, зафиксированы юридические права всех социальных слоев древнерусского общества. Но законы, составленные при Ярославе, имели и свои недостатки: в них никак не затрагивался вопрос о престолонаследии, о передаче власти от одних князей к другим. Такая непредусмотрительность, имевшая негативные последствия, находит объяснение в недостатке исторического опыта у тогдашней относительно молодой русской государственности.

Отсутствие четких законодательных норм, касавшихся престолонаследия, уходило корнями в реальную практику: ни Владимир Святославович, ни Ярослав Владимирович не были старшими среди их братьев, становясь великими князьями не по воле строгого закона, а благодаря выдающимся личным качествам. По логике, наибольшую четкость в порядок престолонаследия мог внести законодательно закрепленный принцип родового старшинства. Другим вариантом сохранения порядка при передаче власти могло быть собственноручное назначение великим князем своего преемника с предоставлением ему таких полномочий, которые позволяли бы удерживать в подчинении остальных потенциальных претендентов на престол. И та, и другая модель престолонаследия позволяла сохранять ведущую роль единого управленческого центра.

Разумеется, отсутствие в Русской Правде закона о престолонаследии не означало, что Ярослав не хотел видеть Русь стабильно развивающимся государством. Он не имел ничего против принципа

старшинства, но при этом при передаче власти полагался не на писанные правила, а на традиции внутри княжеского рода. Между тем старший сын Ярослава Владимир умер раньше него, а личные отношения между вторым и третьим сыновьями Ярослава – Изяславом и Святославом – были далеки от идеала.

Некоторое время после смерти отца братья действовали согласованно, организовывали совместные военные походы против кочевников. Но затем между Изяславом и Святославом началась борьба, в результате которой оба брата успели побывать в роли великого киевского князя. После их смерти киевский престол занял их младший брат Всеволод, которому пришлось отбивать претензии на власть со стороны своих племянников, т. е. сыновей Изяслава и Святослава. После смерти Всеволода неизбежно должен был вспыхнуть спор между внуками Ярослава Мудрого, которые обосновывали свои права на престол ссылками на своих отцов: Изяслава, Святослава, Всеволода, занимавших его в разные годы.

Поскольку четкой и определенной нормы, касающейся престолонаследия, не было, решить, кто из них прав, а кто нет, внуки Ярослава не могли. На этом фоне во второй половине XI века в государственной жизни Руси проявились некоторые негативные моменты: борьба между потомками Ярослава Мудрого за киевский престол, споры за обладание теми или иными уделами¹.

На государственное единство негативно влияло стремление удельных князей превратить уделы в вотчины, т. е. передавать их по наследству своим прямым потомкам. В 1097 году на княжеском съезде в Любече было принято два решения (положительное и отрицательное): первое прекращало споры и усобицы, второе превращало уделы в вотчины. В результате второго решения страна сделала шаг от единого, централизованного государства к конфедерации².

¹ Удел – административная единица, область, находившаяся под управлением княжеского наместника. Функции наместников чаще всего выполняли сыновья великого князя.

² Конфедерация – аморфная, рыхлая форма государственного устройства, при которой роль центра не превышает роли отдельных областей, входящих в государственное объединение.

Авторитет власти киевского князя был восстановлен после народного восстания в Киеве в 1111 году, когда киевляне изгнали из города князя Святополка, защищавшего интересы бояр и ростовщиков, загнавших большую часть населения в долговую кабалу. На киевском вече решено было позвать на княжеский престол Владимира Мономаха. Он был внуком Ярослава Мудрого, самым умным и уважаемым из всех тогдашних князей. Мономах принял призыв в пользу простого люда, положил предел ростовщичеству, организовал успешный поход против половцев. Опираясь на народную поддержку, ему удалось заметно усилить роль государственного центра. В 1125 году Мономах умер, а политику отца продолжил его сын Мстислав Великий. Однако после смерти Мстислава политическая ситуация на Руси резко изменилась – начался период раздробленности Киевской державы.

Библиографические ссылки

1. Повесть временных лет. СПб. : Азбука, 1997.
2. *Замалеев А. Ф.* Философская мысль в средневековой Руси (XI–XVI вв.). Л. : Наука, 1987.
3. *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М. : Госполитиздат, 1956.
4. *Янин В. Л.* Берестяная почта столетий. М. : Педагогика, 1979.
5. *Иларион.* Слово о Законе и Благодати. М. : Столица, 1994.
6. Слово некоего калугера о чтении книг // Златоустрий. Древняя Русь, X–XIII вв. : сб. лит. произв. / сост. А. Г. Кузьмин. М. : Молодая гвардия, 1990.
7. Поучение Владимира Мономаха // Памятники литературы Древней Руси, XI – начало XII в. / под ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. М. : Худож. лит., 1978.

Лекция 5
**УДЕЛЬНЫЙ СТРОЙ
В XII—XIII ВЕКАХ**

**5.1. Раздробленность на Руси:
причины, проявления и последствия**

Хронологическим началом периода русской раздробленности считается 1132 год, когда после смерти киевского князя Мстислава, сына Владимира Мономаха, началось отпадение от Киева отдельных земель и княжеств. Сначала Киеву отказался подчиниться Полоцк. Через некоторое время отделился Великий Новгород, затем процесс отделения захватил и другие русские города и земли: Чернигов, Смоленск, Суздаль, Галицию, Волынь. «Разодралась земля Русская» [1, с. 23], – писал об этом разделении летописец.

Предпосылки раздробленности крылись в недостатке исторического опыта Руси. Русская государственность была тогда относительно молодой, насчитывая чуть более 250 лет. Конечно, Ярослав Владимирович не зря был назван Мудрым – он многое сделал для развития русской культуры и русской государственности, но даже он не мог предусмотреть необходимость ясного и непротиворечивого закона о престолонаследии, который мог бы гарантировать единство государства. Но такого закона в XII веке не было. Удельный порядок наследования отражал пережитки родового строя, не обеспечивал концентрации всей власти и всей государственной территории в руках одного правителя. Неотрегулированность порядка престолонаследия заставляла потомков Ярослава Мудрого бесконечно доказывать друг другу свои приоритетные права на престол, но отсутствие бесспорных законодательных норм превращало все их аргументы в схоластику, пустые звуки.

Из недостатка исторического опыта вытекала и такая причина раздробленности, как пассивное состояние общества, связанное с инерционностью общественной психологии. Несмотря на то, что наиболее дальновидные люди предупреждали о жестоких последствиях раздробленности, называя их «погибелью земли Русской», большинство было инертным, находясь под впечатлением недавнего благополучия, обманываясь, что оно будет вечным. В течение XI и в начале XII века военные столкновения Руси с ее соседями не перерастали рамок пограничных конфликтов. Относительная безопасность делалась привычной, вносила элементы беззаботности. Поколения, выраставшие в таких условиях, упускали из внимания мысль о государстве как гаранте выживания народа – мысль, хорошо понятную их предкам, создававшим государство в обстановке непрерывного отражения внешних агрессий. Люди теряли бдительность, отвлекались от мыслей о судьбе отечества, переключая внимание на внутривосточные склоки.

Раздробленность на Руси внешне походила на раздробленность, имевшую место в это же время в других европейских странах, однако при этом она имела свои специфические особенности и проявления. Раздробление Руси представляло собой не одномоментный или кратковременный акт, а длительный процесс, зеркально обратный процессу образования единого государства. Сначала единое государственное пространство разделилось на восемь полунезависимых территорий, затем, к середине XII века, – на пятнадцать. Спустя несколько десятилетий число самостоятельных княжеств достигло пятидесяти, а в пиковой фазе раздробления, пришедшейся на XIV век, на Руси насчитывалось двести пятьдесят уделов, не подчинявшихся власти великого киевского князя.

Раздробление государства на отдельные земли сопровождалось ростом и обострением княжеских споров и междоусобиц, доходивших до военных столкновений. летописи содержат немало сообщений о военных конфликтах между князьями. Наиболее показательным примером является поход суздальского князя Андрея Боголюбского на Киев в 1169 году: захватив город, князь отдал его своей дружине на разграбление.

Сущностным проявлением раздробленности стала децентрализация государственной власти: сепаратизм брал верх над центра-

лизованным управлением, княжеская власть в Киеве теряла такие важные политические и экономические рычаги управления, как единое войско, единая налоговая политика, приоритет княжеской казны во внешней торговле. Полностью разбалансированной оказалась система наместничества. Удельные князья, отказавшись собирать налоги в пользу киевского князя, посылать свои дружины в общерусское войско, подчиняться законам и распоряжениям центральной власти, подрывали возможность полноценного существования единого государства.

Говоря о характере раздробленности на Руси, следует подчеркнуть, что этот вопрос оказался одним из самым полемичных среди отечественных историков. В марксистской историографии, в течение нескольких десятилетий пользовавшейся в нашей стране монопольным положением, раздробленность получила определение феодальной. Историки-марксисты рассматривали ее как «закономерный этап в поступательном развитии производительных сил» [2, с. 93]. Марксистское обществоведение трактовало историю с позиций формационно-классовой теории, связав направленность исторического процесса со сменой формаций, а его двигателем объявив классовую борьбу. В такой трактовке история делилась на пять формаций (первобытно-общинный и рабовладельческий строй, феодализм, капитализм, коммунизм). Феодализм в этой схеме занимал строго определенное место и был представлен как формация, характеризующаяся, во-первых, господством натурального хозяйства, обусловившим политическую замкнутость отдельных земель; во-вторых, классовой борьбой между феодалами и крепостными крестьянами. Эти характеристики были присущи странам средневековой Западной Европы, а марксистское обществоведение проводило тезис о единых для всех стран закономерностях истории, которые строго предопределены и автономны от воли людей. Примером этих «универсальных закономерностей» для марксистской историографии служила именно Западная Европа. Это касалось и феодальной формации. Историки-марксисты утверждали: «Типичной формой феодализма является западноевропейский феодализм» [Там же, с. 93–94]. Подверстывая под «универсальные закономерности» историю России, они доказывали, что исторические процессы в Рос-

сии тождественны историческим процессам на Западе. Формационные построения служили доказательством безусловной детерминированности хода истории, т. е. изначальной предопределенности результатов человеческих усилий.

С развитием советской исторической науки углублялось изучение многих явлений отечественной истории, что не мешало, однако, живучести сложившихся стереотипов. Двойственность оценок касалась и раздробленности. К примеру, в 1975 году историк А. К. Леонтьев так оценивал это явление: «Феодальная раздробленность была новым, более высоким этапом в развитии феодального общества и государства... Вместе с тем утрата государственного единства Руси, сопровождавшаяся началом затяжных княжеских усобиц, ослабляла и разъединяла ее силы перед лицом возраставшей угрозы иноземной агрессии» [Там же, с. 94]. В данном случае ссылки на диалектический подход не способны затушевать тот факт, что угроза внешней агрессии ставила под вопрос само существование Руси – независимо от уровня развития феодальных отношений.

Под более высоким уровнем развития общества советские историки подразумевали возросшие возможности реализации местных экономических потенциалов. На практике, однако, такая реализация нередко сдерживалась многими неблагоприятными факторами: политической нестабильностью, отсечением от ресурсов других регионов, важнейших морских и сухопутных торговых маршрутов, от общегосударственной инфраструктуры и т. п. На развитие земельных отношений в Древней Руси значительно влияли такие факторы, как наличие общинного землепользования и огромный фонд свободных земель. Историки С. В. Думин и А. А. Турилов обратили внимание на то, что по письменным источникам киевского времени (XI – первая половина XIII в.) процесс феодализации землевладения прослеживается весьма слабо [см.: 3, с. 31].

Разумеется, нельзя полностью отрицать тенденции феодализации древнерусского общества. Однако не следует упрощать то, что марксистами названо «механизмом взаимодействия базиса и надстройки». Необходимо уделять внимание политическим, культурным и социально-психологическим аспектам проблемы. Нельзя не видеть, что борьба центростремительного и центробежного факторов, объединяющего и разъединяющего начал определяла ход

исторических процессов и до, и после раздробления Киевской Руси. К примеру, дезинтеграция внутривосударственных связей в России заявляла о себе и в начале XVII века.

По-иному, нежели представители советской историографии, к проблеме русской раздробленности подходили историки дореволюционной «государственной школы». Ученые досоветского периода вели речь не о феодальной, а о государственной раздробленности, показывая, что в XII–XIV веках класс землевладельцев не был однородным, рамки между его различными категориями постоянно размывались. Сложившаяся структура социальной иерархии сама по себе еще не предполагала раздробления государства. Русские крестьяне являлись свободными арендаторами великокняжеских и частновладельческих земель, а оброк был арендной платой за землю.

Н. М. Карамзин называл период раздробленности временем «безначалия и неустройства» [4, с. 240], С. М. Соловьев – «смутной», «беспорядком», «веками борьбы постоянной и кровавой» [5, с. 188–189]. В. О. Ключевский говорил о «политическом, династическом и земском раздроблении» Руси, подчеркивая при этом, что оно вливалось не в феодальные, а удельные формы. Историк называл этот период «веками удельного строя» или «удельного дробления» [6, с. 183]. Ключевский точно отразил характер русской раздробленности, ибо «феод» и «удел» – это разные явления. Феод – замкнутая земельная собственность. Удел – административная единица. Отсюда ясно, что истоки раздробленности на Руси существенно отличались от раздробленности на Западе.

Терминология Ключевского подразумевала прежде всего государственную децентрализацию вследствие осуществления принципа наследственного деления земель и власти внутри княжеского рода. Понятие «феодализм» Ключевским использовалось только по отношению к Западной Европе: «Государство распадается на мелкие тела, в строе которых с наивным безразличием элементы государственного порядка сливаются с нормами гражданского права. Из такого состояния общества на Западе вышел феодализм; такое состояние на Верхней Волге послужило основой удельного порядка» [Там же, с. 182].

Западная раздробленность была именно феодальной, поскольку единые государства там распадались на феодалы, представлявшие собой замкнутую земельную собственность и принадлежавшие бывшим вассалам – слугам верховных правителей. На Западе феодалы прочно «врастали» в свои лены. Бароны, маркизы, графы, герцоги превращали земледельцев в крепостных, стремились «врасти» в свои владения, отгородиться от внешнего мира. Аналогом западноевропейских маркизов и графов на Руси были бояре, которые никак не могли быть прямыми проводниками раздробленности.

В Западной Европе корни раздробленности уходили в вассально-ленные отношения. На Руси основным источником децентрализации стали конфликты внутри великокняжеского рода, затянувшаяся «семейная разборка» между потомками Рюрика. Отсюда происходило и отличие русской раздробленности от западноевропейской. Оно проявлялось в том, что русская раздробленность не была распадом всех и всяческих связей. Она отражала усиление децентрализаторских тенденций, но не их полную победу. Объединяющие начала сохранялись: несмотря на кризис центральной власти, происходил процесс этнической и культурно-религиозной консолидации населения Северо-Восточной Руси. «Общеземское чувство» русских людей подкреплялось единством языка, традиций, менталитета.

Скрепляющие функции по отношению к русской общественной жизни выполняла и Русская православная церковь. Церковная организация оставалась единой, что позволяло Церкви еще выше, чем раньше, поднять свой авторитет в обществе, стать альтернативным центром консолидации народных сил. С этих позиций Церковь оказалась дублером государственных структур, стягивая русские земли своеобразным идеологическим каркасом.

Кроме того, пусть во многом формально, но статус великого киевского князя продолжал существовать. Князья парадоксальным образом сочетали в себе качества и виновников раздробленности, и носителей единства – они были представителями одной династии. Кроме того, они часто меняли свои владения и, постоянно стремясь утвердиться в более престижных уделах, оказывались, по выражению Ключевского, «блуждающими кометами» [Там же, с. 108]. Все эти факторы дают основания говорить о периоде раздроблен-

ности как о времени противоборства объединяющих и разъединяющих тенденций, в котором перевес оказался на стороне тенденций разъединяющих. Русское государство не было демонтировано полностью, превратившись в конфедерацию с ослабленными внутриполитическими и внутриэкономическими связями.

Среди последствий политического раздробления Руси доминировали негативные явления, но они проявились не сразу. Поначалу раздробленность не несла очевидных для всех минусов, в той или иной мере способствуя реализации местных хозяйственных ресурсов, а также появлению местных школ и направлений в развитии летописания, архитектуры, иконописи и т. п. Для развития культуры многообразия – фактор благотворный. Кроме того, в политическом строе разных земель проявились специфические местные черты: в Новгороде и Пскове утвердилась вечевая демократия, во Владимиро-Суздальском княжестве довольно рано стали доминировать монархические методы управления, а в Галицко-Волынской земле был момент, когда на некоторое время установилась боярская олигархия. Для наращивания и осмысления исторического опыта наличие разных политических моделей было даже полезно.

Одним из последствий для дальнейшего хода отечественной истории стал переток основных жизненных центров с юга Руси на северо-восток – в результате разорения Киевской земли усами и половецкими набегами началась миграция населения в более безопасные области, в лесную Русь, еще во времена Владимира Мономаха называвшуюся Залесской Украиной. В течение двух веков Северо-Восточная Русь значительно увеличила свой хозяйственный и культурный потенциал. С этого угла зрения время раздробленности стало переходным периодом от Киевской Руси к Руси Московской.

Негативные следствия раздробленности особенно проявились, когда произошел раскол единого государственного пространства на Западную Русь, попавшую под влияние Литвы, а затем и Польши, и Восточную Русь, оказавшуюся в зоне влияния Золотой Орды. Именно в результате такого раскола возникли предпосылки для этнического разделения единого древнерусского этноса на три ветви: великороссов, украинцев и белорусов.

Главными отрицательными последствиями раздробления Киевской державы стали потеря военно-политического единства и ослабление перед лицом внешних агрессоров. Для мыслящей части общества в те времена оценка раздробленности была однозначно негативной. Русские летописцы обозначили последствия государственного распада как «наказание за грехи». Предупреждений о неизбежности «наказания» за эгоистическую расслабленность было предостаточно. Прямому осуждению эгоизм и распри князей подверглись в «Слове о полку Игореве», без сомнения, широко известном в домонгольской Руси: «...и сказал брат брату: “Это мое, и то мое же”. И стали князья про малое “это великое” говорить и сами на себя крамолу ковать. А поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую» [7, с. 45]. Автор «Слова о полку Игореве» в преддверии подступающей внешней угрозы обратился к князьям с призывом к единению русских сил. И хотя до битвы на Калке оставалось лишь 38 лет, этот призыв не был услышан.

5.2. Александр Невский: выбор внешнеполитической стратегии Руси

К середине XIII века децентрализованная, ослабленная княжескими усобицами Русь потеряла былое оборонное могущество. Последствия этого не замедлили сказаться. В то время как русские князья тратили энергию на междоусобные распри, и на востоке, и на западе от Руси вызревали грозные предзнаменования для нее.

В начале XIII века монгольский вождь по имени Чингисхан объединил многие степные племена, создал сильное войско и начал завоевательные походы, последовательно подчиняя себе Китай, Индию, Персию, Среднюю Азию, Закавказье. Была создана огромная Монгольская империя. Продвигаясь в западном направлении, войска Чингисхана неотвратимо приближались к русским границам.

В это же время германские рыцари-феодалы, объединенные в военно-религиозные ордена, начали наступление на православную Византию, а также на земли западных славян и прибалтов, двигаясь в направлении западных границ Руси. В 1201 году кресто-

носцы основали на латышских землях крепость Ригу как военно-стратегическую базу для дальнейшего продвижения на восток. Католический епископ Альберт создал здесь Ливонский орден.

Военное соприкосновение Руси с монголами и немцами произошло почти одновременно. Оно имело печальные последствия для русских и в том, и в другом случае и должно было послужить для князей «тревожным звонком», последним предупреждением, после которого они обязаны были бы образумиться, прекратить споры между собой и объединиться перед лицом грозной опасности. Но князья не вняли этому предупреждению.

В 1223 году монгольское войско вошло во владения половцев. Половецкие ханы обратились за военной помощью к киевскому князю. В свою очередь монголы отправили послов в Киев, предлагая русским мир в обмен на отказ помогать половцам. Это предложение не было принято, а послы были убиты, что оказалось крайне необдуманным поступком, имевшим тяжелые последствия для Руси. Общей стратегии у русских князей не было, они так и не сумели договориться между собой. Одни из них отказались помогать половцам, другие двинули свои дружины на соединение с половецкими отрядами для битвы с монголами на р. Калке. Но и те князья, которые решили воевать, не сумели согласовать общую военную тактику, действовали разрозненно. Монголы разгромили русское войско.

Суздальская летопись, повествуя о событиях 1223 года, свидетельствует: «Того же лета побиша татарове князей русских. По грехам нашим приидоша языци незнаемы», при этом поясняя, что подразумевалось под «грехами»: «Уведавше татарове, что идут князи русские против них и прислаша послы к князям русским: “се слышим, оже противу нас идете, послушавше половец, а мы вашей земли не заяхом, ни городов ваших, ни сел. ...Возьмите с нами мир, а нам с вами рати нет”». Но «князи рустии того не послушаша и послы татарские избиша» [8, с. 505]. Летопись подводит к мысли о том, что поражения русских князей на Калке не было бы, если бы они не отказались от мира, предложенного монголами.

В 1224 году немцы захватили русский город Юрьев, основанный еще Ярославом Мудрым, и расправились с жителями, не пощадив ни стариков, ни младенцев. Санкцию на резню крестоносцам

выдал папа римский, возложив на них «миссию» железом и кровью насаждать католицизм на востоке Европы. Этот кровавый пример послужил для новгородцев, псковичей, суздальцев лучшим стимулом к бдительности.

Давление со стороны крестоносцев нарастало. Населению северо-запада Руси была понятна степень нависшей над ним опасности. Весной 1234 года переяславский князь Ярослав Всеволодович привел свои полки в Новгород и вместе с новгородцами выступил против крестоносцев, разбив их. Но успех Ярослава не исправил политическую ситуацию в стране, не привел к восстановлению русского единства. Не прислушавшись к тревожному сигналу, прозвучавшему на Калке и в Юрьеве, не предприняв мер к политическому объединению, князья обрекли Русь на тяжкие испытания.

В 1237 году обычное течение жизни на землях Восточной Руси трагически оборвалось. Внук Чингисхана Батый, стремясь отомстить русским за убийство монгольских послов в 1223 году, отдал своим войскам приказ нанести беспощадный удар по Руси. Батыевы полчища прошли по русской территории подобно «огненной реке», грабя и разрушая города, селения и монастыри. Часть местного населения была перебита, часть угнана в плен. Многим пришлось спасаться бегством.

Русские князья, их дружины и простые люди героически сопротивлялись напору монголов, но каждый город делал это отдельно от других. Даже в смертельный час князья не смогли сплотиться. Суздальская летопись так повествует об этом: «Послаша князи рязанские ко князю Юрию Володимерскому, просячи себе помощи или самому пойти. Князь же Юрий сам не иде, ни послуша князей рязанских мольбы, но хотел сам особую брань сотворить» [Там же, с. 514]. Рязань была стерта с лица земли.

Город Владимир также был разрушен и разорен Батыем, князь Юрий Всеволодович погиб. Среди всеобщего отчаяния и смятения нашелся человек, не растерявшийся, не проклявший судьбу, не потерявший мудрости, трезвости и воли. Это был Ярослав Всеволодович, переяславский князь, закаленный в боях с немцами и имевший большой авторитет на Руси. После гибели старшего брата

Юрия он занял великокняжеский стол во Владимире, чтобы привести, насколько это было возможно, в порядок лежащее в развалинах государство.

Удары монголов по Рязани, Владимиру, Нижнему Новгороду, Ростову, Суздалью, Галичу оставили у русских людей впечатление шока. Положение Руси было плачевно, помощи извне ей ждать не приходилось. Католическая Европа не только не сочувствовала русским, но и стремилась воспользоваться их бедственным положением, чтобы подчинить себе и заставить отказаться от православной культуры. Вражда католицизма к православию наглядно проявилась еще в 1204 году, когда крестоносцы захватили и разграбили столицу православного мира Константинополь.

В декабре 1237 года, когда еще до конца не остыли пожарища на месте русских городов, римский папа Григорий IX объявил о подготовке Крестового похода против финнов-язычников и русских «схизматиков», пообещав всем его участникам «прощение грехов» за выполнение «святой миссии», направленной на искоренение православия и подчинение Руси папскому престолу [см.: 9, с. 293]. Подготовка Крестового похода продолжалась два с лишним года.

В 1240 году Батый разгромил Южную Русь, нанеся невосполнимый урон Киеву, Чернигову и другим городам. В том же году, воспользовавшись тяжелым положением Руси после Батыева разорения, шведские крестоносцы при поддержке католического Рима и Ливонского ордена вторглись на русские земли, высадившись с кораблей в устье Невы. Отпор шведам дал молодой князь Александр, сын Ярослава Всеволодовича. Перед битвой он обратился к своей дружине со словами, выразившими дух русской православной культуры: «Не в силе Бог, а в правде!» [10, с. 82]. После победы над шведами Александр был прозван в народе Невским.

Следом за шведами на Русь вторглись немцы, рыцари Ливонского ордена. Летом 1240 года они захватили Псков, а затем начали грабить новгородские земли. Александр Невский во главе новгородского войска отбил у немцев построенную ими недалеко от Финского залива крепость Копорье, а в апреле 1242 года, объединив в одно войско новгородские и владимирские дружины, перешел в контрнаступление, закончившееся разгромом рыцарей на льду

Чудского озера. Ледовое побоище надолго остудило завоевательный пыл крестоносцев.

В 1245 году Александр Невский победил литовцев в районе Витебска и Торопца. После серии военных побед перед ним и его отцом Ярославом встала непростая задача: осуществить геополитический выбор, определив, кто – Батый или крестоносцы – более опасен для Руси с точки зрения сохранения исторических перспектив. Ясно было одно: раздробленная Русь не в состоянии воевать на два фронта, не имея достаточных сил, чтобы справиться со столь сложной задачей. В истории народов, как и в жизни отдельных людей, не всегда приходится выбирать между «хорошим» и «плохим». Нередко выбирать нужно между «плохим» и «очень плохим». Русь в любом случае не могла избежать выбора.

Из двух зол выбирают меньшее. Несмотря на всю тяжесть погрома, устроенного войсками Батыя, монголы оказались для Руси меньшим злом: они были разорителями, но не завоевателями. Батый разорял русские города, но он не оставлял их под своей прямой властью. К тому же некоторые города – Углич, Кострому, Тверь – он не тронул. До Смоленска, Новгорода и Пскова монгольские войска и вовсе не дошли.

Западная агрессия, не будь она остановлена, лишила бы русских малейших шансов на самостоятельное историческое творчество. Главной целью католических рыцарей были захваты новых земель, т. е. их агрессия носила ярко выраженный феодальный характер. На Руси отлично знали, чем закончились такие захваты для западных славян и прибалтов: за короткий срок были уничтожены славянские племена лютичей и бодричей, прибалтийское племя пруссов. В Латвии и Эстонии захватчики вырезали местную знать, а рядовых жителей превратили в крепостных. Агрессия крестоносцев против славян и балтов была профинансирована папством и несла в себе сильный заряд религиозного фанатизма. В XIII веке католической экспансии подверглись и южные рубежи Руси, когда Польша и Венгрия устремились на Галицию и Волынь.

Крестоносцы двигались на восток под флагом религиозного фанатизма, ксенофобии, нетерпимости к иному образу мысли и поведения. Они видели в славянах, балтах и финно-уграх дикарей, варваров. Парадокс заключался в том, что подавляющее большинство

рыцарей были неграмотными, ибо папская курия ревностно следила за тем, чтобы никто не нарушал запрет на развитие письменности на родных языках. Римская теократия запрещала рядовым верующим чтение Библии, провозглашенное исключительной привилегией церковников. Мертвая латынь была недоступна простонародью. Это вполне устраивало католический клир, которому нужна была послушная масса невежественных фанатиков. Папство было настроено на подавление всех несогласных с его политикой. Именно в это время папой Иннокентием III создана инквизиция, и в Европе запылали костры, на которых горели противники католической Церкви.

Религиозный фактор в те времена определял очень многое. К тому времени православие, пропитанное духом оптимизма и гуманности, стало для русских людей родным. Они воспринимали его как приобщение к знаниям и высокой культуре и не собирались разменивать на католицизм с его обскурантизмом, начетничеством, схоластикой. После провала попыток окатоличить Русь с помощью военной силы римский папа Иннокентий IV отправил послание Александру Невскому, предложив Руси свое покровительство при условии ее присоединения к латинской вере. Александр отказался принять учение от Рима. Упования папства на то, что русские согласятся поменять православие на католицизм, были заведомо несостоятельными.

Прямой контраст католической экспансии представляла собой религиозная политика монгольских ханов, поддерживавших на подвластных им территориях атмосферу веротерпимости. Религиозный фактор и оказал определяющее воздействие на стратегический выбор Руси. По убеждению Г. В. Вернадского, для верного выбора линии поведения «нужно было отчетливо сознавать и глубоко чувствовать – инстинктом, нутром, так сказать, – исторический смысл своеобразия русской культуры – Православие» [11, с. 152].

Первым из русских князей в ставку Батые отправился великий князь Ярослав Всеволодович и был принят там с честью: хан признал его право на великое княжение, что и подтвердил специальным ярлыком. Затем Ярослав побывал в Каракоруме – столице Монгольской империи.

После смерти Ярослава Всеволодовича к Батыю поехал Александр Невский. Он побратался с сыном Батыя Сартаком и заручился поддержкой самого хана для предотвращения новых вторжений с Запада. Политическая поддержка со стороны Орды многое значила для русских: как писал летописец, «немцы зело бояхуся самого имени татарского» [12, с. 121]. А германский хронист Рейнгольд Гейденштейн отмечал, что Александру Невскому в борьбе против тевтонов помогал татарский отряд, направленный Батыем [13, с. 195].

Русские князья становились данниками Орды. Но это отнюдь не означало тотальной зависимости Руси от Золотой Орды. Русь сохранила собственную княжескую династию, свои законы и свой суд. Русские князья имели право самостоятельно определять свою внешнюю политику. Власть Орды над Русью приняла форму протектората, при которой русские князья продолжали править своими городами и уделами. Ордынские сборщики дани – баскаки – находились на Руси до конца XIII века, а затем сбор дани стал переходить в ведение местных князей.

Вопрос об отношениях между Русью и Ордой – один из самых полемичных в отечественной историографии. Историки до сих пор спорят о степени тяжести так называемого монголо-татарского ига и его последствиях для хода русской истории. Объективный взгляд на эту проблему затрудняется тем обстоятельством, что стало уже привычным рассматривать монголо-татарское иго в одном смысловом ряду с Батыевым нашествием.

Трудно сомневаться в том, что это нашествие нанесло русскому народу жестокую рану. Никто из историков не берется отрицать урон, нанесенный Руси вторжением Батыя. В Рязанском, Владимир-Суздальском, Киевском, Черниговском княжествах было разорено и уничтожено до 2/3 всех поселений. Масса городских и сельских жителей погибла под ударами монгольских сабель и в огне пожаров – такую или похожую картину рисовали русские летописцы.

Однако стоит учесть, что в первые годы после нашествия монголы не брали с Руси дань, удовлетворяясь периодическими набегами с целью грабежей. Но такая практика означала добровольный отказ от долговременных выгод. Когда монголы осознали это, начался сбор систематизированной дани, ставшей постоянным источ-

ником пополнения монгольской казны. Отношения Руси с Ордой приняли предсказуемые и устойчивые формы – родилось явление, получившее в историографии название «монголо-татарское иго».

Русско-ордынские отношения были непростыми, но сводить их только к тотальному давлению на Русь было бы заблуждением. Еще С. М. Соловьев «развел» годы опустошений русских земель монголами и последующий за ним период, когда они, живя вдалеке, заботились только о сборе дани. При общей негативной оценке «ига» советский историк А. К. Леонтьев подчеркивал, что Русь не была напрямую включена в состав Золотой Орды и тем самым сохранила свою государственность. Негативную оценку влиянию монголов на ход русской истории дал и А. Л. Юрганов, но при этом он признал, что хотя «непокорных унижительно наказывали, те князья, которые охотно подчинялись монголам, как правило, находили с ними общий язык и даже роднились, подолгу гостили в Орде» [14, с. 40].

Н. М. Карамзин считал, что зависимость от монголов подводила русских к мысли о необходимости объединения, способствовала преодолению раздробленности и созданию единой государственности. Разделяя эту мысль, В. О. Ключевский выделял еще одну сторону власти ордынского хана над русскими князьями – он полагал, что она выступала в качестве объединительного фактора и что без арбитража Орды князья своими усобицами «разнесли бы Русь на бессвязные, вечно враждующие между собою удельные лоскутья» [6, с. 255].

Л. Н. Гумилев категорично отверг понятие «монголо-татарское иго», назвав его мифом. Ученый утверждал: «Говорить о завоевании России монголами нелепо, потому что монголы в 1249 году ушли из России, и вопрос о взаимоотношениях между Великим монгольским Улусом и Великим княжеством Владимирским ставился уже позже и был решен в княжение Александра Невского, добившегося выгодного союза с Золотой Ордой. ...Гарнизонов монголы не оставили, своей постоянной власти и не думали устанавливать. ...Союз с Ордой во второй половине XIII века принес Северо-Восточной Руси воцеленный покой и твердый порядок. Русские княжества, принявшие союз с Ордой, полностью сохранили свою идеологическую независимость и политическую самостоятельность» [12, с. 121–122].

Л. Н. Гумилев привел доводы в пользу добровольности русско-ордынского союза, назвав дань законной платой монголам за охрану русских границ и обратив внимание на факты участия русских войск в монгольских завоевательных походах: русские отряды участвовали в покорении монголами Северного Кавказа и даже Южного Китая. В свою очередь В. В. Кожин, не отрицая зависимости Руси от Орды, отверг тезис о чрезвычайной обременительности дани для русского народа. Он писал, что отвозимая в Орду дань неблагоприятно сказывалась на состоянии казны русских князей, но в пересчете на душу населения составляла совсем небольшие суммы, и простой народ не воспринимал ее слишком тяжелой [см.: 15, с. 379].

В средневековой Руси такого понятия, как «монголо-татарское иго», не существовало. В русских летописях это выражение не употреблялось. Оно возникло только в XIX веке как кабинетный термин историков, попавших под влияние модных тогда социологических концепций, механически деливших народы на «авангардные» и «отсталые». В сознание многих поколений россиян внедрялся стереотип, по которому зависимость Руси от мощной евразийской империи была позором. Однако в XIII–XV веках русичи так не считали.

Своеобразие русско-ордынских отношений может быть осознано только в конкретно-историческом контексте. В XIII веке Русь оказалась «в тисках», подвергшись нападению не только со стороны Батые, но и со стороны крестоносцев. Как писал Г. В. Вернадский, она «могла погибнуть между двух огней в героической борьбе, но устоять и спастись в борьбе одновременно на два фронта она не могла» [11, с. 152]. Сложившаяся внешнеполитическая ситуация настоятельно требовала от русских князей сделать определенный геополитический выбор. В отношениях с монголами были возможны две линии стратегического поведения: либо конфронтация, либо дипломатическая гибкость. Обе линии реализовались: одна – Даниилом Галицким, вторая – Александром Невским.

Даниил поначалу лавировал между католическим Западом и монголами. Он получил поддержку Батые, и его дипломатический вес резко вырос: Запад, по словам Г. В. Вернадского, «начал заискивать перед ним» [Там же, с. 153]. Но Даниилу расположение к нему ордынцев показалось унижительным. «Злее зла честь татарская»

[Там же], – решил он и вступил в переговоры с папой римским, рассчитывая на военную помощь Европы. Не получив этой помощи, разменявшись «на повседневные политические мелочи», он упустил из рук главные нити исторических событий и открыл Венгрии, Литве и Польше дорогу на юго-восток Руси. Волынь и Галиция на долгие века попали в сферу влияния католичества, оторвавшись от общерусского культурного потока. Линия Даниила привела к расколу русского мира, потере одной из его частей собственной самоидентификации. Г. В. Вернадский писал: «Используй Даниил с тыла поддержку монгольской силы, он достиг бы результатов совершенно непредвиденных и необыкновенных. Он мог утвердить Русь и православие в Восточной и Средней Европе. Шумная и блестящая эпопея Даниила Галицкого прошла впустую» [Там же, с. 155].

Александр Невский повел себя по-другому: заручившись дипломатической поддержкой монголов и страхуя тылы, он подавил попытки немцев и шведов проникнуть в земли Северо-Западной Руси. Подчинение Александра монголам не было механическим: он выделил у них те качества, которые помогли Руси сохранить культурную самобытность, защитить ее от католического Запада.

Невский помог Батыю в решении внутриордынских династических споров. В 1252 году монголы поддержали Александра в усмирении его противников среди русской знати, а спустя десять лет он укрепил дипломатический союз с Ордой, миром уладив назревавший конфликт с нею после избиения монгольских баскаков в северорусских городах, предотвратив кровавый погром Руси. В это время русским приходилось сдерживать ливонскую агрессию, и им трудно было обойтись без покровительства Орды. В 1269 году ордынский отряд помог новгородцам отогнать крестоносцев от стен Новгорода. Князь Александр сорвал агрессивные колонизаторские замыслы католического Запада, сохранил плацдарм для накопления Русью жизненных сил, спас самое ценное наследие – культурную традицию. После кончины князя «бысть во всем народе плачь неутешимъ» [10, с. 285].

Русско-ордынские отношения были неоднозначными. Батыев погром стал для Руси национальной катастрофой, привел к оскудению людских и материальных ресурсов, упадку ремесел и снижению значения городов. Под воздействием этой катастрофы в рус-

ском общественном сознании сформировалась «идеология выживания», которой подчинялась социальная структура и хозяйственная жизнь Руси. Такая идеология содержала установку на максимальную осторожность в выборе путей развития и порождала императив всеобщей консолидации. Однако трагедия 1237 года не означает, что весь период русско-ордынских взаимоотношений нужно изображать исключительно в черных красках. После похода Батыев русская история не закончилась. Острота, заложенная в 1237 году в отношении Руси с ханами, постепенно спадала. Многие зависели от дипломатического искусства русских князей, их стратегического чутья.

Князья получали подтверждение на великое княжение в ханской ставке, выплачивали дань ханам. При этом, однако, и у Руси имелись каналы политического и идеологического влияния на Орду. Оно шло через Русскую православную церковь. Прошло не так уж много времени после Батыева погрома, когда в 1261 году в столице Золотой Орды Сарае была открыта епархия Русской церкви, что позволило не только защищать интересы живших здесь русских людей из числа пленников, но и проводить миссионерскую и проповедническую деятельность среди местного населения Орды.

В 1279 году русский митрополит получил от хана Менгу-Тимура охранную грамоту, давшую гарантию неприкосновенности храмов и церковного имущества. Православная Церковь освобождалась от выплаты дани, что позволило ей укрепить материальную базу для расширения культурно-просветительской миссии. Деятельность православной епархии в Орде не прошла даром: в XIV веке на Русь двинулся поток православных ордынцев. Большинство из них принималось на службу к московскому князю, находившемуся в союзе с православной Церковью. Пополнив свою дружину воинами, имевшими высокую боевую выучку, Москва получила военно-политическое преимущество перед другими княжествами.

Историческое творчество Руси в период «ига» не прерывалось, а в сфере культуры и дипломатии оно было отмечено высокой активностью. Именно благодаря этой активности Русь и оказалась геополитической наследницей Золотой Орды, территория которой в XV–XVIII веках по частям (Поволжье, Урал, Западная Сибирь,

Северный Кавказ, Крым) вошла в состав Российского государства. Главным условием достижения такого исторического результата стал дипломатический союз Северо-Восточной Руси с Золотой Ордой, который можно трактовать и как ориентацию русских на политическое и культурное взаимодействие с народами Поволжья, Южного Урала и Северного Кавказа.

Л. Н. Гумилев утверждал, что великороссы – это этнос, сложившийся из трех компонентов: славян, угро-финнов и татар, подразумеваемая под татарами смесь тюрков с монголами. По его словам, этот этнос, возникнув «на базе этнического синтеза, при взаимной комплиментарности», сложился очень сильным и свободным от вражды на национальной почве, благодаря чему «удалось создать тот монолит, который мы называем великой Россией» [15, с. 157]. Гумилев полагал, что этническое смешение русичей с их соседями достигало значительных масштабов. Следует, однако, учитывать, что русско-ордынские контакты, какой бы ни являлась степень их интенсивности, все-таки не могли стать решающим фактором при формировании качественных характеристик великоросского этноса, так как основы русской материальной и духовной культуры сложилась задолго до начала этих контактов. Влияние Орды не могло трансформировать своеобразие русской культуры. То же самое можно сказать и о языковом взаимодействии: в русском языке закрепился заметный тюркский лексический ряд, но морфология русского языка при этом совершенно не изменилась.

5.3. Золотая Орда

В начале XIII века монгольские племена, объединенные под властью Чингисхана, начали военные походы, целью которых было создание огромной сверхдержавы. Вскоре пространства от Тихого океана до Черного моря оказались под контролем Чингисидов. В 1224 году Чингисхан разделил исполинскую империю между четырьмя сыновьями. Крупнейшим из четырех улусов стал Улус Джучи, старшего сына Чингисхана. Еще в 1207 году Джучи совершил удачный поход на север от Монголии, в результате которого

власть Чингисхана признали предки бурят, ойраты, енисейские киргизы и некоторые другие племена. Чингисхан был доволен сыном, сумевшим без военных усилий ввести эти племена в сферу монгольской власти, и назначил его правителем новоприобретенных земель. Прошло более десятка лет, и Монгольская империя начала быстро расширяться в западном направлении, а все присоединяемые земли автоматически включались во владения Джучи.

Поначалу в Улус Джучи входили Западная и Южная Сибирь, Половецкая степь и Хорезм. Джучи активно занимался выстраиванием системы управления в подчиненных землях, одновременно расширяя их южные и западные рубежи. Он умер в 1227 году, еще при жизни своего отца. Наследником Джучи был признан его второй сын Бату (Батый, как его именовали на Руси), возглавивший общемонгольский поход на запад, в ходе которого были покорены Волжская Булгария, Северный Кавказ, Крым и другие земли. При Батые Улус Джучи стал простирается от Иртыша до Дуная и от Камы до Амударьи, вбирая в себя Западную Сибирь, часть Казахстана и Средней Азии, Приуралье, Среднее и Нижнее Поволжье, Дон, Северный Кавказ, Крым, Северное Причерноморье. По занимаемой площади Джучиев Улус был одним из крупнейших государственных образований Средневековья.

Батый организовал военный поход в Центральную Европу, где вел боевые действия против армий Польши, Венгрии и Далмации. Удержать за собой эти страны он не смог, ограничившись присоединением к Улусу Джучи земель в нижнем течении Дуная. В 1243 году Батый возвратился из похода в Европу и стал править обширными владениями из своей ставки в Сарае, расположенном в низовьях Волги. Батыю подчинились многие народы. В вассальную зависимость от него попали и русские княжества.

Вассальные отношения оформлялись выдачей правителями Джучиева Улуса специальных разрешительных грамот – ярлыков, которыми признавались властные полномочия русских князей, а также их союзнический статус. Принимая ярлыки, князья, в свою очередь, брали на себя определенные обязательства перед ханской ставкой. Вассалами Улуса Джучи были не только русские княжества. В 1242 году ярлык на правление в Грузии получила царица Русу-

дан, а в 1244 году подобный ярлык Батый выдал сельджукскому султану Кей-Хосрову. Вассальная зависимость от Золотой Орды выглядела как личная уния русских князей, грузинских царей или сельджукских султанов с правителем Джучиева Улуса, поэтому после смерти каждого из этих правителей русским, грузинским и сельджукским властителям нужно было снова ехать в Сарай для подтверждения своих полномочий и статуса.

Джучиев Улус находился в составе Монгольской империи примерно до середины 60-х годов XIII века, когда столица монгольских ханов была перенесена из Каракорума в Пекин и связь между административным центром империи и отдаленными от него регионами практически прервалась. В этих условиях преемник Батые Берке перестал отсылать в Пекин налоги, собранные внутри своего улуса. Заботясь о его финансовом состоянии, он провел перепись подвластного ему населения.

Вполне самостоятельно правил Улусом и Менгу-Тимур, сохранивший лишь номинальную зависимость от имперской столицы. Как и Берке, он не отдавал в Пекин собранные им налоги. Менгу-Тимур начал чеканить монеты со своим именем и своим новым титулом «правосудный великий хан», тем самым закрепив за правителем Улуса Джучи ранг великого хана. Он и его преемники стали именовать свои владения Монгольским государством и Великим престолом, подчеркивая тем самым правопреемство Улуса от державы Чингисхана. Начиная с правления Менгу-Тимура, уже не Монгольская империя, а именно Джучиев Улус становится доминирующей политической силой на просторах Евразии. Его военная мощь в течение долгого времени не имела равных. Дружбы с его правителями искали монархи многих стран. По территории Улуса проходили важные торговые маршруты, связывавшие Восток и Запад.

Русские стали именовать владения Менгу-Тимура Золотой Ордой, чаще всего имея в виду только западную часть Джучиева Улуса. Менгу-Тимур был весьма лоялен к русским. Благодаря его покровительству Русской церкви отношения Руси с Ордой приняли характер дружественного союза. В это время русские войска стали участвовать в военных походах золотоордынской армии. В лето-

писях упоминается поход 1277 года, когда «князи же вси ходиша с царем Менгуге-мирим на Ясы» [17, с. 125].

В XX веке в научной и учебной литературе, как и на уровне обыденного сознания, утвердились некоторые стереотипы и заблуждения, связанные с Золотой Ордой. Это относится к развитию культуры, наличию городов, соотношению понятий «монголы» и «татары», некоторым моментам истории русско-ордынских отношений. Долгое время Золотая Орда была нежелательной темой в науке, любой положительный факт по отношению к ней попадал под сомнение.

Термин «татарщина» в трудах классиков марксизма нес исключительно пренебрежительный смысл. Объяснялось это тем, что они в своих трудах выражали негативное отношение к образу жизни и быта кочевых народов, бесосновательно накладывая на него печать «азиатского варварства». Затрагивая историю Улуса Джучи, Карл Маркс писал: «Татарское иго продолжалось более двух столетий. Оно не только подавляло, но оскорбляло и иссушало душу ставшего его жертвой народа. Татаро-монголы установили режим систематического террора; опустошения и массовая резня стали его неизменным атрибутом... оставляя после себя пустыню, они руководствовались принципом замещения людей овцами и превращения плодородных земель и населенных местностей в пастбища» [18, с. 5]. В такой оценке «монголо-татар» присутствовал очевидный субъективизм. Поскольку в официальной советской историографии подход к историческим явлениям определялся в первую очередь мнением основоположников марксизма, этот субъективизм был превращен в методологическую норму.

Однако среди советских исследователей были и те, кто к истории Золотой Орды относился объективно и непредвзято. К ним принадлежали видные ученые – академики В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцов, Г. А. Федоров-Давыдов, занимавшиеся изучением Золотой Орды. Они писали об Орде как о высокоорганизованном государстве с развитой культурой, питаемой достижениями многих народов, среди которых русские не были исключением.

Политического и экономического расцвета Золотая Орда достигла во время правления хана Узбека, находившегося у власти

с 1312 по 1342 год. Он значительно усилил централизацию власти, создав мощный управленческий аппарат. Функции главы правительства выполнял визирь, контролировавший государственную казну. Военными делами руководил беклерибек (старший эмир). На местах ханскую власть представляли наместники, ведавшие сбором налогов и следившие за исполнением подвластным населением различных повинностей. Значимым элементом административной системы являлся совещательный орган под названием «диван». В него входили ханские родственники, эмиры, военачальники. Порой созывались курултаи – съезды, в которых участвовали наиболее авторитетные представители населения Орды.

Ордынское государство брало на себя обязанность защищать жизнь своих подданных, регулировало общественную, хозяйственную и культурную жизнь страны. В годы расцвета Золотой Орды там был отмечен самый высокий среди стран Европы и Азии уровень жизни людей. Жители Орды чувствовали себя в большей безопасности, чем жители Западной Европы.

В течение долгого времени ни одна страна тогдашнего мира не могла сравниться с Золотой Ордой по военной мощи. Дружбы с ордынцами искали правители многих стран. По территории Орды проходили важные торговые маршруты: Великий шелковый путь, связывавший Восток и Запад; Волжский путь, соединявший северные и южные районы государства. Вдоль этих путей располагалось большое число городов, в которых интенсивно велась как внутриордынская торговля, так и торговый обмен с купцами, приезжавшими из русских княжеств, Китая, Индии, Средней Азии, Кавказа, стран Средиземноморья. Ордынские купцы, в свою очередь, выезжали в эти и другие страны. Проходившие по территории Орды торговые маршруты были хорошо организованы и безопасны. И хотя торговые пошлины были невысокими, за счет больших объемов товарооборота торговля – как внешняя, так и внутренняя – приносила ордынской казне огромные доходы. Торговля являлась одной из главных отраслей хозяйства. Для закрепления за нею ведущей роли хан Токта в начале XIV века провел денежную реформу, превратившую сарайский дирхем в самую устойчивую по платежному весу валюту, высоко ценимую и за рубежами Орды.

Одно из стереотипных представлений о Золотой Орде состоит в том, что это государство было чисто кочевническим и почти не имело городов. Этот стереотип переносит ситуацию времен Чингисхана на всю историю Золотой Орды. Преемники Чингисхана хорошо понимали, что «нельзя управлять Поднебесной, сидя на коне». В Золотой Орде было создано более сотни городов, выполнявших функции административно-налоговых и торгово-ремесленных центров. Столица государства Сарай насчитывала 75 тыс. жителей. По средневековым масштабам это был очень крупный город.

Важными ремесленными и интеллектуальными центрами были Сарай, Булгар, Хаджи-Тархан, Дербент и другие города. В них высокое развитие получили черная и цветная металлургия, гончарное, ткацкое, кожевенное производство, обработка дерева, ювелирное искусство, изготовление стеклянных и костяных изделий. Благодаря союзу городов со степью развивались ремесла и торговля, создавался экономический потенциал, помогавший Золотой Орде в течение долгого времени сохранять могущество. Некоторые ордынские города сохранились до наших дней: Азов, Казань, Старый Крым, Тюмень, Дербент и ряд других. В таких городах на территории Орды, как Елец, Тула, Калуга, преобладало русское население.

Экономика Золотой Орды была многоотраслевой и многоукладной. К примеру, в районе Средней Волги было налажено производство зерна и другой земледельческой продукции. Слова Маркса о «замещении людей овцами и превращении плодородных земель в пастбища» далеки от реалий хозяйственной жизни Орды, хотя кочевое скотоводство было там высокоразвитой отраслью хозяйства.

В советской исторической литературе население Золотой Орды зачастую именовалось «монголо-татарами». После знакомства с реалиями истории условность этого термина становится очевидной. Племена, объединенные Чингисханом, называли себя монголами. Русские, жившие в Орде или часто приезжавшие туда, знали, что ее правящий слой составляли именно монголы, а не представители каких-то иных племен. При этом на Руси в разговорном обиходе

и в летописях использовалось слово «татары», не относившееся лишь к монголам: им в тогдашней Руси обозначались многие народности, обитавшие к востоку от нее.

Словесный гибрид «монголо-татары» возник в XIX веке как сугубо кабинетное изобретение, что не помешало ему укорениться в части историографии. В реальной же истории народ, который называл бы себя этим двойным именем, никогда не существовал. Растянувшаяся на огромных пространствах Орда с этнической точки зрения являла собою разнообразный конгломерат народов, в котором монголы представляли управленческую и военную элиту. Свой многонациональный характер Золотая Орда наследовала вместе с территориями, принадлежавшими ранее государствам скифов, сарматов, готов, гуннов, Хазарии, Волжской Булгарии. В состав Золотой Орды, кроме монголов, входили половцы, бургасы, волжские булгары, мордва, русские, башкиры, марийцы, ясы, черкесы, грузины и многие другие народности. Преобладающей по численности народностью в Орде были половцы.

Контакты и взаимодействия между народами, находившимися в составе Орды, были весьма интенсивными и оказывали непосредственное влияние на формирование их этнических культур. Сложившаяся в Золотой Орде культурная среда характеризовалась мирным сосуществованием различных традиций и обычаев, что способствовало постепенному перерастанию разнородных и несхожих элементов многоэтнического сообщества в органический синтез духовной и материальной культуры. В Золотой Орде культурные достижения разных народов сливались в один поток.

Культурную жизнь Орды определяли полиэтничность, языковое и религиозное многообразие, постоянное взаимодействие кочевое и оседлого хозяйственно-бытовых укладов. Монгольская элита не чуждалась культурных достижений зависимых от нее народов, но это вовсе не означало, что монгольский субстрат ордынской культуры не имел самостоятельного значения и не влиял на другие племена и народности. Монголам была присуща сложная и самобытная обрядовая система. Характерным для них являлось спокойное и терпимое отношение ко всем религиям. Веротерпимость вела к тому, что даже в одном семействе уживались при-

верженцы различных исповеданий. К примеру, в роду Джучидов хан Батый был язычником, его сын Сартак – христианином, а брат Батые Берке – мусульманином. Право личности на духовную свободу находилось под защитой государства.

В отличие от ситуации в других мусульманских странах, в быту и общественной жизни Орды довольно высокой была роль женщин. Развивалась традиционная народная культура, в которой выделились богатый и яркий фольклор героико-былинного, песенного характера и орнаментально-прикладное искусство. Важнейшей чертой культуры монголов было наличие собственной письменности.

Строительство золотоордынских городов сопровождалось динамичным развитием архитектуры и домостроительной техники. В XIV веке, когда в Орде в качестве государственной религии был принят ислам, стали сооружаться мечети, минареты, медресе, мавзолеи, монументальные дворцы. В разных районах страны выделялись зоны влияния различных градостроительных традиций: крымских, болгарских, хорезмских и т. п.

До 1313 года, когда хан Узбек объявил ислам официальной религией Орды, события там развивались так, что это государство могло стать монголо-русским, как было монголо-китайское, монголо-персидское, а с другой стороны – литовско-русское. От решения религиозного вопроса зависело многое: когда группировки монгольской знати принимали веру большинства населения страны, в которой они правили, как это было в Китае (буддизм) или в Персии (ислам), тогда культурное слияние с этим большинством оказывалось фактически полным. Если бы монгольские ханы приняли православие, духовным и культурным центром Русской земли мог оказаться Сарай, а не Москва.

Связи Руси с Золотой Ордой оказали немалое воздействие на ход русской истории. Видный русский историк Г. В. Вернадский писал: «Подчинившись государям из дома Чингисхана, Русская земля в политическом и других отношениях была включена в огромный исторический мир, простиравшийся от Тихого океана до Средиземного моря» [11, с. 161]. При этом ордынская полиэтничная материальная и духовная культура ничуть не подавляла

вполне сложившуюся к XIII веку русскую культуру, не размывала ее основ, связанных с православным вероучением.

Во второй половине XIV века Золотая Орда вошла в состояние политического кризиса, проявившегося в виде затяжных распрей между представителями ханской династии, когда за двадцать лет на сарайском престоле сменилось 14 ханов. Ожесточенная борьба за ханский престол привела к децентрализации власти в Орде, ослаблению связей между столицей и окраинами, появлению независимых от Сарая владений. В то время как Золотая Орда вошла в фазу распада, Московская Русь, напротив, стала консолидироваться и набирать мощь. Распад Золотой Орды означал, что ее геополитическое наследство неизбежно должно было кому-то достаться. Оно перешло к Руси.

5.4. Русско-Литовское княжество

Одним из последствий государственной децентрализации Киевской державы, усиленным Батыевым нашествием, стало разобщение древнерусских территорий, когда северо-восточная часть Руси оказалась в сфере влияния Золотой Орды, а ее юго-западные земли попали под власть Литвы. Это территориальное разобщение составило первичную предпосылку разделения прежде единого русского народа на три ветви: великороссов, украинцев и белорусов. Хотя осознание духовно-этнической общности не оставляло потомков древних русичей и в условиях взаимной изолированности, разрыв политических и культурных связей между частями прежде единого целого все-таки вел к консервации некоторых диалектных и обрядовых особенностей.

Присоединение западнорусских земель к Литве началось во второй трети XIII века при великом князе Литовском Миндовге. В период правления Гедимина и его сына Ольгерда территориальные приобретения Литвы продолжались. В ее состав вошли Полоцкое, Витебское, Минское, Друцкое княжества, Турово-Пинское Полесье, Берестейщина, Волынь, Подолье, Черниговская земля и часть Смоленщины. В 1362 году под власть литовского князя был приведен

Киев. Коренная Литва окружалась поясом подвластных ей русских земель, которые составили 9/10 всей территории образовавшегося государства, простиравшегося от Балтийского до Черного моря.

Русское культурное влияние в новом государстве пользовалось подавляющим преобладанием, подчиняя господствующую в политическом плане народность – литовцев. Гедимин и его сыновья были женаты на русских княжнах, при дворе и в официальном делопроизводстве господствовал русский язык. Литовской письменности в то время не существовало. Вплоть до конца XIV века русские области, присоединяясь к Литве, не испытывали национально-религиозного гнета. Строй и характер местной жизни сохранялся, потомки Рюрика оставались на своих экономических позициях, мало потеряв и в политическом плане, поскольку государственный строй Литвы носил федеративный характер. Великое княжество Литовское являлось скорее конгломератом земель и владений, чем единым политическим целым. До некоторых пор русское культурное влияние в Русско-Литовском государстве усиливалось по нарастающей. Гедиминовичи обрусевали, принимали православие. До определенного момента крепили тенденции, ведущие в сторону складывания нового своеобразного варианта русской государственности на южных и западных землях бывшей Киевской державы.

Но эти тенденции были сломлены, когда великим князем Литовским стал Ягайло. Такие личные качества, как властолюбие и тщеславие, делали его жестоким и беспринципным, заставляли откликаться на различные посулы, приходящие извне. Он отказался от присущей его предкам ориентации на русские культурные образцы и стал проводить прозападнический курс. В 1385 году Ягайло оформил брак по расчету с польской королевой Ядвигой, означавший государственную унию Литвы с Польшей. Династическая сделка сопровождалась подписанием подготовленного поляками специального соглашения, по которому Ягайло взял на себя обязательство перейти в католицизм вместе со своими братьями и боярами, окатоличить народ Русско-Литовского княжества, перевести Литву на латинский алфавит, присоединить к Польскому королевству значительную часть русских земель.

Амбиции польской шляхты, связанные со стремлением проникнуть на обширные русские территории, были удовлетворены. Ее права и привилегии быстро перевесили права русской аристократии. Началась католическая экспансия на южные и западные земли Руси. Упразднялись крупные областные княжения в Полоцке, Витебске, Киеве и других местах, самоуправление заменялось наместничеством. Литовская аристократия сменила культурную ориентацию с русской на польскую. Полонизация и окатоличивание захватили и часть западнорусской знати, в то время как средние и нижние слои западнорусского общества сохраняли верность православию и древним традициям. Началась национально-религиозная вражда, которой не было до 80-х годов XIV века. Она перерастала в жестокую политическую борьбу, в ходе которой у национально мыслящей части западнорусского населения неизбежно крепились настроения в пользу единого Русского государства. Процесс складывания государственного ядра на северо-востоке Руси влиял на эти настроения и усиливал их.

Библиографические ссылки

1. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. Т. 3.
2. История СССР с древнейших времен до конца XVIII века / под ред. Б. А. Рыбакова. М. : Высш. шк., 1975.
3. *Думин С. В., Турилов А. А.* «Откуда есть пошла Русская земля?» // История Отечества : люди, идеи, решения : очерки истории России IX – начала XX в. / сост. С. В. Мироненко. М. : Политиздат, 1991.
4. *Карамзин Н. М.* Предания веков. М. : Правда, 1988.
5. *Соловьев С. М.* Чтения и рассказы по истории России. М. : Правда, 1989.
6. *Ключевский В. О.* Русская история : полн. курс лекций. М. : Мысль, 1995.
7. Слово о полку Игореве. М. : Худож. лит., 1985.
8. Суздальская летопись // Полное собрание русских летописей. Л. : Наука, 1926. Т. 1.
9. *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М. ; Л. : Наука, 1968.

10. *Хитров М.* Святой благоверный великий князь Александр Невский. СПб. : Лениздат, 1992.
11. *Вернадский Г. В.* Два подвига св. Александра Невского // Евразийский временник. Берлин : Евразийское книгоиздательство, 1925. Кн. 4.
12. *Гумилев Л. Н.* От Руси до России. СПб. : ЮНА, 1992.
13. *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578–1582). СПб. : Археогр. комиссия, 1889.
14. *Юрганов А. Л.* У истоков деспотизма // История Отечества : люди, идеи, решения : очерки истории России IX – начала XX в. / сост. С. В. Мироненко. М. : Политиздат, 1991.
15. *Кожин В. В.* История Руси и русского слова. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001.
16. *Гумилев Л. Н.* Ритмы Евразии. М. : Экопрос, 1993.
17. Ермолинская летопись // Русские летописи. Рязань : Узорочье, 2000. Т. 7.
18. *Маркс К.* Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопр. истории. 1989. № 4.

Лекция 6

ОБРАЗОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

6.1. Причины и условия возвышения Москвы

Состояние русской государственности на рубеже XIII–XIV веков характеризовалось продолжавшимся противоборством объединительных и разъединительных тенденций. Русь по-прежнему оставалась территориально разобщенной, однако в социально-политической жизни страны в это время наметились позитивные сдвиги, способствовавшие постепенному, но неуклонному усилению интеграционных процессов.

Во-первых, к тому моменту произошла определенная стабилизация отношений северо-восточных русских княжеств с Золотой Ордой. Немалое напряжение эти отношения испытали в последней четверти XIII века, когда Орда пережила политический кризис, вызванный личными амбициями и закулисными интригами ее правителя Ногая. Кризис вылился в длительный конфликт в среде ордынской знати. В тот период порядка в стране не было, что сказалось и на русских землях: на них было совершено 14 крупных вторжений, не считая множества мелких набегов, устраиваемых разными грабительскими отрядами, пользующимися отсутствием контроля со стороны центральной власти. В 1299 году Ногой проиграл хану Тохте спор за власть. Тохта и его преемник Узбек не злоупотребляли военно-политической мощью Орды для давления на Русь.

Во-вторых, в Северо-Восточной Руси в данный период происходил рост хозяйственной активности, основной импульс которому придавало масштабное переселение людей туда из переживавшей экономический упадок Южной Руси. Шел процесс перемещения

жизненного центра Руси с юга на северо-восток. Миграция населения в этом направлении началась еще в XII веке, когда в Залесской Украине появилось много новых городов. Некоторые из них были названы именами тех южнорусских городов, откуда пришли переселенцы: Переяславль, Звенигород, Галич, Стародуб, Вышгород. В XIII и в первой половине XIV века миграционный поток с юга в относительно безопасные районы северо-востока еще более усилился и принял интенсивный характер. Рост числа сельских поселений сопровождался распространением земледелия, появление новых городов означало развитие ремесел и торговли.

В-третьих, в XIV веке началось и стало набирать обороты распространение объединительной идеологии, носителем которой являлась в первую очередь Русская православная церковь, в период государственной раздробленности сохранившая организационное единство, выполняя на Руси роль скрепляющей структуры. В то время без участия православной Церкви не совершалось ни одно важное событие в жизни русского общества. Церковь несла в своих проповедях идею объединения русских земель, поддерживая тех, у кого хватало смелости и мужества взяться за практическое осуществление важной исторической задачи. Этими смелыми людьми стали московские князья. Благодаря их воле и упорству в XIV веке на Руси появился общенациональный и государствообразующий центр, которым стала Москва. Без такого центра об объединении Руси в единое государственное целое не могло быть и речи.

Еще в XIII веке представлявшая собой незначительное поселение, в течение XIV века Москва возвысилась над другими русскими городами. Этому возвышению способствовал целый комплекс факторов, среди которых историки часто выделяют фактор географический, имея в виду выгоды географического расположения Москвы на перекрестье важных торговых путей, делавших ее значимым транспортным узлом и торгово-ярмарочным пунктом. Историки обращают внимание и на то, что окруженная поясом соседних княжеств Московская земля оказывалась менее доступной для иноземных вторжений, а потому представлялась более безопасной для переселенцев с юго-запада Руси.

В. О. Ключевский писал: «В Москву со всех краев Русской земли стекались народные силы» [1, с. 221]. Действительно, выходцы

с юго-западных окраин Руси охотно оседали в Московском княжестве, тем самым обеспечивая его людским ресурсом – самым значимым из всех ресурсов. Однако привлекательность Москвы в глазах мигрантов была обусловлена не только географическим фактором. Не меньшее значение имела политика московских князей, направленная на повышение политической роли и морального авторитета Москвы среди населения Руси. Ничто так не способствовало привлечению переселенцев в Москву, как успехи этой политики.

Исторические процессы не являются безличными, протекают не сами по себе, а находятся в прямой зависимости от стратегических программ и политической воли конкретных исторических личностей. Возвышение Москвы было определено в первую очередь стратегическим фактором: московские князья поставили перед собой конкретную цель: обеспечить Москве лидирующее положение на Руси и собрать вокруг нее русские земли. Наличие ясных стратегических задач явилось залогом успешности политики московских князей, использовавших для решения этих задач весь диапазон средств и методов.

Первым собирать земли вокруг Москвы начал князь Даниил Александрович, младший сын Александра Невского. Получив в удельное владение непрестижную в XIII веке Москву, Даниил понимал, что устоявшийся к тому времени регламент удельных отношений не сулит ему никаких масштабных перспектив. Он не останавливался перед тем, чтобы обходить или открыто ломать этот регламент. В 1301 году Даниил отвоевал у Рязани стратегически важную крепость Коломну. В 1302 году Даниилу был завещан Переяславский удел, окончательно присоединенный к Москве сыном Даниила Юрием.

Юрий продолжил политическую линию своего отца, связанную с дерзкой, наступательной тактикой. В 1303 году он отбил у смоленского князя Можайск, после чего вступил в борьбу за великое княжение Владимирское. Юрий и его брат Иван по прозвищу Калита старались расширить свои владения всеми способами, какие только возможны, используя как покупку отдельных поселений и целых уделов, так и их вооруженный захват. Такая политика в то время могла быть успешной только при одном-единственном условии – при поддержке со стороны ханов Золотой Орды.

Дипломатический фактор в деле возвышения Москвы оказался очень весомым. Александр Невский советовал своим детям поддерживать дружественные отношения с Золотой Ордой. Среди его потомков самым старательным исполнителем этого совета оказался Даниил, который, в свою очередь, подобный наказ оставил и своим сыновьям. Юрий Данилович женился на Кончаке, сестре хана Узбека. В Москве принявшая православие Кончака стала Агафьей. Породнившись с Узбеком, Юрий укрепил свое положение, добившись также и ярлыка на великое княжение. Для того чтобы поддержать родственника, Узбек направил с ним в Москву подразделение из состава ордынского войска.

Брат Юрия Даниловича Иван Калита продолжил курс на укрепление дружеских отношений с Ордой. Он подчеркивал свою преданность ордынскому хану, девять раз ездил в Сарай, привозя с собой богатые подарки ханским родственникам и приближенным.

Калита присоединился к карательной экспедиции, организованной ордынцами против Твери. Тверичи восстали против произвола ордынского отряда во главе с племянником хана Узбека Чолханом, направленным на Русь для сбора дани и контроля над великим князем. В тот момент этот титул принадлежал тверскому князю Александру Михайловичу, в котором Калита видел своего соперника. Тверская земля подверглась разорению, а ярлык на великое княжение вновь оказался в руках московского князя. Кроме ярлыка, Иван Калита получил право собирать дань в пользу Орды и доставлять ее в ханскую ставку без участия баскаков. Баскачество было отменено, и обстановка на Руси стала более спокойной. С получением Калитой титула великого князя Владимирского, по словам летописи, «бысть оттоле тишина велика християном по всей Русской земле на многа лета и престаше татарове воевати Русскую землю» [2, с. 218].

Право сбора дани давало Калите большие преимущества: часть собранных денег оседала в его казне. Эти деньги московский князь использовал для покупки в соседних уделах сел и деревень. Он приобрел также три удельных города: Галич, Белоозеро и Углич. Калита значительно усилил свою дружину и с ее помощью очистил Московскую землю от разбойников, сделав ее самой безопасной и привлекательной для переселенцев. Для их привлечения

Калита использовал также податные льготы и материальную помощь. Немалые средства тратились на городское строительство.

Особую роль в возвышении Москвы сыграл религиозно-церковный фактор. В 1325 году глава Русской церкви митрополит Петр перенес свою резиденцию из Владимира в Москву. В глазах народа Москва стала духовным центром Руси. Церковь оказывала московскому князю как моральную, так и материальную поддержку.

Политику Ивана Калиты успешно продолжили его сыновья Симеон Гордый и Иван II. При них авторитет Москвы продолжал расти, чему способствовала проповедническая деятельность Церкви. Православный подвижник и основатель Троицкого монастыря неподалеку от Москвы Сергей Радонежский, пользовавшийся огромным влиянием среди верующих, распространял идеологию «Святой Руси», означавшую соединение православного вероучения с идеей патриотизма и государственного объединения русских земель.

С возвышением Москвы начался московский период русской истории – время территориального собирания Северо-Восточной Руси и образования Российского государства. Этот отрезок русской истории наполнен драматическим напряжением, требовавшим от народа максимальных усилий для решения сложных исторических задач, связан с преодолением многочисленных трудностей. Одновременно с этим он явился временем интенсивного исторического творчества.

Процесс постепенного возвышения Москвы как государствообразующего центра имел под собой прочные духовные основания. Философ А. С. Панарин писал: «По историческому закону вызова и ответа московский период стал ответом на вызовы смут и усобиц. Московские люди хорошо помнили, чем чревато дробление государства на феодальные уделы – иностранным порабощением. С этим горьким экзистенциальным знанием и приступили люди московские к строительству нового государства. ... Чувство исторической реальности не дается тому или иному поколению автоматически – его предстоит выстрадать в тяжких испытаниях» [3, с. 227].

Общественная атмосфера того времени отражала стремление русских людей к консолидации, осознаваемой решающим условием сохранения для Руси исторической перспективы. Такое стремление вырасталось на почве освоения тяжелого и жестокого истори-

ческого опыта, связанного с княжескими распрями, потерей государственного единства, Батыевым погромом, утратой политического суверенитета. Возникла насущная необходимость преодоления негативных, кризисных перекосов в развитии. На Руси сложилась ситуация, когда обращение к урокам истории делалось реальным двигателем исторического процесса, когда людям становилось ясно, что нельзя уклоняться от проблем общественного бытия, какими бы болезненными они ни были, и что при любых испытаниях недопустимо впадать в «грех отчаяния».

6.2. Смысл и значение Куликовской битвы

Куликовская битва стала важнейшей вехой отечественной истории и, по словам В. В. Кожинова, «одной из немногих главнейших основ национально-исторической памяти» [4, с. 369]. Эта данность признается абсолютным большинством историков. Однако смысл и значение битвы до сих пор оцениваются по-разному. Некоторые историки, отражая однолинейные концепции истории, трактуют Куликовскую битву как отпор «страшной угрозе – повторению Батыева погрома» [5, с. 153], говоря о том, что «был нанесен решающий удар по монголо-татарскому владычеству над народами нашей страны, ускоривший последующий распад Золотой Орды» [Там же, с. 156]. Однако такой взгляд на Куликовскую битву не соответствует историческим реалиям XIV века. Факты свидетельствуют о другом: на Куликовом поле Русь сражалась не против Золотой Орды, а против Мамаевой орды.

Хотя в 1237–1240 годах многим русским городам пришлось отбиваться от монгольских войск, спустя непродолжительное время Русь установила дипломатический союз с Золотой Ордой, в последующем не предпринимая никаких видимых попыток разорвать его. Контроль ордынских ханов над русскими князьями с течением времени ослабевал. Во второй половине XIV века Золотая Орда была охвачена внутренними смутами: за двадцать лет у власти сменилось 14 ханов.

Мамай был военачальником в армии хана Бердибека. После смерти хана в 1362 году он предпринял попытку захватить ханский престол, закрепившись в Крыму и вступив в борьбу с другими эмирами. Мамай опирался на финансовую поддержку генуэзских купцов, потеснивших в Крыму византийцев и построивших укрепленные фактории на южном берегу Крымского полуострова. Во второй половине XIV века генуэзцы являлись в Крыму большой силой, владея фактически всем южным берегом Крыма, имея колоссальные доходы от работоторговли. Крупнейший невольничий рынок располагался в Кафе, находившейся в границах нынешней Феодосии.

Политическая роль генуэзцев в событиях 1380 года была определяющей. Им хотелось утвердиться на русских торговых путях, к тому же они были тесно связаны с папской курией, с середины XIV века призывавшей правителей католических стран к созданию единого фронта против русских, изображаемых папой римским «врагами всего христианского мира» [6, с. 211–212]. Готовя поход против Руси, Мамай выполнял волю генуэзцев. По их наущению он заключил союз с литовским князем Ягайло, который состоял в доверительных отношениях с римским папой Урбаном IV. Коалиция генуэзцев, Мамаея и Ягайло координировалась из Рима, и это означало, что Мамаево нашествие на Русь было окрашено в тона католического Крестового похода.

По словам В. В. Кожина, Руси угрожал натиск «всемирной силы, в которой соединились католический Запад и часть азиатского воинства» [4, с. 407]. Он писал: «Мамаева Орда, конечно, имела азиатское происхождение, но всецело оторвавшийся и отчужденный от монгольского государства Мамай вступил в теснейший союз с генуэзцами Кафы, то есть с авангардной силой Запада, и стал выполнять его волю, его “задания”, включился в ту геополитику, которую Запад, руководимый папством, осуществлял в XIV столетии на всем протяжении “линии”, отделявшей его от православной цивилизации» [Там же, с. 404–405]. Правоту В. В. Кожина подтверждает «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского», где сказано: «Мамай, подстрекаемый лукавыми советниками, которые христианской веры держались, а сами творили дела нечестивые, изрек князьям и вельможам своим: “Захватывай землю Русскую, и церкви христианские разорю”» [7, с. 180].

Союз Мамаю с Западом нес угрозу государственной и культурно-религиозной самостоятельности Руси. Эта угроза хорошо осознавалась русскими людьми. Защита православия от духовной агрессии стала главным мотивом литературных памятников, посвященных Куликовской битве. В поэтических повестях «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище» патриотический долг русских людей раскрывался как готовность «не пощадить живота своего за святые церкви, за землю Русскую и веру крестьянскую» [8, с. 164]. Из текста «Задонщины» видно, что защита православия от полчищ Мамаю воспринималась на Руси и как религиозный долг русских людей, и как общенародное, общеполитическое дело. Под знамена московского князя Дмитрия Ивановича, внука Ивана Калиты, приходили воины из всех русских земель, еще не объединенных в рамках единого государства.

Г. В. Вернадский выдвинул тезис, весьма значимый для понимания особенностей московского периода русской истории: «Духовным основателем Московского царства было православное христианство» [9, с. 5]. Московские князья и митрополиты вели единую стратегическую линию, направленную на защиту православия. Эта линия и определила исторический вектор Московского государства. Патриаршая летопись повествует, что Дмитрия Донского на битву с Мамаем благословили «игумен всея Руси» Сергей Радонежский, митрополит Киприан и епископ Коломенский Герасим. Летописец вложил Сергию в уста пророчество о том, что «нечестивого Мамаю ждет конечное погубление и запустение», а Дмитрию были обещаны «Божья помощь, и милость, и слава» [10, с. 52]. Перед Куликовской битвой Сергей Радонежский освятил меч Дмитрия Ивановича и благословил на участие в бою иноков Ослябю и Пересвета. В русском православии не считалось грехом взяться за оружие, когда речь шла о защите святынь, выполнении нравственного долга. Христианство на Руси не осознавалось лишь как смирение, русские помнили слова Иисуса Христа из Евангелия от Луки: «Продай одежды свои и купи меч» (Лк., 22 : 36).

Мамай не был Чингисидом, поэтому и в Орде, и на Руси его воспринимали самозванцем, бросившим вызов легитимному правителю Золотой Орды Тохтамышу. Мамаевы притязания на власть в Орде натолкнулись на всеобщее неприятие и отпор со стороны

ордынского населения. Тогда Мамай задумал предпринять поход на русские княжества с целью подчинить их своей власти, ликвидировав княжеское правление, т. е. он замахнулся на то, на что не замахивался даже Батый. В литературном памятнике той эпохи замыслы Мамаея представлены следующим образом: «Безбожный Мамай, распаленный дьяволом, ополчаясь на христианство, начал глаголать своим алпаугам, и есаулам, и князьям, и уланам: “Я так не хочу делать, как Батый; когда войду на Русь, убью их князей, и которые грады приглянутся нам, там и сядем”» [11, с. 31].

В 1378 году Мамай организовал первое вторжение на Русь, но его войско было разбито на р. Воже и отступило в степь. Мамай жаждал реванша, но и в Москве не теряли бдительности. Князь Дмитрий Иванович готовил отпор врагу и собрал невиданную для раздробленной Руси рать, насчитывавшую 150 тыс. воинов. В ней объединились отряды не только из северо-восточных земель Руси, но и с русского юго-запада, находившегося под властью литовских князей. Во главе пришедших с юга отрядов стояли князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи и воевода Дмитрий Боброк Волынский, внесший решающий вклад в победу русских на Куликовом поле.

Армия Мамаея достигала 200 тыс. человек. Она состояла из собранных на итальянские деньги разноплеменных наемников – степняков и горцев. Были среди Мамаева воинства и генуэзцы. Из Литвы на помощь Мамаю выдвинулся Ягайло во главе 80-тысячного войска, в котором, помимо литовцев, было немало поляков и ливонских немцев. Но вовремя соединиться с Мамаем Ягайло не успел.

Дмитрий Иванович, понимая, что нельзя допустить соединения Мамаея с Ягайло, принял решение встретить Мамаеву орду в степи и вступить с нею в бой до того, как подойдут литовцы. Две армии сошлись на Куликовом поле, расположенном на правом берегу Дона, при впадении в него Непрядвы. Битва состоялась 8 сентября 1380 года – в день православного праздника Рождества Богородицы.

Столкновение двух армий сразу превратилось в ожесточенную сечу. Пользуясь численным превосходством, Мамаевы полчища разбили русский передовой полк и стали теснить русские рати. Москвичи, смоляне, новгородцы, псковичи, суздальцы, ярославцы бились отчаянно, но их силы были безграничны. После многих

часов кровавой битвы наступил момент, когда сдерживать яростный напор «агарян» русские ратники уже не могли. Мамаю казалось, что вот-вот он начнет праздновать победу. В этот критический миг из засады вырвался полк воеводы Дмитрия Боброка Волынского, резко ударивший во фланг Мамаевой коннице, сломавший ее строй и вызвавший панику среди нее. Ситуация на поле боя мгновенно перевернулась, и теперь уже русские преследовали обратившихся в бегство противников.

Кровопролитное побоище закончилось полным разгромом Мамаева воинства. Русские ратники одержали очень трудную и важную победу, а Дмитрий Иванович получил в народе почетное прозвище Донской, с которым и вошел в историю. Московский князь утвердился в роли лидера русского мира и главного поборника идеи объединения русских земель. Перед Русью открывались широкие исторические перспективы, в то время как в Золотой Орде после удара по ней армии Тамерлана в конце XIV века начался процесс распада. Вскоре она разделилась между новыми государственными образованиями: Казанским, Астраханским, Крымским, Сибирским ханствами и Ногайской Ордой. После Куликовской битвы, польско-литовской унии 1385 года, разгрома Тохтамыша Тамерланом в 1395 году наступил качественный перелом в геополитическом положении Руси. Для нее теперь самым заметным соперником становилась Польша.

6.3. Политика Василия Темного, «феодалная война»

Победа на Куликовом поле значительно повысила моральный и политический авторитет Дмитрия Донского на Руси, в том числе и среди удельных князей. При Дмитрии к Москве присоединились Стародуб, Дмитров, Кострома. Важными приобретениями московских князей стали обширные территории в Заволжье, а в 1393 году сын Дмитрия Василий I добился от хана Орды подчинения Москве Муромского и Нижегородского княжеств. При Василии заметно

усилилось русское продвижение на Восток; благодаря миссионерской деятельности Стефана Пермского были обращены в христианскую веру коми-пермяки.

По завещанию Василия I великокняжескую власть получил его 10-летний сын Василий II. Это вызвало недовольство брата Василия I, Юрия Галицкого, вступившего в борьбу за престол. Столкнулись два разных варианта престолонаследования – один был представлен принципом родового старшинства дядьев перед племянниками, другой выражал взгляд на великокняжескую вотчину как неделимое государственное целое; централизаторские тенденции столкнулись с удельными. На практике это столкновение вылилось в затяжную войну, длившуюся более 20 лет. После смерти Юрия Галицкого его сыновья Василий Косой и Дмитрий Шемяка продолжили борьбу с Василием Васильевичем. Историки-марксисты называли эту борьбу феодальной войной.

Феодальную войну отличала крайняя жестокость. Так, попавший в плен к москвичам Василий Косой был ослеплен. Подобным образом был изувечен и Василий II, когда в 1446 году он был схвачен Дмитрием Шемякой в Троицком монастыре; после ослепления Василий получил прозвище Темный. Иногда историки трактуют это прозвище как некий указатель места Василия в русской истории: имена его деда – Дмитрия Донского, сына – Ивана III, правнука – Ивана Грозного освещены в исторической литературе и известны гораздо шире, чем имя Василия II. Однако роль Василия Темного в русской истории была весьма значительной.

В начале правления юный Василий не мог самостоятельно влиять на государственную политику, поэтому ее определяла московская служилая аристократия. Когда же он повзрослел, то столкнулся с многочисленными, постоянно возникавшими трудностями, для преодоления которых ему пришлось тратить огромное количество душевной и физической энергии. Его положение отягощалось тем, что, ведя борьбу за престол с двоюродными братьями, он одновременно должен был отражать набеги ордынских отрядов. В 1445 году Василий отважился на конфликт с ханом Улу-Мухаммедом. Раненный в бою князь был захвачен в плен; освободиться ему удалось лишь ценой огромного выкупа, собранного москвичами, не бросившими своего князя в трудный час.

После освобождения Василия ждало еще более жестокое испытание. Учинивший над ним расправу Шемяка захватил его в плен во время богослужения в Троицком монастыре, всеми почитаемом, что в глазах православных само по себе являлось преступлением. Но этот трагический эпизод не сломал московского князя. Ослепленный, лишенный, казалось бы, всех шансов в политической борьбе, он не впал в отчаяние, не сложил оружия, как на то рассчитывали его соперники во главе с Шемякой. Василий проявил удивительную силу характера, сумев не только выйти победителем в трудной борьбе, но и править затем государством в течение полутора десятилетий.

Победе Василия Темного в междоусобной войне способствовал ряд факторов. Во-первых, он сумел использовать самую мощную силу, которую не оценили его противники – силу народного сочувствия. Беспечеловечная расправа, устроенная Шемякой и поправшая христианские понятия, принесла Василию ореол мученика. Кроме того, большинству населения – боярам, духовенству и простому народу – позиция великого князя была ближе потому, что они видели преимущества прямого наследования, ведущего страну от раздробленности и хаоса к объединению и стабильности.

Во-вторых, великому князю удалось нейтрализовать сепаратистские наклонности бояр. Он верно определил слабое место боярства – владение вотчинами, составлявшее основу его экономического и политического влияния. Василий Васильевич, пользуясь правом верховного собственника земли, конфисковал («записал на себя») владения бояр-мятежников, поддержавших Шемяку, тем самым напомнив всему боярству, что когда-то, при первых Рюриковичах, бояре получали земельные владения за службу великокняжескому дому. Эта акция послужила надежным уроком для носителей сепаратистских настроений.

В-третьих, на помощь Василию Темному пришли сыновья того самого Улу-Мухаммеда, у которого Василий в 1445 году побывал в плену, а сын хана Касим поступил на службу к московскому князю. В 1452 году в районе Средней Оки было учреждено вассальное Касимовское ханство. Находясь под сюзеренитетом Москвы, это ханство способствовало значительному повышению авторитета

Василия II среди населения распавшейся Золотой Орды. Многие ордынцы симпатизировали Москве.

В-четвертых, немаловажную роль для победы централизаторской линии Василия II сыграли события на внешнеполитической арене. В 1439 году Константинопольский патриарх, стремясь спасти погибающую под ударами Османов Византийскую империю, пошел на подписание унии с католической Церковью. Уния была с негодованием отвергнута на Руси, действия Константинопольского патриарха оценивались русскими как измена православию. Следствием этого конфликта стал отказ Русской церкви подчиняться Константинополю, и с этого времени митрополитов стали избирать на соборе русских архиереев.

После захвата турками Константинополя и падения Византии в 1453 году на Руси стало формироваться представление о Москве как о третьем Риме, новом центре вселенского православия. Русь осознала себя носителем особой нравственно-религиозной миссии, связанной с охранением и защитой «неповрежденной» веры. Эти представления стали быстро складываться в стройную идеологическую систему, в центр которой ставилась идея «Православной Державы, Православного Царства». Церковь и верующие видели в великокняжеской власти проводника этой идеи, поддерживали ее действия по созданию единого государства.

Процесс объединения Руси при Василии Темном приобрел характер национально-религиозного движения, и территория, подчиненная московскому князю, продолжала динамично расширяться. К Москве были присоединены Калуга, Тула, Ржев, Суздаль, Великий Устюг.

6.4. Процесс государственной централизации при Иване III

В 1462 году правителем Московского княжества стал старший сын Василия Темного Иван III. Еще при жизни отца он начал активно участвовать в делах управления и получил титул великого князя. Он рано обзавелся политическим опытом, который хорошо

сочетался с его личными качествами: умом, сильной волей, талантом стратега. Опыт и высокие личные качества позволили Ивану III завершить соби́рание русских земель вокруг Москвы. Начав свою деятельность удельным князем, он закончил ее с титулом «Государь всея Руси». При нем территория, подчиненная Москве, увеличилась в 6 раз.

К моменту вокняжения Ивана III идея объединения русских земель приобрела сакральное звучание. На волне ее быстрого распространения на московскую службу охотно переходили бояре из разных удельных княжеств, а также многие удельные князья. Так, в 1463 году на положение московских служилых людей добровольно перешли все ярославские князья, а несколько позднее – ростовские и некоторые рязанские князья.

В деле объединения Руси особую значимость имел Новгород Великий, к середине XV века владевший обширными северными территориями, доходящими до Югры и по размерам намного превышавшими московские владения. Без новгородских территорий об успешном продолжении и завершении процесса соби́рания русских земель в единое государство не могло быть и речи. Стремясь присоединить Новгород, Иван III рассчитывал на поддержку со стороны новгородского простонародья. Боярская верхушка Новгорода искала политического союза с католической Польшей, а новгородские низы усматривали в таком союзе измену православию в пользу латинства. В 1471 году новгородские бояре во главе с кланом Борецких заключили с польским королем Казимиром союзный договор, по которому тот обязывался предоставить им военную защиту от Москвы, послав в Новгород своего наместника с войском.

Основная масса новгородцев отвергла союз с Польшей, стремясь к объединению с Москвой, уже воспринимаемой к тому моменту как духовный центр не только русского, но и вселенского православия. Откликаясь на эти настроения, Иван III отправил против новгородских бояр вооруженный отряд. Несмотря на то, что собранное новгородскими боярами войско численно превосходило московскую рать, оно было разбито в двух битвах – на берегах оз. Ильмень и на р. Шелони. Новгородские воины не имели мотивации воевать за интересы боярской пропольской партии.

По жалобам новгородцев боярская верхушка Новгорода была предана суду. В 1478 году новгородцы согласились с требованием Ивана III отменить вече и боярское посадничество и дать присягу на верность московской власти. Новгород и его огромные владения – Север, Вятская и Пермская земли, Псков – влились в состав единого государства.

Успехи Руси на пути государственной консолидации входили в противоречие с ее вассальным статусом по отношению к Орде. В 1480 году оно было снято. Иван III отказался выплачивать дань хану Большой Орды Ахмату. Тот решил восстановить прежнее положение дел и двинул свои войска против великого князя, который, в свою очередь, направил отряды навстречу ордынцам. Встреча двух армий вылилась в «стояние» на р. Угре: русские не предпринимали наступательных действий, не имея в том особой нужды, ордынцы не атаковали, чувствуя свою неуверенность перед сильной русской ратью. В конце концов, Ахмат отдал своему воинству приказ возвращаться назад. Это означало, что Россия стала независимым государством.

В 1485 году, стремясь защитить остатки удельной «старины», тверской князь Михаил Борисович повел переговоры с Литвой о военном союзе против Москвы. Когда Ивану III стало известно об этом, он направил на Тверь свое войско, которое одержало легкую победу над дружиной Михаила Борисовича, бежавшего в Литву. С этого момента вся Северная Русь была объединена под властью великого московского князя.

Идея создания единого Русского православного государства имела большую притягательность для населения Юго-Западной Руси, находящейся под властью литовской династии. Из русских областей Литвы шла массовая миграция на северо-восток, в московские пределы. На службу к Ивану III шли представители знатных западнорусских родов: князья Вяземские, Одоевские, Новосильские, Воротыньские и др. Под их влиянием Иван III принял титул «Государь всея Руси», причем подразумевалась не только Великая, но и Малая, и Белая Русь (т. е. Украина и Белоруссия). Принятием этого титула Иван обозначил свои внешнеполитические приоритеты, бросая открытый вызов Литве. До этой поры Москва только обо-

ронялась от давления Литвы; теперь же Иван III решил перейти в наступление.

В 1500–1503 годах московские рати воевали с Литвой, одерживая победы. По итогам успешной для москвичей войны «под руку» великого московского князя перешли Чернигов, Путивль, Гомель, Любеч, Брянск, Мценск и еще 11 городов, а также около 70 сельских волостей.

Объединив земли Северо-Восточной Руси, Иван III предпринял меры для укрепления и усиления централизованной власти. В 1497 году был принят общероссийский Судебник, призванный освободить страну от разнобоя удельных порядков, превратив ее в единое юридическое пространство. Иван III предпринимал всевозможные меры для ликвидации удельщины, особенно охотно используя прием «смешивания знати», когда самая активная часть новгородских, тверских, черниговских, рязанских бояр и потомков удельных князей переселялась в Москву, а на их место отправлялись московские служилые люди.

Иван III стал самодержавным монархом. Его власть имела вотчинный характер, т. е. он не только управлял страной, но и владел ею. Все бывшие удельные княжества стали вотчиной великого князя. Прежние хозяева уделов теряли статус полноправных вотчинников, становясь держателями земель, даруемых им за службу великому князю. Каждый, кто владел землей, был обязан защищать государство, приходя в войско «конно, людно и оружно».

Поломать прежние удельные порядки было непросто. Аристократия из бывших удельных князей, принадлежавших к родам Рюриковичей или Гедиминовичей, ставила себя наравне с Иваном III и претендовала на участие в управлении страной, тем самым тормозя процесс централизации. Централизаторские тенденции замедлялись также местничеством – получением боярами должностей на государственной и военной службе в соответствии со степенью знатности, а не по принципу личных заслуг или способностей. Исходя из этого, Иван III не мог полагаться только на княжеско-боярскую аристократию. Опорой его власти становилось дворянство – военно-служилое сословие, получавшее за службу великому князю деревни и села, расположенные на дворцовых или казенных

землях. Владение дворян этими деревнями и селами было условным, временным. Такая условная собственность называлась поместьями. Поместные крестьяне либо пахали землю помещика, либо выплачивали ему оброк. Для того чтобы оградить дворян от крестьянских «выходов» во время сельхозработ, был выпущен указ о праве крестьян переходить с одного места на другое только в ноябре – за неделю до и неделю после Юрьева дня.

Для заведования поместьями в Москве была устроена Поместная изба, а для контроля над службой, которую несли дворяне-помещики и бояре-вотчинники, создавалась канцелярия под названием «Разряд». Централизации власти должно было способствовать административное деление всех земель на уезды и волости. Некоторые волости отдавались в кормление боярам или наиболее отличившимся дворянам.

В пограничных городах Иван III поставил военные гарнизоны из стрельцов, пищальников, пушкарей, которые получали государево денежное жалованье. Иногда денежное жалованье получали и дворяне. Все, кто поступал на службу к великому князю, давали ему клятву верности.

Взяв курс на усиление центральной власти, Иван III посчитал нужным продемонстрировать преемственность складывающейся российской государственности от Византийской империи. Идея такой преемственности содержалась в державной идеологии, связанной с политической интерпретацией тезиса о Москве как о «третьем Риме», в новом пышном дворцовом церемониале, новом государственном гербе – двуглавом орле, заимствованном у византийцев. Наконец, идее преемственности российской государственности от Византийской империи должна была послужить женитьба Ивана III на Софье Палеолог – племяннице последнего византийского императора.

Сын Ивана и Софьи Василий III должен был олицетворять собой соединение двух династий – киевской и византийской. Василий продолжил политику своего отца, закрепив все достигнутые Иваном III успехи в деле государственного строительства. Он присоединил к своим владениям оставшиеся рязанские уделы. В 1514 году после очередной войны с Литвой москвичам удалось отбить у соперника важнейшую крепость Смоленск, что явилось большим

успехом. В делах внутреннего управления Василий III усилил самодержавные тенденции, продолжив курс на ликвидацию остатков удельного строя.

Библиографические ссылки

1. *Ключевский В. О.* Русская история : полн. курс лекций. М. : Мысль, 1995.
2. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. СПб. : Археогр. комиссия, 1862. Т. 10.
3. *Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М. : Алгоритм, 2002.
4. *Кожин В. В.* История Руси и русского слова. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001.
5. История СССР с древнейших времен до конца XVIII века / под ред. Б. А. Рыбакова. М. : Высш. шк., 1975.
6. *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV веках. М. ; Л. : Наука, 1959.
7. Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского // Древняя русская литература : хрестоматия / сост. Н. И. Прокофьев. М. : Просвещение, 1988.
8. Задонщина // Древняя русская литература.
9. *Вернадский Г. В.* История России. Московское Царство : в 2 т. М. ; Тверь : Аграф, 2000.
10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. СПб. : Археогр. комиссия, 1897. Т. 11.
11. Сказание о Мамаевом побоище // Памятники литературы Древней Руси, XIV – середина XV века / под ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. М. : Худож. лит., 1981.

ЭПОХА ИВАНА ГРОЗНОГО

7.1. Реформы Избранной Рады

В январе 1547 года Иван IV получил титул царя. Этот новый для тогдашней России титул был призван подчеркнуть возросшее значение центральной власти в стране, еще выше поднять престиж верховного правителя. Воцарение Ивана IV состоялось, когда ему исполнилось 17 лет. До достижения совершеннолетия он полностью власти не обладал. Великокняжеский престол Ивану достался, когда ему не было и четырех лет. После смерти Василия III дела управления страной взяла в свои руки мать Ивана Елена Глинская. В качестве регентши она правила пять лет, а после ее смерти наступил период боярского правления. Бояре не считались с малолетним монархом, часто ставя собственные интересы выше интересов государства. Это был период разгула боярских амбиций и своеволия, борьбы боярских кланов за власть и влияние, расшатывания государственного порядка, ослабления централизованной власти. Перед молодым царем встала задача восстановления роли государственного центра и завершения процесса централизации власти.

Сложной была и внешнеполитическая обстановка. Середина XVI века стала временем «русского одиночества»: Россия не имела надежных союзников, находясь в кольце враждебного окружения, в состоянии круговой обороны. Еще не успев сложиться в плотное политическое и этническое ядро, имея незначительные людские ресурсы (около 7 млн чел.), страна напрягала все силы для решения задачи выживания. Ее северо-западные, западные, южные и восточные границы были сухопутными, и по всему периметру этих границ русским приходилось держать оборону против шведов, ливон-

цев, литовцев, поляков, турок, Крымского, Астраханского, Казанского, Сибирского ханств, Ногайской Орды. Ответом на исторический вызов должна была стать концентрация всех наличных ресурсов, всеобщая дисциплина и соборная солидарность.

Советники из ближайшего окружения Ивана IV – митрополит Макарий, Сильвестр, Алексей Адашев, князь Андрей Курбский, дьяк Висковатый – составили кружок ближайших советников молодого царя – так называемую Избранную Раду, которая занялась разработкой программы реформ, направленных на совершенствование системы управления страной.

В 1549 году в Москве был созван первый Земский собор – орган сословного представительства, задачей которого являлось обеспечение связи центра и периферии. Иван IV, выступая на Земском соборе, назвал его «советом всей земли». Он осудил засилье бояр в системе управления и объявил о необходимости провести широкие государственные реформы.

В 1550 году проводится судебная реформа. Был принят новый Судебник, по которому усиливался контроль над судами: наряду с царской администрацией этот контроль стали осуществлять также представители местных обществ в лице выбранных старост и «судных мужей», выполнявших функции, подобные функциям появившихся в XIX веке присяжных заседателей. В каждой конкретной ситуации «судными мужами» выбирались представители тех или иных сословий. Протоколы судебных заседаний стали писать земские дьяки. Вводился единый размер судебных пошлин. Судебник сохранял право владельческих крестьян на уход на новое место жительства.

В 1551 году церковный собор, получивший название Стоглавого, принял решение унифицировать церковные обряды и установить единый иконописный канон, запретил священникам заниматься ростовщичеством.

Важнейшее решение Стоглавого собора касалось распространения просвещения среди населения. В сборнике решений собора системе образования была посвящена специальная статья под названием «Об училищах книжных во всех градах», закреплявшая решение о создании широкой сети приходских и частных школ:

«В царствующем граде Москве и по всем градам избрать добрых духовных священников, дьяконов и дьяков благочестивых, владеющих грамотой и письмом. И у тех священников, и у дьяконов, и у дьяков учинить в домах училища, чтобы священники и дьяконы, и все православные христиане в каждом граде отдавали им своих детей на учение грамоте и на учение книжному письму» [1, с. 290–291].

После Стоглавого собора в стране возникло множество новых приходских и частных школ, где обучались дети священников, купцов, ремесленников. Были написаны новые специальные учебники по грамматике и арифметике. Росту грамотности в большой степени способствовало появление книгопечатания. Печатный двор недалеко от Кремля в Москве был устроен за счет собственных средств царя Ивана IV. Книгопечатание способствовало расширению естественно-научных, математических, технических знаний. Распространялись и исторические знания, в чем свою заинтересованность проявлял царский двор, передававший летописцам документы из государственных архивов и деловые бумаги из правительственных учреждений. Под руководством митрополита Макария началась работа над Степенной книгой, в которой московские цари были объединены едиными генеалогическими нитями со своими предками – великими киевскими князьями, что должно было выражать идею единства русской истории.

Особое внимание Иван IV и его советники уделяли военной реформе: к конному дворянскому ополчению добавлялось постоянное войско в виде стрелецких полков и пушкарских рот. Создается регулярное казачье войско, взявшее на себя охрану российского пограничья. Оно также должно было участвовать в военных действиях в случае войны. Вводился военный налог. В 1556 году принято Уложение о службе, по которому устанавливался единый порядок несения воинской службы, вводилась должность главнокомандующего армией – «воеводы большого полка», ограничивалось местничество на период военных действий.

Немалое значение придавалось также реформе центрального управления. Формировалась система приказов как органов отраслевого управления. Были созданы Посольский, Разбойный, Ямской

приказы, Большой приход, Поместный (ведал раздачей земли служилым людям), Стрелецкий, Разрядный (ведал дворянским войском, назначал воевод) и другие приказы.

Особую роль в приказной системе выполняла Челобитная изба, главным назначением которой являлось принятие и рассмотрение жалоб со стороны рядового населения на те или иные решения государственных служащих. Эти жалобы, согласно обычаю, подавались на имя царя. Дьяки Челобитной избы должны были в короткий срок рассмотреть эти жалобы и либо самостоятельно найти нужное решение, либо направить эти жалобы в соответствующий приказ. Челобитная изба являлась гарантом обратной связи между правительством и населением страны, играла важную контролируемую роль в правительственном механизме. Не случайно Иван IV главой Челобитной избы поставил одного из своих приближенных – Алексея Адашева, обладавшего прекрасными организаторскими способностями.

В рамках земской реформы боярское наместничество заменялось выборными старостами, присягавшими царю и получавшими государственное жалованье. С земской реформой была тесно связана налоговая реформа, отменившая систему боярских кормлений, когда бояре-наместники, собирая налоги на подконтрольных им территориях, часть полученных средств оставляли себе. Вводился централизованный налоговый сбор, устанавливался определенный размер налогов. Впервые в налоговой практике Руси появились специальные налоги: помимо военного, были введены также ямской налог и налог на выкуп пленных.

Результатом реформ Избранной Рады стало укрепление государства и наведение порядка в управлении страной. Заметно повысилась боеспособность армии, благодаря чему были достигнуты большие успехи во внешней политике.

7.2. Успехи восточной политики

Ситуация круговой обороны, в которой к середине XVI века оказалась Россия, требовала и от правительства, и от населения перенапряжения всех наличных сил. Для того чтобы ослабить давление

со стороны внешних соперников, нужно было разорвать кольцо враждебного окружения. Ключевым звеном в этом окружении являлось Казанское ханство. Во-первых, казанские разбойничьи отряды представляли огромное беспокойство русским границам. Во-вторых, в Казани противоборствовали две политические группировки, одна из которых ориентировалась на союз с Крымским ханством, а другая – на союз с Россией. После того как ханский престол в Казани оказался у представителя крымской партии, за которой стояли интересы турецкого султана, царь и его советники посчитали исчерпанными дипломатические методы решения казанской проблемы. В Москве был составлен детальный план покорения Казани.

В 1551 году русские войска двинулись по направлению к Казани. Недалеко от нее, в месте впадения в Волгу Свияги, была поставлена русская крепость Свияжск, которая становилась опорной базой для подготовки к походу на Казань. Через год 150-тысячная русская армия, руководимая самим царем, завоевала столицу Казанского ханства, взяв ее штурмом и освободив множество русских невольников, томившихся в казанском плену.

В 1556 году взята Астрахань, которой правили слабые ногайские ханы, сами искавшие покровительства Москвы над собой. С этого момента Волга – от истока до устья – стала российской рекой, что открывало для русских крестьян, казаков и промышленников широкий выход на Восток. В Поволжье и на Южный Урал хлынула волна русских переселенцев. Здесь была поставлена целая цепь русских крепостей: Чебоксары, Цивильск, Яранск, Уржум, Малмыж, Уфа и др. Народы региона охотно признавали власть московского царя: его налоговая политика была для них более мягкой, чем политика казанских ханов. Кроме того, московское правительство покончило с работорговлей, которая практиковалась здесь во времена казанских ханов.

Вхождение мордвы, мариЙцев, казанских татар, башкир в состав России давало им целый ряд преимуществ: среди них почти прекратились клановые усобицы, было покончено с территориальной и политической раздробленностью их земель, увеличилась безопасность жизни людей, дополнительную динамику получило хозяйственное развитие, выросла численность населения.

Присоединение народов Уральско-Волжского региона к России стало результатом согласованных усилий и взаимовыгодных уступок с обеих сторон, но оно воспринималось этими народами не как вынужденное или продиктованное политическим прагматизмом, а как естественный акт, отразивший восстановление единой евразийской державы, существовавшей под властью Золотой Орды. Контакты мордвы, марийцев, казанских татар, чувашей, башкир, удмуртов с русскими заметно оживились. Появились предпосылки для сближения поволжских народов, стали накапливаться общие политические интересы.

Есть свидетельства о том, что народы, подвластные казанским ханам, положительно восприняли взятие русскими войсками Казани. К примеру, в башкирских народных преданиях содержится легенда о Сура-батыре, который представлен как пленник казанских ханов, много лет пробывший в Казани. Согласно легенде, когда русская армия, в которой воевали и башкиры, подошла к городу, Сура-батыр, увидев с крепостных стен своих соплеменников, бежал к ним, а затем привел их по тайному ходу внутрь крепости, после чего овладеть ею войскам Ивана Грозного уже не составило труда.

Большинство башкирских, чувашских, удмуртских родовых объединений, живших на территории Казанского ханства, добровольно признали российское подданство. Башкиры, чувашаи, марийцы, мордва, удмурты получили от московского правительства определенные льготы, сохранив самоуправление и принципы земельных отношений. Московская власть во главе с Иваном Грозным была заинтересована в союзнических отношениях с этими народами. Царь Иван через своих уполномоченных обратился к ним с призывом добровольно войти в состав Российского государства. Многие племенные объединения Поволжья воспользовались обращением Ивана IV и направили своих послов в Казань на переговоры с царским наместником князем Петром Шуйским.

Весьма успешными эти переговоры оказались для башкир. Московские власти просили их согласия на выплату налогов и несение воинской службы для защиты южных рубежей государства. В ответ на признание царем их родовых прав башкиры взяли обязательство платить ему ясак – поземельную подать и выполнять за свой

счет военно-пограничные функции в пользу Российского государства. Размер ясака был для них необременительным. Башкиры обещали нести «искреннюю службу царю» и стали выполнять обещание, не ограничив свои воинские функции только пограничной службой. Прошло совсем немного времени после присоединения Башкирии к России, как башкиры влились в состав российской армии для участия в Ливонской войне.

После того как условия присоединения башкир к России были согласованы в Казани, несколько групп башкирских послов побывали в Москве, где Иван IV вручил им жалованные грамоты, гарантировавшие башкирам неприкосновенность их традиций, обычаев и религии, автономию и сохранение традиционной системы самоуправления. Власть на местах оставалась в руках родовых вождей. Сохранялись права башкир на вотчинное владение родовыми землями. Башкиры-вотчинники, получившие от Ивана Грозного жалованные грамоты на владение родовыми землями, относились к ним как к очень важным документам и дорожили ими. Признание царем вотчинных прав башкир содействовало добровольному принятию ими российского подданства. Неудивительно, что в башкирских народных преданиях образ Ивана IV является положительным.

Известно, что в российской историографии за Иваном IV закрепилось прозвище «Грозный». А вот в сознание башкир, части ногаев и татар, чувашей и других народов Иван вошел как «добрый царь». Позитивное восприятие этими народностями Ивана IV объяснялось не только уступками с его стороны, а вписывалось в гораздо более широкий культурно-исторический контекст. Башкиры и татары называли Ивана «белым падишахом» или «белым ханом», т. е. величали его титулом, который носили Чингисиды, управлявшие Монгольской империей или ее отдельными частями. Присвоив Ивану этот титул, его новые подданные проявили уверенность в том, что московский царь является не только достойным, но и законным преемником «покорителя народов» Чингисхана и его потомков.

По представлению народов Поволжья и Урала, московский правитель был призван восстановить геополитическую целостность евразийского пространства, утерянную после распада Золотой Орды. На фоне такого представления перенос столичного центра из Сарая

в Москву выглядел несущественной формальностью. Марийские, чувашские, башкирские старшины ехали к царю в Москву, ориентируясь на церемониальный этикет, установившийся в Сарае еще в XIII веке. Русским этот этикет был хорошо знаком с тех пор, как князь Ярослав Всеволодович, а затем его сын Александр Невский приезжали к Батью. Ивану IV, принимавшему башкирских и ногайских биев, не нужно было придумывать новый церемониал. Повторив церемониальный обряд, давно отработанный ордынскими правителями, царь Иван показал гостям из-за Волги, что признает те же знаки и символы, которые признают и они. Поэтому новые подданные и видели в Иване Грозном законного наследника ордынских ханов.

Ивану IV были близки традиции Орды в сфере государственного строительства. Вслед за дедом и отцом он создавал и пытался совершенствовать служилую монархию – тот тип государственности, который существовал в Золотой Орде. Царь понимал, что присоединение бывших ордынских земель к России не будет успешным, если пренебречь историческим опытом Золотой Орды как многоэтнического государства и не проявить уважения к традициям присоединяемых народов. Служилое сословие формировалось не по узкоэтническому признаку – Иван IV давал возможность проявить себя на государственной службе всем, кто был к ней расположен. При этом царь выделял Чингисидов – Сеида Булата, Шаха Али и др., оказывал им различные почести. В этом заключались и пропагандистские расчеты – Чингисиды в окружении Ивана IV должны были повысить его легитимность в глазах татар, ногаев и башкир. Да и среди русских выходцы из восточной, ордынской аристократии имели высокий статус и пользовались немалым почетом.

Повышению градуса легитимности московской власти служила и титульная атрибутика, принятая Иваном Грозным. Он провозгласил себя царем, а не королем, потому что для восточной традиции королевский титул ничего не значил, а титул царя напрямую связывался с ордынской политической традицией – ведь царями на Руси называли именно ордынских ханов, а не византийских императоров и не западноевропейских королей.

Иван Грозный сознательно претендовал на золотоордынское наследство. Ему не приходило в голову разводить народы на евро-

пейские и азиатские, передовые и отсталые. Он не считал европейцев образцом передового поведения. В письме польскому королю Стефану Баторию он укорял его за нарушение обещаний, скрепленных присягой, и ставил ему в пример восточных правителей, дороживших своей честью в отношениях с дипломатическими партнерами: «Не только в христианских государствах не принято нарушать присягу, как ты захотел сделать, но и в мусульманских государствах не принято нарушать клятву. Мусульмане, если они государи почтенные и разумные, держат клятву крепко и не навлекают на себя хулы, а тех, кто нарушает обещание, укоряют и хулят» [2, с. 191].

Царь стремился доказать новым подданным, что он для них не чужой. С этой целью огласке предавались сведения о родстве Ивана с Чингисидами по линии его матери, Елены Глинской, одним из предков которой был ордынский хан Бердибек. В кругах татарской и башкирской знати было известно о том, что с Чингисидами роднились и представители отцовской ветви Ивана IV, заключая браки с ордынскими царевнами, как это сделал, к примеру, московский князь Юрий Данилович в начале XIV века.

Иван IV использовал династическую тему в дипломатической переписке, проявляя при этом немалую изощренность. В письмах европейским правителям царь утверждал, что «его род восходит к Августу-кесарю» [Там же, с. 134]. А вот в посланиях, отправляемых на Восток, он обходился без таких упоминаний, делая упор на свое кровное родство с Чингисханом. Целью Грозного было обоснование его прав на владения бывшей Золотой Орды. Эта цель успешно достигалась. Так, ногаи называли Ивана IV «чингисовым прямым потомком», пытались объединить родословные Рюриковичей и наследников Чингисхана. В свою очередь, царь подчеркивал свое расположение к народам, вместе с которыми русские на протяжении двух с половиной веков находились в одной геополитической сфере, подчиняясь общим для тогдашней Евразии традициям и установкам.

В 1555 году правитель Сибирского ханства Едигер прислал послов к Ивану IV с просьбой взять Сибирь под российское покровительство и начал выплачивать российской казне ясак. Но возможность мирного вхождения Сибири в состав России была сорвана

Кучумом, который убил Едигера и узурпировал власть в Сибирском ханстве. В 80-е годы XVI века русские казаки во главе с атаманом Ермаком, а за ними и московское правительство вступили в борьбу с Кучумом. И Ермак, и московские воеводы опирались на поддержку местного населения – вогулов, остяков, башкир. Благодаря этой поддержке, соединенной с беспримерной храбростью казаков Ермака, Западная Сибирь в конце XVI века вошла в состав Российского государства.

7.3. Ливонская война

Завоевав Казанское ханство, Иван IV и его правительство повернули свои взоры на запад – в сторону Ливонии, еще в XIII веке захватившей русские города в Прибалтике и перекрывшей русским выход в Балтийское море. В начале 1558 года царь двинул на Ливонию войска численностью в 40 тыс. человек, объясняя этот поход только желанием получить с ливонцев полагающуюся дань. Ливонский ландтаг принял решение собрать требуемую Москвой сумму, но сделать это вовремя ливонцы не сумели, и тогда русские войска получили приказ занять Ливонию.

В апреле 1558 года армия под руководством воевод Алексея Басманова и Даниила Адашева осадила Нарву и без особого труда взяла ее. В июле Петр Шуйский осадил Юрьев и после плотного артиллерийского обстрела заставил его сдаться. До октября 1558 года русские войска взяли 20 крепостей, оставили там небольшие гарнизоны и вернулись в Россию.

Ливонский магистр Кетлер решил воспользоваться ситуацией и вернуть утраченные крепости. В конце 1558 года он осадил Ринген, русский гарнизон которого держался больше месяца. Понеся большие потери убитыми, немцы сумели после штурма взять Ринген. Весь гарнизон крепости был уничтожен. В ответ на это в январе 1559 года воевода князь Серебряный повел в Ливонию русское войско, которое в битве при Терзене разгромило рыцарскую армию, после чего беспрепятственно дошло до Риги, захватив 11 городов. В феврале русские вернулись домой с огромной добычей.

После этого рейда Иван IV предоставил ливонцам перемирие, полностью не закрепив свой успех. Позднее выяснилось, что это было тактическим просчетом.

Во время перемирия Иван присоединил к России Нарву и Юрьев, предоставив их жителям право на городское самоуправление, судебную автономию, беспошлинную торговлю с Россией, а также на льготные ссуды за счет царской казны. Это выглядело настолько привлекательно, что к осени 1559 года под власть русского царя добровольно перешли еще 20 городов.

Кетлер же использовал перемирие для того, чтобы заключить соглашение с литовским князем Сигизмундом II. По этому соглашению часть Ливонии переходила под литовский протекторат. Тогда же город Ревель (бывшая русская Колывань) отошел Швеции. Ливонский магистр воспользовался передышкой для того, чтобы собрать подкрепление и напасть на русские войска, стоявшие возле Юрьева. В завязавшихся боевых действиях русские войска вновь потеснили немцев, взяв ряд ливонских городов. Но за время перемирия ситуация необратимо изменилась. Шведы и литовцы, подписавшие соглашения с ливонцами, потребовали от Москвы вывести свои войска из Прибалтики. Царь ответил отказом, и Россия оказалась в состоянии войны с сильной коалицией Литвы, Польши и Швеции. С небольшой Ливонией российская армия справилась бы без особого труда, а вот выдержать напор целой группировки агрессивно настроенных европейских держав ей было очень сложно.

Однако в Москве не собирались складывать оружие. В феврале 1563 года московская рать осадила Полоцк, который вскоре сдался. Это был последний крупный успех российской армии. Уже в следующем, 1564-м, году она потерпела несколько чувствительных поражений. В этом году Иван IV испытал большое потрясение, узнав о бегстве в Литву одного из своих ближайших помощников – князя Андрея Курбского, командовавшего русскими войсками на ливонском фронте. Предательство Курбского усугубилось тем, что он выдал литовцам всю русскую агентуру в Прибалтике и даже участвовал в их набеге на Великие Луки.

Между тем война продолжалась, приняв затяжной, изнурительный характер. Россию опустошали крымско-татарские походы,

польско-литовские рейды, морская блокада, которую установили Польша и Швеция. Испытания, обрушившиеся на страну извне, усугублялись внутренними неурядицами: засухами, неурожаями, эпидемиями, опричным произволом.

В 1566 году в Москву прибыло литовское посольство, предложившее разделить Ливонию в соответствии со сложившимся на тот момент положением дел. Иван Грозный не стал принимать личное решение, отдав вопрос на рассмотрение специально созданного для этого Земского собора. Выборные люди не согласились на раздел Ливонии, высказавшись за продолжение войны. Это решение оказалось фатально неудачным.

Напуганное решимостью москвитов продолжать борьбу литовское боярство согласилось объединить Литву с Польшей. В 1569 году была подписана Люблинская уния, по которой два государства сливались в одно, названное Речью Посполитой. В 1576 году королем Речи Посполитой стал Стефан Баторий, обладавший немалыми полководческими талантами. Он отвоевал Полоцк и перешел в наступление, занял южную часть Ливонии и вторгся на российскую территорию. Захватив Велиж и Великие Луки, Баторий приказал истребить их население. Литовцы и поляки дотла сожгли Старую Руссу, вырезали всех русских в Нарве, razорили Смоленщину, Черниговщину, Рязанщину, юг Новгородчины. Литовский воевода Филон Кмита сжег в российских землях 2 тыс. сел. В 1581 году Баторий осадил Псков, но псковичи с редкостным героизмом выдержали многомесячную осаду, заставив короля остановить наступление в глубь России и пойти на переговоры с Москвой.

Пользуясь тем, что основная часть московских войск была сосредоточена против армии Батория, на русскую территорию вторглись шведы, оккупировав Ям, Копорье и Корелу. Таким образом, Ливонская война, растянувшаяся на 25 лет и потребовавшая от России огромных ресурсных затрат, закончилась ее поражением. Ливония была разделена между Швецией и Речью Посполитой, а Россия не только не добилась присоединения Прибалтики, но и лишилась той узкой полосы балтийского берега, которой владела до Ливонской войны.

7.4. Опричнина

Бегство на сторону врагов князя Андрея Курбского произвело на Ивана IV чрезвычайно тяжелое впечатление. Он стал подозревать всех бояр в склонности к измене, что привело к кардинальному перелому во внутренней политике, выразившемуся во введении опричнины.

В декабре 1564 года царь Иван IV неожиданно для всех уезжает из Москвы в Александровскую слободу, где объявляет о своей «опале на бояр», попутно объяснив, что «на посадских опалы» у него нет. В начале 1565 года Иван IV объявил о создании личного царского удела, назвав его опричниной. Был учрежден особый государев двор, не связанный с прежним царским двором. Для нового двора набирался новый штат численностью примерно в тысячу человек. Туда Иван откомандировал часть бояр, дворян, приказных людей и слуг. Для содержания этого нового штата были выделены города и волости в разных местах государства: Козельск, Галич, Суздаль, Шуя, Балахна, Кострома, Вологда, Тотьма, Устюг, Каргополь, Можайск, Вязьма, Старая Русса и др. В опричнину попал даже Симонов монастырь. В Москве к опричному дворцу были приписаны некоторые улицы и слободы, в Новгороде Великом в опричнину была взята Торговая сторона.

Таким образом, территория страны была разделена на две части: земщину и опричнину. В земщине сохранялся прежний порядок принятия решений, в опричнине вводился особый режим управления.

Опричные местности располагались чересполосно с земскими городами и волостями. В земщине остались Нижний Новгород, Смоленск, Рязань, Псков, Тверь, Владимир, Калуга, основная часть Пермской и Вятской земель. При этом к опричнине постоянно присоединялись новые города и волости. К 1570 году, в сравнении с 1565 годом, ее территория увеличилась в 2 раза. Многие торгово-промышленные центры добровольно стремились войти в опричнину для того, чтобы получить прямую поддержку царской администрации. В качестве примера можно назвать владения уральских промышленников Строгановых.

Царь объявил, что опричнина нужна ему для содержания нового двора. Эта его цель была для всех очевидной, но не единственной и не самой главной. Менее афишируемой, но не менее важной для Ивана IV была другая цель, связанная с проведением антикняжеской и антибоярской политики, с полной ликвидацией остатков удельного строя. Другими словами, главной целью опричнины являлось искоренение особых прав и привилегий потомков удельных князей. Говоря, что опричный штат нуждается в поместных землях, Иван IV стал производить «мену земель», переселяя потомков удельных князей из их вотчин в другие уезды, а на их прежние места «сажая» служилых из опричников. Дело не сводилось к полному ограблению вотчинников, речь шла о наделении их поместьями на новых землях, об их переезде в другие районы. Свои прежние вотчины вынуждены были покинуть ярославские, ростовские, белозерские, суздальские, стародубские, черниговские князья. Их новые поместья располагались в земщине, на окраинах государства, остро нуждавшихся в военной защите.

Старые удельные земли оказались под опричным управлением. Таким образом, опричнина подвергла ломке вотчинное землевладение. Политический смысл «мены земель» сводился к пересмотру порядка государственной службы, выравниванию социальных прав старой удельно-княжеской знати и новой дворянской элиты, снижению влияния и авторитета потомков удельных князей, повышению роли служилого дворянства. Сам царь, объясняя перетасовку землевладельческих прав, говорил о необходимости «людишек перебрать». Он стремился к созданию, говоря современным языком, мобилизационной модели общества, в которой все классы землевладельцев должны были подчиняться единообразным правилам и порядкам, прочно прикреплялись к государственной службе, не отвлекаясь сверх необходимого минимума на собственные хозяйственные заботы.

Все, кто должен был нести военную службу, подлежали мобилизации. В условиях Ливонской войны и жестоких набегов крымского хана в 1566–1571 годах это требование выглядело оправданным. И если второй этап Ливонской войны, когда пришлось воевать против мощных в военном отношении Речи Посполитой и Швеции, закончился поражением российской армии, то в борьбе

против крымского хана она добилась блестящего успеха. В конце июля – начале августа 1572 года в битве у селения Молоды, в пятидесяти верстах южнее Москвы, войска под предводительством князей Михаила Воротынского и Дмитрия Хворостинина наголову разбили 120-тысячную крымско-турецкую армию хана Девлета I Гирея. Это был достойный ответ за совершенный им годом раньше опустошительный поход на Москву, закончившийся ее сожжением и угоном в плен десятков тысяч москвичей. Победа в битве при Молодах была одержана благодаря тактическому искусству русских военачальников, а также исключительной отваге дворян, стрельцов и казаков. После этой битвы военный потенциал Крымского ханства был надолго подорван.

Пример битвы при Молодах свидетельствует, что цели опричнины, связанные с мобилизацией военно-людских ресурсов, в немалой мере были достигнуты. Однако методы и средства проведения опричной политики были плохо продуманными и даже порочными. Царь велел создать опричную полицию – специальное сыскное ведомство, получившее задание «разыскивать крамолу», т. е. заниматься делами государственной измены. Эта закрытая полицейская структура была наделена чрезмерно большими полномочиями. «Разоблачители крамолы» оказались одновременно и следователями, и судьями, и палачами, что открывало простор бесконтрольности, произволу и злоупотреблениям. Количество эксцессов, связанных с фабрикацией обвинений против мнимых изменников, постепенно нарастало, а их всплеск произошел после того, как в 1569 году опричный сыск возглавил Григорий Бельский, вошедший в историю как Малюта Скуратов.

Сделав ставку на доносительство, Малюта установил тотальную слежку за всеми, на кого поступали доносы или кто проявлял какие-либо признаки неблагонадежности. Часто подозреваемых в измене «ставили на правеж», т. е. добивались от них признаний с помощью пыток. На рубеже 1569–1570 годов, получив донос о том, что новгородские бояре готовят тайные договоренности с Литвой, Малюта Скуратов организовал карательную экспедицию в Новгород, вылившуюся в нескончаемую череду «правежей». Много ни в чем не повинных новгородцев погибло.

Не причастные к «крамолам» люди пострадали от рук опричных судей и в других местах. «Разыскивая крамолу», опричники погубили 4,5 тыс. человек. С какого-то момента участием в проведении опричной политики, дававшим возможность практически единовластно вершить суд и расправу, стали соблазняться люди аморального склада – «человеки скверные и всякими злостями исполненные» [3, с. 121].

Вседозволенность и безнаказанность «слуг государевых» привела к ситуации, когда они стали действовать без оглядки на волю царя. Генрих Штаден, ливонский пленник, сумевший наняться в опричное войско, в своих «Записках о Московии» писал: «Опричники обшарили всю страну, на что великий князь не давал им своего согласия. Они сами давали себе наказания, будто бы великий князь указал убить того или другого из знати или купца, если только они думали, что у того есть деньги» [4, с. 93]. Своеволие опричников было заразительным: «Многие рыскали шайками по стране и разъезжали якобы от опричнины, убивали по дорогам всякого, кто им попадался навстречу, грабили многие города и посады, били на смерть людей и жгли дома» [Там же, с. 95].

На протяжении всего опричного периода к царю от его подданных поступали жалобы на бесцеремонное поведение опричников. К 1570 году Иван IV, наконец, осознал, что бесчинства опричников представляют не меньшую опасность для государства, чем боярские заговоры. В том году он приказал казнить свыше 100 опричников. В следующем году казни опричников повторились. В 1572 году опричное войско было распущено. Специальным указом царь запретил употреблять само слово «опричина»; тех, кто произносил его, били кнутом. Иван заказывал молебны в память невинно убиенных в годы опричнины. Таким образом, он признал ошибочность методов проведения опричной политики, нанесших сильный удар по общественной нравственности, заронивших сомнения и шаткость в умы людей.

Библиографические ссылки

1. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1985. Т. 2.
2. *Иван IV Грозный*. Сочинения. СПб. : Азбука, 2000.
3. *Курбский А.* История о великом князе Московском // Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней / сост. А. С. Орлов и др. М. : Проспект, 2000.
4. *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. М. : Изд-во Сабашниковых, 1925.

Лекция 8

РОССИЯ В XVII ВЕКЕ

8.1. Смута

К началу XVII века в процессе становления российской государственности накопились противоречия, вылившиеся в тяжелый кризис, охвативший и хозяйственную, и социально-политическую сферу, и общественную мораль. Этот кризис получил название Смуты. Так народ назвал события 1598–1612 годов в России, когда вся сумма неблагоприятных для страны факторов поставила ее на грань полной гибели. Смутное время – период фактического безвластия и небывалых потрясений.

Понятие «Смута» пришло в историографию из народного лексикона, означая лихолетье, анархию, безвременье, хаос, крайнюю неустроенность общественной жизни. Современники Смуты оценивали ее как кару, постигшую людей за их грехи. Такое понимание событий отразилось в позиции С. М. Соловьева, трактовавшего кризис начала XVII века как всеобщее моральное разложение.

По мнению К. С. Аксакова и В. О. Ключевского, в центре событий была проблема законности верховной власти. Н. И. Костомаров сводил суть кризиса к политическому вмешательству Польши и интригам католической церкви. И. Е. Забелин рассматривал Смуту как отражение эгоизма бояр, противопоставивших собственные привилегии, свой «стадный принцип» общенациональным интересам. Такая мысль не чужда была и В. О. Ключевскому.

Значительный блок в историографии Смуты занимают труды, где она представлена как достигший большого накала социальный конфликт. Если в дореволюционной историографии политические, морально-этические и социальные аспекты Смуты были представлены как относительно равноценные, то советская историография

абсолютизировала социальные факторы. Интерпретируя события Смутного времени исключительно как «крестьянскую революцию», историки-марксисты отвергли сам термин «Смута». М. В. Нечкина в 1930 году заявляла, что этот термин «возник в контрреволюционных кругах и включает отрицательную оценку революционного движения» [1, с. 64].

Односторонность подходов и оценок постепенно изживалась. Появлялись работы, где анализу подвергся весь спектр причин и проявлений Смуты. В. Б. Кобрин видел в Смуте «сложнейшее переплетение разнообразных противоречий – сословных, национальных, внутриклассовых и межклассовых» [2, с. 163]. Он ставил вопрос: «Вправе ли мы бушевавшую в России начала XVII века гражданскую войну свести к крестьянской?» [Там же, с. 164].

В событиях Смутного времени выделяются три этапа. Первый этап был связан с борьбой боярских группировок за власть и политическое влияние. На втором этапе Смуты в стране разгорелась гражданская война между разными социальными группами. Третий этап являл собой военную интервенцию и сопротивление ей со стороны русского ополчения.

Главными причинами Смуты стали династический кризис и вмешательство в дела России со стороны католической Польши, а затем и Швеции. Непосредственным толчком к брожению послужило пресечение правящей династии Рюриковичей, представителей которой массовое сознание признавало в качестве «природных государей». Династический кризис вызвал растерянность в народе, а в верхних слоях знати возбудил нездоровые амбиции и стремление к власти и привилегиям. Схватка за царский престол, начатая московским боярством, привела к разрушению государственного порядка, общественной деморализации.

Царствование Федора Ивановича, сына Ивана Грозного, было временем внутренней стабильности и политической осторожности. Летописи изображают Федора «зело милосердным, вдов и сирот милующим». При нем «люди начаша от скорби бывшая утешаться и тихо и безмятежно жити», и «не токмо во всей державе бо-гохранимого его царствия, но и во всей вселенной непремолчная слава его благочестия, яко солнечные лучи, простиралась» [3, с. 4].

При Федоре развивалось хозяйство, наполнялась государственная казна, строились города в Поволжье, на Урале и в Сибири: Самара, Саратов, Ирбит, Верхотурье, Тобольск, Сургут и др. В царство Федора знаменательное событие произошло в церковной жизни страны: в 1589 году на Руси введено патриаршество. Были достигнуты некоторые успехи во внешней политике: русским удалось отбить у шведов Ивангород, Ям, Орешек, Корелу и отразить очередное нашествие крымского хана на Москву.

Заботясь о боеспособности дворянского войска, правительство Федора Ивановича стремилось обеспечить стабильную жизнедеятельность дворянских хозяйств. С этой целью по указу 24 ноября 1597 года вводились урочные лета – 5-летний срок, в течение которого владельцы поместий могли возбудить иск о сыске и возвращении им беглых крестьян.

Функции первого советника при царе Федоре выполнял его шурин Борис Годунов, который, возглавляя Посольский приказ, приобрел немалый политический и управленческий опыт. В январе 1598 года Федор умер бездетным. Прямых законных наследников престола не осталось. Два других сына Ивана Грозного умерли еще раньше. Гибель младшего, Дмитрия, произошла в Угличе в 1591 году при загадочных обстоятельствах, породивших многочисленные слухи и домыслы.

После смерти Федора по инициативе патриарха Иова был созван Земский собор, избравший на царство Бориса Годунова. Начало его царствования несло людям немало благих надежд. Он проводил достаточно взвешенную политику, выступая проводником социальной стабилизации и защитником прочной морали. Годунов запретил частную торговлю водкой. При нем поощрялась колонизация новых земель, продолжалось строительство городов в Поволжье и на Урале. Новый царь уделял внимание развитию образования. Он уклонялся от внешних конфликтов, стремясь тратить средства в первую очередь на решение внутренних задач.

При Годунове были отмечены попытки прикрепить к земле живших в дворянских поместьях крестьян, объяснение чему можно найти в стремлении предотвратить запустение центральных уездов вследствие расширявшейся колонизации и оттока населе-

ния на окраины. Тем не менее попытки ограничить свободу передвижения крестьян вносили элементы напряжения в социальную жизнь страны.

Главной проблемой Годунова стала боярская оппозиция. Потомки знатных родов, представители боковых ветвей Рюриковичей и Гедиминовичей считали Годунова, являвшегося внуком татарского мурзы, плебеем и «черной костью», а себя чувствовали обойденными и незаслуженно обиженными. Годунов хотел ограничить претензии на власть со стороны боярских кланов, но справиться с саботажем бояр ему было непросто.

Трудным испытанием для правительства Годунова стал голод 1601–1602 годов, выкосивший тысячи человеческих жизней. Народ бедствовал, а в это время знать устраивала дележ богатства и привилегий, соперничая в поисках личного благополучия. Запасов зерна, припрятанных боярами-перекупщиками, хватило бы всему населению. Доходило до людоедства, а спекулянты удерживали хлеб, предвкушая повышение цен на него. Суть происходящего хорошо осознавалась в народе и определялась словом «воровство», но быстрых и простых путей выхода из кризиса не мог предложить никто. Чувство сопричастности к общественным проблемам у каждого отдельного человека оказывалось недостаточным. Люди заражались цинизмом, корыстью, забвением традиций и святынь. Разложение шло сверху – от боярской верхушки, но грозило захлестнуть и низы. Антиобщественные интересы брали верх, голос честных людей заглушался всеобщим «безнарядьем». Во всех сословиях наблюдались раздоры, недоверие между людьми, падение нравов. Разгул коррупции и дороговизны будил смуту в умах людей.

Безвластие и потеря централизирующих начал вели к оживлению местного сепаратизма. Собранные до этого в единое государство отдельные земли стали вновь проявлять тягу к обособленности. Брожение охватило жителей нерусских окраин – как тех, что были присоединены с помощью военной силы, так и тех, которые вошли в состав Российского государства добровольно, откликнувшись на перспективу стабильного порядка в сильном государстве. До Смуты Москва была координирующим центром, связующим все области страны, а с утратой доверия к московским властям утра-

чивались и связи между отдельными областями. Государство превращалось в бесформенный конгломерат земель и городов.

Пренебрежение к государственным интересам и мелочная корысть боярства породили такое явление, как самозванство. Осенью 1604 года на юге России появился первый Лжедмитрий – бывший монах Чудова монастыря в Москве Григорий Отрепьев, бежавший в Польшу, где он назвался «чудесно спасшимся царевичем Дмитрием». Польские верхи поспешили воспользоваться этим проходимцем для удовлетворения собственных appetитов. Со времен Стефана Батория польские магнаты и шляхта рассматривали Московию как объект захватнических устремлений. В желании польской верхушки подчинить себе Россию просматривалась, помимо прочего, и идейно-религиозная мотивация, выраженная пренебрежением католиков к православным «схизматикам» и планами внедрить среди русских католицизм. До 1917 года российская историография и представляла Смуту как столкновение православия с католицизмом. Такой взгляд возник еще в годы самой Смуты и утвердился сразу после ее завершения.

В 1569 году в результате Люблинской унии Литва и Польша слились в единое государство – Речь Посполитую. Южнорусские земли, находившиеся в составе Литовского княжества, подпали под власть польской короны. А в 1596 году православным Западной и Южной Руси усилиями иезуитов и польского короля была навязана Брестская уния, с помощью которой паписты хотели заставить русичей отказаться от «схизмы» и «принять милость» римского понтифика. Народ ясно ощущал всю фальшь униатства, насаждавшегося с применением грубого насилия. У православной Церкви отнимались храмы и монастыри. Православное богослужение запрещалось. Агрессивность католической Церкви и польской шляхты не оставляла православным выбора: они должны были либо смириться перед католиками, либо встать на путь борьбы. Сопротивление нарастало, вспыхивали восстания, многие из них принимали широкий размах. В 1591–1593 годах украинские крестьяне и казаки под главенством Кристофа Косинского захватили несколько городов в Малороссии и осадили Киев. В 1594–1596 годах восстание, поднятое казацким атаманом Северином Наливайко, распространилось от Запорожской Сечи до Могилева и от российской грани-

цы до Луцка. Папа римский требовал от польского короля расправы над православными: «Пусть проклят будет тот, кто удержит меч свой от крови! Пусть ересь чувствует, что ей нет пощады!» [4, с. 181].

Православие в Западной Руси держалось верой простого народа. Польско-католическое угнетение усиливало стремление белорусов и украинцев к объединению с единокровной и единой верной Россией. Она служила им своеобразным психологическим тылом, помогавшим сопротивляться унии. Польские власти и католические прелаты не могли не видеть братского расположения Западной и Южной Руси к москвитам. Белорусы и украинцы, образно говоря, «телом» были в Речи Посполитой, а «душой» – в России. На умонастроения западнорусского населения существенное влияние оказало и учреждение патриаршества в Москве в 1589 году.

Пока для православных Речи Посполитой существовал «московский тыл», польские паны не могли быть уверенными в окончательном успехе своих замыслов по ополячиванию Западной и Южной Руси. В Варшаве приходили к мысли, что едва ли удастся полностью покорить Западную и Южную Русь, если не продолжить экспансию на Восток для установления контроля над Москвией. Эта мысль оставалась несбыточной, пока Россия сохраняла державную мощь под скипетром династии Рюриковичей. Но когда в 1598 году древняя династия пресеклась, паны и кардиналы расценили это как шанс, который позволит им осуществить амбициозные замыслы в отношении России.

Папа римский Климент VIII и его преемник Павел V охотно поддержали авантюру Лжедмитрия. Отрепьев тайно принял католичество, и папский нунций Рангони благословил его поход на Москву. Русский летописец описал, как самозванец, «сатанинский угодник, окаянный законопреступник, отпавший от христианской веры и поругавший сам образ Божий» [5, с. 36], был принят польским королем, который, «найдя его велеречивым, признал в нем настоящего царевича и обещал ему помогать. А он, зломысленный, обещал отдать королю российский город Смоленск и города Северной страны даже и до Можайска, да и быть с ним в одной и той же вере. А король за это велел созывать вольных людей ему на помощь» [Там же, с. 36].

Лжедмитрий, получив от магнатов деньги и оружие, повел в Россию большой польский отряд. В военных столкновениях с этим отрядом правительственные войска имели очевидное преимущество, однако нанести решающее поражение Отрепьеву не успели. Весной 1605 года Годунов умер, и бояре открыли перед самозванцем ворота в Кремль.

Лжедмитрий не посмел бы посягнуть на престол без открытой или тайной поддержки боярских группировок. Смуту в умы людей вносили «неправды лукавые». Мать погибшего в 1591 году царевича Дмитрия Марфа Нагая, «дарами прельстившаяся», согласилась признать самозванца своим сыном. Но немало было и тех, кто не хотел признавать ложь и приспособливаться к ней. Варвара Отрепьева, родная мать самозванца, его брат и дядя обличали его как проходимца, за что подверглись гонениям. Дворянин Петр Тургенев и мещанин Федор Колачник, прилюдно называвшие Отрепьева «антихристом, посланным от сатаны» [6, с. 110], были казнены по его приказу.

Самозванец владел московским престолом более года. За это время казна была опустошена. Пришедшие с ним поляки занялись грабежами. Среди русских людей назревало возмущение, резко усилившееся, когда пришельцы принялись осквернять православные святыни. По описаниям писателя XVII века Авраамия Палицына, поляки «во святых божиих церквах скот свой затворяху и псов в алтарях питаху, <...> чин иноческий и священнический не вскоре смерти предааху, но прежде зле мучащее всячески, и огнем жгущее, испытующа сокровищ, <...> и ругающееся им, повелевая песни петь срамныя, и скакати, и плескати» [6, с. 121]. «Смертную муку» от поляков приняли тверской и суздальский архиепископы, а коломенского епископа поляки, привязав к пушке, возили с собой для устрашения непокорных. Палицын не жалел красок для изображения бесчинств со стороны интервентов: «У иных же чадю похитив, пред очами родителей на огне держажу, иных о землю, и о пороги, и о камни, и об углы разбиваху, иных же на копья и на сабли взоткнувшю перед родителями ношаху. ...И где пролита была мученическая кровь, на том же месте бяше беснования блудного одр. Красных же жен и девиц на мног блуд взимаху, и те во многом

сквернении нечисты умираху. ...Невесты же христовы, честные и святые инокини растерзаемы бываху, и по станам их влачили, и оскверняли блудом» [Там же, с. 123–124].

Терпеть все это москвичи не могли и не хотели. Вспыхнуло восстание, в ходе которого они перебили поляков и расправились с Отрепьевым. После этого царем стал Василий Шуйский. Он был выбран некоторыми боярскими группировками, «без совета всей земли», а значит, по убеждению писателя XVII века Ивана Тимофеева, «заскочил на царство самовольно и бесстыдно, царствовал нечестиво. Из-за неустойчивости его власти люди беспорядочно неистовствовали, и море житейское неукротимо волновалось» [7, с. 262]. В народе Шуйский не был признан. Началось брожение, переросшее в кровавое междоусобие.

В это же время на исторической сцене появился новый самозванец, прозванный Тушинским вором. Ему в «наследство» от первого лжецаря достались не только польские сабли, но и «царица», роль которой старательно исполняла Марина Мнишек – дочь богатого польского магната. Побывав под венцом с одним проходимцем, она после его смерти быстро освоилась в шатре другого. Перед народом разыгрывался большой и фальшивый спектакль. Многие были сбиты с толку хитрой пропагандой и верили в «истинность» самопровозглашенных царей. Вставший на сторону второго самозванца дворянин Иван Болотников призывал народ к расправе над боярами, «овладению женами их, и вотчинами, и поместьями». Страну захлестнула уголовщина. Грабежами занимались бродившие от города к городу польские, дворянские, казачьи отряды, различные ватаги и банды. От имени Тушинского вора и польского наместника Гонсевского присягнувшие им корыстолюбцы получали поместья, хотя хозяева этих поместий были в полном здравии. Алчность мutilа умы, толкала к предательству.

Как и Лжедмитрий I, Тушинский вор опирался на поддержку поляков, которые снабжали его деньгами и оружием. Когда он двинулся на Москву, из Польши на помощь ему потянулись отряды шляхты, грезящей о богатой добыче. Среди пришельцев присутствовали явные уголовники, одним из которых был Ян Лисовский, приговоренный на родине королевским судом к смертной казни

за бандитизм. Немудрено, что все русские города и села, оказавшиеся на пути этих «ясновельможных панов», подвергались диким грабежам. Лжедмитрий II обещал полякам осыпать их золотом после взятия Москвы. Эти обещания не гарантировали ему дружбы со стороны поляков. После поражения тушинских и польских отрядов под Троицким монастырем «было в Тушине у вора смятение, и все поляки вкупе начали сечь русских изменников, кои были в Тушине» [6, с. 205]. Сам Тушинский вор оказался пленником поляков. Польские «советники» в глаза называли его мошенником и лгуном, угрожали побоями. Ему пришлось спастись бегством от своих «помощников».

Основная масса русских людей воспринимала самозванцев оборотнями, а самозванство расценивала как сатанинское явление, ибо самозванцы действовали с помощью лжи, переступали через принцип «быть, а не казаться». Отказываясь от имени, полученного при крещении, они «губили душу». Иван Тимофеев называл их «антихристами во плоти, самих себя принесших в жертву бесам» [7, с. 255].

Духовным вдохновителем сопротивления интервентам стал патриарх Гермоген, который, как рассказывалось в Степенной книге, «видя людей божиих в России мятущихся и близких к погибели, поучал их: “Что за смятение бесполезное обуяло вас? Зачем вверяете вы души свои поганым полякам? Что общего имеете вы со злоищными волками? Вы кротки во Христе, те дерзки, как сатана. Ведь издавна православная наша вера ненавидима иноплемненными странами; почему же вы хотите примириться с пришельцами этими?”» [8, с. 329].

Пример самоотверженности в борьбе с интервентами показали защитники Троице-Сергиевой лавры, в течение 16 месяцев выдерживавшие осаду со стороны поляков и тушинских отрядов. Героическая оборона Троицы стала одним из ключевых событий Смутного времени. Лавра была духовно-административным центром русского православия и вошла в сознание русских людей как важнейший национально-религиозный символ, как «обитель благочестия, сияющая для всей России яко солнце или яко луна посреди звезд» [6, с. 131]. Взятие лавры «сонмищем сатанинским» подорва-

ло бы духовные силы русского народа, нанесло бы ему большой моральный урон. Это понимали и поляки, говорившие, что лавру надо обязательно покорить в назидание всем русским, а «аще не обратится, то рассыпать ее прахом» [Там же, с. 131].

Под монастырские стены пришли со своими отрядами гетман Ян Петр Сапега и Ян Лисовский. К началу осады Троицы у Сапеги и Лисовского насчитывалось примерно 15 тыс. человек, в то время как число защитников монастыря не превышало 2,5 тыс. Несмотря на «великую тесноту и напасти в обители», священники, воеводы и все, кто находился в лавре, «целовали крест, что седети в осаде без измены, и оттоле бысть во граде братолюбство великое, и все с усердием ратовахуся со враги» [Там же, с. 134]. Сапега и Лисовский пытались покорить лавру «прельщением», послав туда грамоту со словами: «Помилуйте себя сами, покоритесь государю нашему и вашему, и будет милость и ласка к вам государя царя Дмитрия, каковой ни один из вас у царя Василия Шуйского не был пожалован. <...> Если же не покоритесь милости нашей и ласке и не сдадите нам града, а даст Бог возьмем его, то ни один из вас милости от нас не узрит, но все умрут зле» [Там же, с. 135–136].

Защитники лавры отвергли «прельщение вражье»: «Какая польза человеку возлюбить тьму паче света и променять ложь на истину и честь на бесчестие, а свободу на горькую работу? Как же нам оставить вечную святую истинную православную веру и покориться еретическим законам, проклятым вселенскими патриархами? Какое нам приобретение и почесть, если оставим своего православного государя и покоримся лжецу, врагу и вору и вам, иноверные латиняне? <...> Ложною ласкою, тщетною лестью, суетным богатством прельстить нас хотите, но и богатства всего мира не хотим против своего крестного целования» [Там же, с. 137]. Защитники Троицы переживали голод, холод, нехватку всего самого необходимого, «и аще бы кто и каменно сердце имел, и тот, видя сия тесноты и напасти, восплакался...» [Там же]. Монахи, стрельцы, дворяне и крестьяне «пили смертную чашу за святую православную веру», сражаясь против «сынов беззаконных», спасая себя и Россию от «латынского порабощения». Потери среди «троицких людей» были велики, но они не сломили их боевой дух. Отважно

бились с врагами монахи и крестьяне из окрестных сел: «И нератные охрабришася, никогда же обычай ратных не видевши, и убо исполинскую крепостью препояшася» [Там же, с. 153].

Осада Троицы была снята отрядом молодого полководца Михаила Скопина-Шуйского, который привел из Новгородской земли 3 тыс. ратников. Скопин-Шуйский разбил тушинцев и в марте 1610 года вступил в Москву.

Пример Троице-Сергиевой лавры вдохновлял русских на освободительную борьбу. Еще одним образцом героизма явилась оборона Смоленска. Его защитники во главе с Михаилом Шеиным долго отбивали натиск польского войска, руководимого королем Сигизмундом. В «Новой повести о преславном Российском царстве», написанной в 1611 году, говорилось: «Поревнуем и подивимся великому нашему граду Смоленску, тому, как в нем наши братья, православные христиане, в осаде сидят и великую скорбь и тесноту терпят, но стоят крепко за православную веру, и за святые церкви, и за свои души, и за всех за нас, а супостату и врагу, королю, не покорятся и не сдадутся» [9, с. 24].

Разгром тушинцев отрядами Скопина-Шуйского дал стране проблеск надежды. Но вскоре Скопина-Шуйского предательски отравили его завистники. После этого страну захлестнул разгул анархии. Василий Шуйский боярами-изменниками был насильно пострижен в монахи, а позднее поляки увезли его в плен. Роль московского правительства взяли на себя выдвигенцы нескольких боярских кланов. В августе 1610 года они организовали в Кремле присягу польскому королевичу Владиславу. Патриарх Гермоген «укрепляше их, чтоб огнюдь без крещения на царство его не сажали» [10, с. 101]. Однако польский король Сигизмунд не позволил сыну креститься по православному обряду. Он не собирался идти на уступки православию, а жаждал подавить «схизму» и навязать русским католицизм.

Присягнув королевичу, а затем впусив в Москву польский гарнизон, бояре дали полякам удобный повод для прямой интервенции против России. Поляки повели себя здесь как хозяева положения: «Все державство Московское начаша правити и везде своя воеводы и судей начаша поставляти. <...> Гетман Желковский с поляки

начал казну царскую грабить: ово себе, ово королю под Смоленск посылая. По всей же Русской земле стали имати дани великия и оброки, оружием препоясуются и повсюду ратным обычаем насилюют. <...> И кто ту беду изглаголет, каковы быша правежи православным христианам?» [6, с. 210].

19 марта 1911 года интервенты устроили в русской столице кровавую резню: «Поляцы же, неистово дыхая на пролитие крови и на восхищение великого сокровища, на великий царствующий град Москву нападают, и пламень великий возжигают, и елико людей обретают, и тако мечом погубляют, богатство грабят, всех смерти предают и разсуждения возраста не имеют» [11, с. 136].

Палицын, описывая разорение интервентами Москвы, особо подчеркнул их религиозную нетерпимость: «Начаша сечь поляки в царствующем граде Москве православных христиан, и многое множество побиша православных... Церкви же и монастыри и всякую святыню осквернили и попрали» [6, с. 213]. По словам Авраамия, «многия бесчестия принял от изменников и от поляков патриарх Ермоген» [Там же, с. 210], который стал рассылать в разные города грамоты с призывом к народу «идти к Москве на литовских людей» [Там же, с. 211]. Этот призыв нашел живой отклик среди русского населения, принимавшего на сходах постановления «неослабно стоять за православную веру и за Московское государство, королю польскому креста не целовать и не служить ему, Московское государство от польских и литовских людей очищать» [6, с. 212]. Бояре-изменники требовали от Гермогена написать русским ополченцам, «чтоб не ходили на Москву. Он же, великий государь-исповедник, рече им: да будут те благословенны, которые идут на очищение Московского государства, а вы, окаянные изменники, будете прокляты. И оттоле начаша его морить голодом и умориша его гладной смертью» [10, с. 117].

Элитарное высокомерие, с каким поляки принялись хозяйничать в Московии, мешало им правильно оценить потенциал сопротивления со стороны русских, с новой остротой осознавших себя жителями независимой православной державы, защитниками «прославляемого и удивительного царствующего града Москва, паче же рекомого Новый Рим» [6, с. 212]. Историк А. В. Карташев дал

такое изображение Смуты: «Латинство вплотную подошло к стенам Третьего Рима, а затем вместе с латинником-самозванцем вошло в Кремль и село на трон православных царей. Было от чего ужаснуться душе Руси и ощутить веяние антихристового времени! Много можно указать условий, помогавших восстановлению рухнувшего порядка. Но моральный, духовный корень спасения может быть указан только один. Сердца народа собрались и укрепились под знаменем высшей народной святости – веры православной, под знаменем Святой Руси» [12, с. 41–42].

К концу 1611 года Московское государство выглядело полностью разрушенным. Правительство было парализовано. В центре страны хозяйничали поляки, захватившие Смоленск и Москву. Новгород оказался у шведов. Каждый русский город действовал особняком. Однако в сознании людей все настойчивее крепла тяга к порядку. В отдельных землях регулярно собирались местные земские советы, где люди сообща обсуждали ход дел в стране. Постепенно становилось все яснее, что решение проблем невозможно только в местных рамках, зрело понимание необходимости общерусского движения. Отражением этого стали народные ополчения, собираемые в русских провинциальных городах. Несмотря на распад внутригосударственных связей, осознание национального единства не исчезло. Непрерывную проповедь в пользу единства всех православных вела Церковь. Проводя идею общественной и государственной консолидации, она сформулировала главные задачи момента: изгнать интервентов и подготовить условия для создания русского правительства, пользующегося доверием населения.

Народная энергия не увяла от «безнарядья», продолжая питать историческое творчество народа. В результате низовой инициативы и вопреки политическим маневрам боярской знати было собрано народное ополчение. Движение шло из провинции. Сначала рязанский воевода Прокопий Ляпунов «начал ссылаться со всеми городами, чтоб им стать за одно и помочь Московскому государству» [10, с. 105]. Люди откликнулись, «начаша присылати к Прокофью и во всех городах збираться. И все соединися во едину мысль, что всем помереть за православную веру» [Там же].

После гибели Ляпунова троицкие монахи разослали русским городам грамоты с призывом собирать новое ополчение. В тот момент в Нижнем Новгороде появился народный вожь по имени Кузьма Минин. Он убеждал земляков не искать личных выгод, а отдать все для спасения Отечества. На зов Минина откликнулось Поволжье, где вместе с русскими в ополчение шли татары, мордва, чуваша. Откликнулись города Русского Севера, Урала, Сибири.

Было организовано боееспособное ополчение, во главе которого встал опытный военачальник суздальский князь Дмитрий Пожарский. В августе 1612 года ополчение подошло к Троице-Сергиевой лавре, а от нее двинулось к Москве и вскоре осадило поляков в Китай-городе, «велику тесноту им сотвориша» [6, с. 215]. Осенью произошли решающие бои, интервенты были разбиты. 22 октября (4 ноября по новому стилю) Китай-город был взят приступом, «много в нем литвы и немец побили, оставшихся же в Кремль вогнали» [Там же, с. 216]. В этот день всем стало ясно: победу русские не отдадут.

Она далась им нелегко. Для многих ее достижение связывалось с преодолением инерции и малодушия. В начале Смуты моральный уровень российского общества был явно не на высоте. Государственные и общественные интересы сплошь и рядом подавлялись корпоративностью и эгоизмом. На передний план стремились выбиться жулики и проходимцы, оттирая в сторону людей честных и достойных. Не пересилив свои слабости, не обновив свой дух, русские не смогли бы освободить страну от противника. Когда хаос стал нестерпимым, весомое слово сказали духовные лидеры страны – патриарх Гермоген, Михаил Скопин-Шуйский, Кузьма Минин, Дмитрий Пожарский. Благодаря им народ собрался с силами перед лицом катастрофы и воссоздал разрушенное государство, доказав, что Россия – не чья-то частная вотчина, а предмет общей заботы всех русских городов и волостей. Решающую роль в борьбе против интервентов и в прекращении Смуты сыграло демократическое, соборное начало.

Смута преподала важный урок русскому народу. Призыв Кузьмы Минина не искать личных выгод, а отдавать все на общее дело имел отклик у большинства простых людей, символизируя пово-

рот общества к нравственному гражданскому началу. Народ, настрадавшись от беспорядков, на последние деньги собрал ополчение для восстановления спокойствия в стране, взяв в свои руки судьбу государства. Произошло то, что С. М. Соловьев назвал «подвигом очищения», когда «народ, не видя никакой внешней помощи, углубился во внутренний, духовный мир свой, чтоб оттуда извлечь средства спасения» [13, с. 947]. В годы Смуты правящая верхушка обанкротилась, а народ, по словам И. Е. Забелина, обнаружил «такое богатство нравственных сил и такую прочность своих исторических и гражданских устоев, каких в нем предполагать было невозможно» [14, с. 268]. Русские люди, перед лицом катастрофы собравшись с силами, воссоздали разрушенное государство, наглядно показав, что оно – предмет общей заботы и общего дела всех жителей России.

21 февраля 1613 года государственная власть в стране была восстановлена: Земский собор избрал царем Михаила Романова. Теперь народ в лице всех сословий должен был настойчиво и спокойно вести восстановительную работу, постепенно воссоздавая разрушенную страну.

8.2. Государственное и общественное развитие после Смуты

После восстановления государственной власти в 1613 году страна оказалась перед необходимостью стабилизировать общественные связи, преодолеть хозяйственное разорение и запустение многих районов, усовершенствовать формы управления, восстановить налоговую систему. Атмосфера, установившаяся в обществе, способствовала решению этих задач. Население после всех бед и потрясений тянулось к упорядоченной, спокойной жизни. Взяв курс на стабилизацию положения в стране, правительство опиралось именно на настроения большинства. В государстве, подорванном Смутой, юный и малоопытный царь Михаил мог удержаться на престоле только благодаря общественной поддержке.

Внутреннее и внешнее положение государства в начале царствования Михаила было тяжелым. Разоренная страна с трудом восстанавливала нормальную жизнь. Внутренний порядок и спокойствие нарушались бандами польских авантюристов и местных уголовников, продолжавших в первое время после Смуты терроризировать население грабежами и убийствами. Ликвидация воровских отрядов стоила царским воеводам больших усилий. «В наследство» от Смуты правительству достались и внешнеполитические проблемы: приходилось отбивать атаки шведов, поляков, крымских татар. Решение сложнейших внутренних и внешних задач требовало предельной концентрации государственных и общественных сил.

Названные факторы и определили пути формирования государственного управления. Для скорейшей ликвидации негативных последствий Смуты усиливалась его централизация. В руках царя сосредоточивалась вся верховная, законодательная, исполнительная и судебная власть. Все государственные органы действовали по царским указам. Центральное управление представляло собой систему приказов. При первых Романовых она разрасталась по мере усложнения административных задач. Распределение дел между приказами нередко бывало нечетким и запутанным: в одной и той же сфере сталкивались полномочия нескольких приказов. Приказы делились на общегосударственные – Посольский, Поместный, Разрядный, Разбойный, Большой казны, Большого прихода и территориальные – Сибирский, Малороссийский и др.

Особое место в административном устройстве занимала Боярская дума, поставлявшая круг ближайших советников и сотрудников царя. Но если до Смуты в думу входили в основном представители аристократических фамилий, то при царе Михаиле в нее были введены наиболее компетентные выходцы из среднего дворянства. Технические функции в думе выполняли дьяки, секретари и докладчики.

Дума обсуждала административные и судебные вопросы, составляла указы и законы. Законодательная функция думы была утверждена в Судебнике 1550 года. Обычная вводная формула новых законов гласила: «Государь указал и бояре приговорили». Часто в заседаниях думы участвовал царь, а для решения особо важных дел

приглашались представители высшего духовенства. Члены думы для проведения конкретных мероприятий создавали специальные комиссии, назначались послами, начальниками приказов, полковыми и городовыми воеводами.

Особое значение в тот период имела централизованная военная организация. Московское государство, находясь в состоянии непрерывной борьбы на три фронта, остро нуждалось в регулярной армии. Но для ее создания не хватало ни финансовых, ни технических средств. Военные силы до некоторого времени носили характер ополчения, когда дворяне обязаны были по команде правительства являться на войну со своими отрядами, вооружением и на своих конях. По мере стабилизации государственных финансов создаются военные части, получившие более регулярный характер, нежели дворянское ополчение. Это были драгунские, рейтарские и пехотные полки. Привлекались казацьи формирования. Военная организация совершенствовалась в направлении регулярности и централизации.

Усиливая централизм в управлении, правительства Михаила Федоровича и Алексея Михайловича ясно понимали опасность перекосов в сторону тотального администрирования. Первые Романовы признавали наличие церковных традиций и правовых норм, ограничивавших самодержавие. Далеко не последнюю роль играл духовно-этический контроль со стороны православной Церкви. Нельзя было не считаться и с возросшим гражданским сознанием подданных. Взяв в 1612 году дело спасения страны в свои руки, народ хотел убедиться, что его усилия не были потрачены зря. Это отражали земские соборы, где представители всех земель и сословий обсуждали проблемы страны. Царь прислушивался к их мнению, видя, что они не желают «будить уснувшую Смуту». Не забывалось и то, что царская власть была учреждена именно Земским собором.

Обществу удавалось влиять на политику правительства, придавая ей протекционистский характер. Земский собор заседал почти непрерывно в течение первых 10 лет царствования Михаила, помогая восстановлению Российского государства после Смуты, в чем проявилась его крупная историческая заслуга. И в дальней-

шем ключевые для государственного и общественного бытия вопросы выносились на «совет всей земли» – такие, к примеру, как внешняя политика в связи со взятием Азова казаками (1642), принятие нового свода законов (1649), воссоединение русских земель (1653) и др. Кроме того, для обсуждения более частных вопросов правительство неоднократно созывало совещания представителей отдельных сословий.

В Смутное время в провинции важную роль сыграли земские собрания. Однако после Смуты необходимость централизации управления для решения сложных внутренних и внешнеполитических задач привела к ослаблению местного самоуправления. Усиливая представительство центральной власти на местах, правительство во все земли страны командировало воевод, сосредоточивших в своих руках военную и гражданскую власть в уездах.

В некоторых центральных и большинстве северных волостей население образовывало «всеуездные миры», во главе которых ставились выборные земские старосты. Но функции местного самоуправления регламентировались сверху; вопросы, касавшиеся военной и политической сфер, оставались в ведении центра.

Первые Романовы стремились внести элементы централизации и в социальную политику. Правительство выполняло функцию арбитража во всех социальных конфликтах, вмешиваясь не только в меж- и внутрисословные отношения, но нередко даже во внутриродовые споры. Все сословия обязаны были служить государству и отличались лишь характером возложенных на них повинностей.

Социальная политика правительства в значительной степени определялась демографическими проблемами. Занимая площадь, превышающую размеры всей Западной Европы, Россия к середине XVII века имела не более 10 млн жителей, в то время как Франция – 18 млн, Австрия – 14 млн, Италия – 11,5 млн. Недостаток людских ресурсов препятствовал успешному освоению новых земель, пополнению казны, содержанию боеспособной армии. Юридическое закрепление на местах касалось не только помещичьих крестьян, но и некоторых категорий посадского населения. По большому счету, перед лицом государства не более свободными, чем крестьяне и горожане, были и дворяне, связанные обязательствами

ми пожизненной государственной службы. Социальная структура общества, выстраиваемая в интересах государства, принимала мобилизационный отпечаток, когда в этой структуре за каждой общественной группой закреплялось определенное место в зависимости от нужд и потребностей государства. Население было разделено на тяглых и служилых.

Во главе служилого сословия стояло около сотни боярских семей – потомков бывших великих и удельных князей. Они занимали все высшие должности в военном и гражданском управлении, но постепенно в течение XVII века их позиции потеснили выходцы из средних служилых слоев. Шло слияние бояр и дворян в один класс – государственных служилых людей. По своим социальным и национальным корням этот класс отличался заметной пестротой. В него входили потомки князей и их слуг, выходцы из тягловых сословий, дети священников, купцов, казаков, выходцы из Литвы, крещеные татары. Первоначально доступ к государственной службе был открыт всем свободным людям. По мере складывания государственной организации класс служилых приобретал все более замкнутый характер.

Дворяне получали за службу поместья из государственных земельных фондов. Потомки вотчинников, в свою очередь, активно привлекались к государственной службе. Это вело к стиранию грани между вотчинным и поместным землевладением. В то же время среди дворянства велика была имущественная дифференциация. Она усиливалась нехваткой людских ресурсов.

Переходы крестьян из одного поместья в другое связывались, как правило, с переманиванием их более состоятельными, чем прежние, владельцами. Это подрывало хозяйство конкретных местностей, а значит, и способность отдельных дворян надлежащим образом исполнять свои военные обязанности. География страны, становясь все обширнее, вызывала миграцию на новые земли, часто бесконтрольную, когда страдала налоговая система. Ничего лучшего, нежели юридическое прикрепление крестьян к земле, правительство в тех условиях придумать не могло. При этом на практике к тем, кто бежал на новые окраины, серьезных мер, чаще всего, не применялось.

Прикрепление крестьян к земле имело большие социальные последствия. Внятная юридическая регламентация отношений между помещиками и крестьянами не была обеспечена, и в этом скрывались возможности для помещичьего произвола. Государство не отказывалось видеть в лице владельческих крестьян своих подданных, пыталось влиять на отношение к ним землевладельцев, но полностью контролировать эту сферу было не в состоянии. Со стороны помещиков нарастала практика распоряжения личными правами крепостных, хотя в XVII веке она еще не достигала размеров «критической массы».

Более благоприятным являлось положение государственных крестьян, сохранивших и юридическую свободу, и полноценное самоуправление, облегчавшее условия отношений с администрацией. В отличие от владельческих, государственные крестьяне несли только одно тягло – в пользу государства. Их доля среди всего крестьянства была преобладающей.

Самоуправление сохранялось и у зависимых крестьян, смягчая для них последствия введения крепостного права. Землевладельцам и чиновникам приходилось иметь дело не с разрозненным крестьянством, а с организациями в виде общин, действовавших на принципах круговой поруки и всячески защищавших своих членов.

Русские купцы, промышленники, ремесленники организовывались в «сотни», контролируемые правительством. Влиятельным сословием в XVII веке оставалось духовенство, являвшееся наиболее образованной категорией населения и державшее в своих руках такие сферы, как просвещение, культура, идеология. Немало людей входило в средние и низшие слои служилого класса: однодворцы, стрельцы, пушкарки, ямщики и др. Особую прослойку общества составляли монахи и монастырские слуги. Были и такие, кто относился к «гулящим», находился вне крестьянских и посадских общин, не нес «государева тягла»: наемные рабочие, скомоорохи, нищие, бродяги и т. п.

Выстроенная в России XVII века государственно-общественная модель названа историками «сословно-представительной монархией». Особенно наглядно эта модель проявилась в решениях Земского собора, созванного в сентябре 1648 года. Выборные

от 130 городов, представлявшие как служилых, так и тяглых, в течение нескольких месяцев были заняты составлением нового законодательства. Принятое земскими делегатами Соборное уложение отражало интересы средних сословий: дворян, посадских, казаков, свободных крестьян. Статьи Соборного уложения включали в себя запрет духовенству приобретать новые земли, отмену урочных лет для возврата дворянами беглых крепостных, запрет боярам-землевладельцам и монастырям принимать в своих хозяйствах поместных крестьян, предоставление общинам права возвращать всех, кто до этого вышел из общины, запрет иностранным купцам торговать в городах Центральной России. Средние сословия повысили свои права за счет боярства и духовенства. Одним из долговременных следствий принятия Соборного уложения стало утверждение в России крепостного права.

Элементы некоторой жесткости в социальной политике вносили определенный дискомфорт в сознание населения, выливающийся в народные бунты и волнения, такие, например, как «хлебный» бунт в Новгороде и Пскове в 1650 году и «медный» бунт в Москве в 1662 году. В историографии XVII век нередко именуется «бунташным веком», но почти не говорится о том, что «бунташность» отражала в первую очередь демократизм русского общества, остро реагировавшего на попытки правящих верхов ограничить права большинства. Горожане и сельские жители, выступая в защиту своей духовной свободы, осознавали себя полноценной частью российского общества, а не темной, забитой массой.

Внедрение мобилизационных рычагов в структуру управления обществом вовсе не означало тотального преобладания силовых методов в социальной политике правительства, применявшего весьма гибкую тактику. Нехватка людских ресурсов компенсировалась разнообразными способами. Так, в ходе многочисленных войн русские войска приводили немало пленных. Режим их содержания был мягким, масса пленных шведов, крымских татар, поляков, литовцев осваивалась в русских городах и селах, оставалась в России на постоянное жительство. Их дети от местных матерей росли русскими по языку и сознанию.

Гибкой была правительственная политика и в отношении инородцев. Учитывались местные условия, а с ними привычки и на-

строения народностей, населявших Север, Поволжье, Урал, Сибирь. Правительство шло на уступки этим народностям в делах самоуправления и в налоговой сфере. Уступки делались и в отношении некоторых категорий русского населения. Показательный пример – казачество, которое было наделено немалыми сословными правами и привилегиями. Казачья вольница поначалу доставляла массу хлопот московским властям, поскольку влекла беглых крепостных из центральных районов, мало церемонилась в выборе промыслов, игнорировала царские указы. В дальнейшем, однако, установился прочный союз казачества с государственной властью. Этот феномен наглядно высвечивает, во-первых, гибкость правительства в социальной политике и, во-вторых, государственное организующее начало, возобладавшее у казачества в условиях ничем не ограниченной вольницы.

Кзаки объединялись в военно-демократические организации, управляемые на местах выборными старшинами. Московское правительство признало за казаками право на владение землей, оказывало им помощь провиантом, деньгами и оружием. Казачество обязывалось нести пограничную службу на рубежах Русского государства. В течение всего XVII века оно вело не прекращавшуюся ожесточенную борьбу с турками, крымскими татарами, ногайцами. Пополняясь за счет самых активных, легких на подъем людей, казачество концентрировало в себе большую жизненную энергию. Казаки в XVII веке были равны между собой в правах, не имели существенных социальных различий. Это было братство сильных и отчаянных мужчин. Имея добровольное, мобильное, хорошо обученное, яростное в бою казачье войско, Россия получала немалые преимущества в военно-политическом противостоянии с воинственными соседями. На Западе явления, подобного казачеству, не было.

В XVII веке казаки, пользуясь вольной жизнью, нередко пускались в рискованные предприятия. Они производили опустошительные набеги на берега Крыма и Турции; в 1637 году донцы, объединившись с запорожцами, взяли мощную турецкую крепость Азов. В 1668 году казачий атаман Степан Разин затеял поход в Персию, желая повторить подвиг Ермака, положившего к ногам царя Сибирское ханство. Но Разин потерпел неудачу. Зная, что придется держать ответ за авантюрную акцию, он поднял брожение, которое удалось

остановить только через три года. Разин выступил под именем «царевича Алексея», т. е. стал самозванцем. Без самозванства, попыток использования атрибутов законности привлечь достаточное количество сторонников в то время было невозможно: в народном сознании были сильны установки, связанные с государственнической идеологией.

8.3. Внешняя политика России в XVII веке

После восстановления государственности Россия еще долго преодолевала внешнеполитические проявления Смуты. В 1614 году шведы осадили Псков, а в 1617–1618 годах королевич Владислав предпринял большой поход на Москву. Русским удалось отбить агрессию, но за мир с соседями пришлось заплатить территориальными уступками: Швеции отошло побережье Финского залива и Карелия; Польша удержала за собой Смоленск и Чернигов.

В 1632 году вспыхнула новая русско-польская война. Целью России в этой войне было возвращение Смоленска и Чернигова. В русской армии было собрано около 70 тыс. воинов – сказывались последствия Смуты, и на большее рассчитывать не приходилось (для сравнения вспомним, что Иван IV водил в походы и 150-тысячную рать). Во время подготовки к боевым действиям против Польши были созданы новые войсковые подразделения, названные «полками иноземного строя» и представлявшие собой регулярные формирования по образцу западноевропейских армий. В этих полках служило немало военных специалистов из числа англичан, шотландцев, немцев, голландцев.

Поначалу русские войска заметно потеснили поляков, но взять Смоленск так и не сумели. В развернувшихся боях ни той, ни другой стороне получить решающего перевеса не удалось. Тем не менее польский король Владислав, наконец, отказался от притязаний на московский престол и признал Михаила Федоровича законным царем. Война закончилась в 1634 году подписанием Поляновского мирного договора, по которому между Россией и Речью Посполитой устанавливался «вечный мир».

С подписанием Поляновского договора глубинные противоречия между Польшей и Московией не были исчерпаны. Это стало особенно понятно, когда обострилась проблема южнорусских земель, где местное украинское и белорусское население по-прежнему подвергалось сильнейшей религиозно-культурной дискриминации. Со временем неприятие народным большинством униатства только усилилось. Борцами за отеческую традицию являлись православные братства в Киеве, Львове, Вильно, Полоцке, Луцке и других городах. При братствах строились типографии, школы, больницы, развивалась широкая просветительская и благотворительная деятельность. Идейными центрами западнорусского православия были Могиланская академия и Киево-Печерский монастырь.

Противостоять польским властям, силой насаждавшим унию, было нелегким делом. О стремлении верхов Речи Посполитой окатоличить жителей Южной Руси писал царю Михаилу киевский митрополит Иов, жалуясь, что навязывание униатских порядков сопровождается «всяческими гонениями», а «король польский обострил меч на православных» [15, с. 47]. Об этом же московскому патриарху Филарету сообщал украинский епископ Исайя Копинский: «Здесь на Украине всюду ереси, всюду неблагочестие, отовсюду гонения, отовсюду нужда, отовсюду беда» [Там же, с. 27–28].

Королевскими указами собственность православной Церкви передавалась католикам и униатам, которые поддержку со стороны властей трактовали как индульгенцию на полную безнаказанность. Православное население Украины стало фактически бесправным. В 1634 году иезуиты дважды совершили вооруженный налет на Луцкий православный братский монастырь, разгромили и разграбили православную школу, госпиталь, множество частных домов. Жители Луцка писали в своей жалобе, что «всех, кто только был русин, без всякого разбирательства саблями, киями, цеглами, камнями побили и помордовали» [Там же, с. 170]. Бесчинства продолжались несколько ночей, когда католические фанатики убивали ни в чем не повинных людей и жгли их дома.

Гонениям были подвергнуты русский язык и русская культура. Сейм Речи Посполитой запретил делопроизводство на русском языке. На все значимые административные посты допускались только католики или униаты. Нарастание религиозной и национально-

культурной дискриминации сопровождалось резким усилением социального гнета. Польские магнаты то за счет королевских пожалований, то с помощью вооруженной силы захватывали украинские земли, становясь владельцами гигантских латифундий. Подражая им, средняя и мелкая польская шляхта забирала себе села и хутора. От присвоения украинских земель не оставалась в стороне и католическая Церковь.

Во многих районах украинские крестьяне лишались земли. Повинности, накладываемые на крестьян панамы, непрерывно росли. Крепостничество на Украине приняло особо жестокие формы. Из документов того времени видно, что степень эксплуатации крестьян была запредельной: феодалы заставляли их «выходить на работу, едва начнет светать, а отпускали только в два часа ночи». Крестьяне не могли выполнять «никакой своей домашней работы – ни пахать, ни жать, ни косить сена» [Там же, с. 115]. Нередко их между выполнением ими работ на барщине «держали в темнице в оковах» [Там же, с. 158]. К середине XVII века размер барщины достигал шести дней в неделю. Отдавая помещикам все, что те захотят, сельчане находились в постоянной нужде и бедности. Польские паны наделяли себя правом распоряжаться крестьянской жизнью и имуществом. За малейшее несогласие крестьяне подвергались грабежу, избиениям, пыткам, за любой намек на сопротивление – смертным казням.

Польские военнoслужашчие вели себя на Украине как завоеватели-окупанты. Притесняло украинских крестьян и ремесленников и польское чиновничество, заставляя их работать на себя. В одном из документов того времени сказано: «Тех, которые отказываются работать, долго мучают тюрьмой, побоями, отнимают у них дома, держат в жестоком заключении, морят голодом, пока они не согласятся работать» [Там же, с. 163].

Бесправными были и городские жители. Так, в Киевском и Брацлавском воеводствах 4/5 всех городов были частновладельческими. Украинские купцы и ремесленники выплачивали панам множество различных податей.

Недовольство местного населения каралось жестоко и беспощадно. В 1637 году польский коронный гетман Станислав Конецпольский в своем универсале призывал шляхту усмирять и аресто-

вывать всех бунтовщиков, требуя при этом: «Если вы не смогли задержать их, то должны карать их жен и детей и дома их уничтожать, ибо лучше, чтоб на тех местах росла крапива, нежели размножались изменники Речи Посполитой» [Там же, с. 179]. Эти установки воплощались на практике.

Польский гнет усиливал тягу украинцев к объединению с единой и единокровной Россией. Московскому правительству из Украины регулярно поступали просьбы о присоединении украинских земель к России. Первым призвал царя Федора Иоанновича взять Украину под свою власть казачий предводитель Кристоф Косинский, возглавивший крупное восстание против Польши в конце XVI века. Затем посольство в Москву с просьбой принять в российское подданство запорожское войско направил гетман Петр Сагайдачный. В 1622 году схожая просьба к царю, касавшаяся всей Малой Руси, прозвучала из уст епископа Исаи Копинского. Два года спустя киевский митрополит Иов Борецкий уговаривал царя Михаила позаботиться о судьбе жителей Южной Руси, внушая ему, что они «единоутробны твоему российскому племени, людям твоей державы и самому твоему царскому величеству» [Там же, с. 47].

Украинцы, подвергавшиеся преследованиям со стороны панов, уходили на российскую территорию, оседая в российском пограничье, названном Слободской Украиной, а также на Дону, в Курске, Воронеже, Белгороде. На протяжении всей первой половины XVII века миграция из Украины в Россию носила массовый характер и по мере усиления польского гнета только возрастала.

Те, кто оставался на родной земле, вынуждены были все чаще и чаще братья за оружие. Восстания следовали сплошной чередой. В 1637 году гетман Павлюк обратился к населению Украины с призывом подняться против «неприятелей народа русского христианского и древней греческой веры» [16, с. 102]. Он хотел перейти в российское подданство, но не успел этого сделать: магнаты подавили восстание с помощью жестокого террора, а сам Павлюк был показательно казнен в Варшаве.

В 1638 году крупное восстание запорожцев возглавил гетман Степан Остранин. Он подписал воззвание, извещая, что идет «с войском на Украину для освобождения православного народа от ярма

порабощения и мучительства тиранского ляховского, для отмщения причиненных обид, разорений и ругательств, нанесенных всему сообществу рода русского, по обеим сторонам Днепра обитающего» [17, с. 140]. Казаки нанесли полякам несколько поражений, но польская армия во главе с Николаем Потоцким разбила казачьи отряды. Острианин с частью запорожцев ушел в пределы Московского царства. Оставшимися руководил помощник Острианина полковник Дмитрий Гуня, два месяца сдерживавший атаки польского войска. Но силы были неравны, и Гуне с товарищами также пришлось уйти в Россию.

К середине XVII века пламя освободительной войны охватило всю Украину. Всюду возникали повстанческие отряды, куда вступали крестьяне, горожане, мелкое дворянство, православные священники. В авангарде борьбы, как и прежде, находились запорожские казаки. Под руководством гетмана Богдана Хмельницкого повстанцы несколько раз разбили польские войска. Хмельницкий понимал, что освобождение Украины от польско-католического ига недостижимо без военной поддержки России. В июне 1648 года он пишет письмо царю Алексею Михайловичу, просит помощи против «безбожных неприятелей, опустошающих нашу землю», а затем заявляет: «Хотим мы в своей земле такого самодержца господаря, яко Ваша царская вельможность православный христианский царь. ...Милости Вашего царского величества покорно отдаем себя» [15, с. 33].

В течение последующих пяти лет гетман подобным образом обращался к царю свыше тридцати раз. Опираясь на этот факт, один из самых авторитетных украинских историков академик П. П. Толочко сделал вывод о том, что в XVII веке украинцы были полны стремления войти в состав России: «Объединение было добровольным, а его инициатива исходила от украинской стороны» [18, с. 196]. П. П. Толочко, безусловно, прав. На это указывает то, что царское правительство довольно долго, вплоть до 1651 года, отклоняло просьбы о присоединении Украины, и это было объяснимо: Россия, с трудом преодолевшая последствия Смуты начала XVII века, не располагала достаточными ресурсами для гарантированной победы над Польшей, война с которой после ухода Украины из-под поль-

ской власти становилась неизбежной. К тому же выступление против Польши означало нарушение Россией условий подписанного в 1634 году Поляновского мира, и Посольский приказ в Москве вполне оправданно опасался негативных дипломатических последствий такого шага.

В 1651 году польская армия нанесла казацкому войску тяжелый удар, поставивший под вопрос жизнь всего украинского населения. К тому времени людские потери на Украине превысили уже 30 процентов, соответственно и казацкое войско сократилось на треть [Там же, с. 178]. Многие области Украины пришли в запустение. Хмельницкий, пытаясь в очередной раз убедить царя в необходимости принять Украину в состав России, отправил в Москву новое посольство. В этот раз царские дипломаты известили послов о готовности царя удовлетворить их просьбу и вступить в войну с Польшей. В октябре 1653 года Земский собор вынес решение о вхождении Восточной Украины в состав России, а царь Алексей Михайлович объявил о вступлении России в войну против Польши.

От имени царя и Земского собора на Украину выехали послы во главе с боярином Василием Бутурлиным. В Переяславле, где находилась гетманская ставка, Бутурлин, выполняя царский наказ, вручил Хмельницкому знаки гетманской власти и заверил, что права украинцев, завоеванные в тяжелой борьбе, будут сохранены. 8 января 1654 года в Переяславле была созвана Генеральная Рада, представлявшая все области Украины и единогласно проголосовавшая за присоединение Украины к России. После Переяславской рады казаки разослали гонцов по всей Украине, чтобы «со всем обществом присягу приняли на вечное подданство его царскому величеству, что по всей Украине весь народ с охотою учинил, и немалая радость меж народа стала» [19, с. 67].

Начавшаяся в 1654 году война с Польшей поначалу была успешной для России, но затем в силу вмешательства Швеции, моровой эпидемии в Московии, серии измен казацкой верхушки ситуация изменилась, и война потребовала от российской казны колоссальных затрат. Истощив силы тяжелой войной, Россия и Польша в 1667 году заключили Андрусовское перемирие, по которому к России отошли Смоленск, Киев, Запорожье, Левобережье Украины.

Украина в составе Российского государства получила автономию. В марте 1654 года украинским послам в Москве была вручена жалованная грамота, сохранявшая права и вольности запорожского войска в виде выборности гетмана, законодательной власти рады, самоуправления, самостоятельных судов. Царское правительство оказывало Украине немалую денежную помощь. Вхождение украинцев в состав Российского государства многократно повысило безопасность и стабильность их жизни. Во второй половине XVII века крестьяне и горожане с правого берега Днепра, с Волыни и Галиции, где продолжался панский гнет, массово переселялись на Левобережье, которое вместе со Слобожанщиной быстро превратилось в густозаселенный край, где развивались различные отрасли хозяйства, налаживалась культурная жизнь. Впервые за долгое время украинцы почувствовали себя свободными людьми, обладающими правом на нормальное существование и самостоятельное историческое творчество.

Потенциал России делал ее притягательным центром для многих народов. Под покровительство России настойчиво просились правители православных Грузии и Молдавии, стремясь избавиться от турецких разорений. Оказывая моральную и дипломатическую поддержку грузинам и молдаванам, Москва тогда еще не была готова к оказанию им прямой военной помощи.

В XVII веке царское правительство разрешило заселить низовья Волги калмыкам, перекочевавшим из Центральной Азии и просившим российского подданства. В Москве рассчитывали использовать их в борьбе против крымских набегов на южные пределы России. Проблема юга оставалась острой на протяжении всего XVII века. Крымское ханство не прекращало опустошительных грабежей русских окраин. В течение первой половины XVII века было захвачено и уведено для продажи в рабство более 150 тыс. русских пленников. Особенно пагубный характер вторжения крымских татар – в силу безнаказанности – носили в период Смуты.

Покончив с польско-шведской интервенцией, Россия серьезно занялась укреплением южной границы. Увеличив гарнизоны на Тульской засечной черте, с 1635 года начали строить новую – Белгородскую – черту. Появились города-укрепления: Козлов, Тамбов, Верх-

ний и Нижний Ломов, был восстановлен Орел, заново построен Ефремов. Основная тяжесть пограничной службы ложилась на казачество.

Военное столкновение России с Крымским ханством назревало. Москва удержалась от войны после взятия казаками Азова, однако столкновение все-таки произошло: крымские татары в союзе с турками вторглись на Украину. В 1677–1681 годах шли боевые действия, где русские войска имели определенный перевес, но нанести решающее поражение турецко-татарской армии в этот период они были еще не в силах.

8.4. Освоение русскими Сибири

Казачи Ермака проложили дорогу на сибирские просторы энергичным и предприимчивым русским людям. В XVII веке русское продвижение в Сибирь было необычайным по темпам и размаху. Это явилось результатом соединенных усилий казаков и государственных служб. Первыми шли маневренные казачьи отряды. Царские воеводы с ратными людьми и строительными артелями представляли вторую волну колонизации.

Сибирь влекла к себе прежде всего неисчислимыми в то время пушными богатствами, в которых были заинтересованы и «торговые люди», и крепнущее государство. Государственные расходы постоянно увеличивались, и нужны были новые пополнения казны. Правительство поощряло заселение Сибири с помощью ссуд и податных льгот. В Москве освоение сибирских земель рассматривалось как задача первостепенной государственной важности.

Состав первых переселенцев был довольно разнообразным. Кроме казачества, служилых людей и промысловиков, в Сибирь «по государеву указу» шли ремесленники и пашенные крестьяне. Заметную часть переселенцев составили ссыльные из числа уголовных преступников и «иноземцы» из числа военнопленных. Переселенческая волна влекла за собой зырян (коми), казанских татар, мари-йцев, мордву, чувашей. Правительство вынуждено было «сквозь

пальцы» смотреть на уход в Сибирь крепостных крестьян, которых она влекла бескрайними вольными просторами. Свой вклад в колонизацию новых земель вносили также монастыри.

При всем разнообразии движущих сил колонизации большинство переселенцев составляли жители северорусских, так называемых черносошных, уездов, где не было боярского и помещичьего землевладения. Природно-климатическая и географическая близость Севера и Сибири облегчала крестьянское продвижение. Северорусские промышленники задолго до Ермака были знакомы с Зауральем, интересовавшим их большими возможностями для развития пушного промысла. В северных городах – Вологде, Великом Устюге, Холмогорах, Каргополе и др. – набирали ратных людей из числа добровольцев для службы в Сибири. Поток вольных переселенцев нарастал и постепенно превысил число тех, кто отправлялся в Сибирь не по своей воле. Именно вольно-народная колонизация в конечном итоге привела к прочному вхождению Сибири в состав Российского государства.

Вольная колонизация тесно переплеталась с правительственной. Добровольные переселенцы собирались под защиту стен строившихся воеводами городов и крепостей, которые ставились как опорные базы для дальнейшего продвижения. Первые укрепления возникли еще в XVI веке и в самом начале XVII века: Тюмень, Тобольск, Пелым, Сургут, Обдорск, Томск, Туруханск, Мангазея. В 1618 году построен Кузнецкий острог, в 1619 году – Енисейский острог. В 1628 году был основан Красноярск, оставшийся главным оплотом России на Верхнем Енисее и в последующее время. В городах и острогах располагались гарнизоны и резиденции местной администрации, они служили центрами обороны и ясачного сбора. Местными сибирскими племенами ясак выплачивался в основном пушниной и почти весь направлялся в государственную казну.

Если в Западной Сибири продвижение проходило в соответствии с определенными правительственными планами, то в Восточной Сибири, в силу ее удаленности от центра, оно становилось более стихийным. Отряды служилых и промышленных людей, опережая друг друга, за короткий срок преодолевали огромные расстояния, находя новые неясачные и богатые соболем земли. Дух

предпринимательства разгорался с новой силой, когда по следам первопроходцев двигались следующие экспедиции, рассчитывающие на большее, по сравнению с их предшественниками. Царская администрация во время походов не сковывала волю служилых. Казаки и стрельцы сами решали многие важные вопросы, касавшиеся целей и маршрутов похода. Воеводы снабжали служилых оружием, боеприпасами, продовольствием, а после завершения походов строили и заселяли новые остроги, организовывали местное управление, ясачный и таможенный сборы, казенную пашню, связь и т. п.

В продвижении от Енисея к Лене и Тихому океану выделялись отряды под руководством промышленников Пенды, Добрынского, Васильева, Ерофея Хабарова, казачьих десятников Василия Бугра и Владимира Атласова, атаманов Перфильева, Василия Галкина, Дмитрия Копылова, воеводского помощника Пояркова. Широкий размах приняло полярное мореходство, позволившее резко расширить масштабы освоения новых земель, проникая туда с севера и востока. Наиболее крупные морские походы возглавляли казаки Михаил Стадухин и Семен Дежнев.

В 1632 году стрелецкий сотник Бекетов основал Якутск. В 1639 году отряд Ивана Москвитина вышел на побережье Тихого океана. Спустя год-два русские попадают на Сахалин и Курилы, установив дружественные контакты с местными айнами. Мирно складывались отношения русских с остяками, вогулами, ненцами, эвенками, коряками, бурятами, якутами. Трения возникли при соприкосновении с енисейскими киргизами. В Приамурье казакам Хабарова пришлось воевать с маньчжурами.

Процесс вхождения сибирских народов в состав Российского государства завершился в течение XVII века. Многие племена приняли российское подданство добровольно. Большую часть тайги и тундры малочисленные русские отряды прошли, не встретив серьезного сопротивления. Местные народы рассчитывали на выгодную торговлю с русскими и на защиту от разорительных вражеских набегов. Еще Семен Дежнев мирил тунгусские племена на р. Оленек, предотвратив войну между ними. Русское продвижение в Сибирь сравнивали с открытием Нового Света, однако при освоении Сибири русскими не было того, чем отличалось заселение Америки испанцами и англичанами: массового уничтожения аборигенов.

С. М. Степняк-Кравчинский считал, что «нет ни одного народа на земном шаре, который столь добросердечно относился бы к чужеземцу, как русские мужики. Они мирно живут бок о бок с сотнями народностей, различных по расе и религии» [20, с. 123]. История ясно свидетельствует о том, что русские переселенцы в Сибири никогда не были проникнуты духом нетерпимости по отношению к автохтонному населению. Оседая на сибирских землях, русские крестьяне располагали свои деревни рядом с селениями аборигенов. Нередко возникали смешанные (русско-вогульские, русско-тунгусские, русско-бурятские и др.) поселения, где шло слияние пришельцев и аборигенов. На Индигирке, Колыме, в Иркутском крае, Забайкалье и других местах вследствие смешения с сибирскими народами сильно менялись и внешний облик, и язык, и быт осевших там русских.

Многое перенимали и аборигены от русских: рубленые избы, орудия труда, одежду, кулинарию, верования, обычаи, лексику. Уже к концу XVII века отдельные местные племена мало чем отличались от обитавших по соседству русских и жили тем опрятнее и зажиточнее, чем ближе к ним находились. Многие сибирские народы со временем частично обрусели (шорцы, алтайцы, манси, буряты, камчадалы), а некоторые ассимилировались в составе русского этноса: енисейцы в районе Туруханска, теленгеты на Алтае, чуванцы и ламуты на Камчатке, карагасы в районе Томска, гольды на Амуре и др.

8.5. Церковный раскол

XVII век стал временем крупных перемен в культурной жизни России. На протяжении всего столетия росла грамотность населения, чему способствовал перевод книгопечатания с дорогого пергамента на более доступную бумагу. Невиданным для тогдашней Европы тиражом было издано Соборное Уложение. Печатались буквари, азбуки, грамматики, другая учебная литература. Сохранялись и рукописные традиции. В Посольском приказе с 1621 года составлялись «Куранты» – первая газета в виде рукописных сводок

о событиях в мире. Рукописная литература продолжала преобладать на Севере и в Сибири.

Были написаны сотни сочинений. Выходили книги, содержавшие различные научно-практические сведения. Шло накопление естественно-научных знаний, выпускались пособия по математике, химии, медицине, астрономии, географии, сельскому хозяйству. Усилился интерес к истории: события начала века – Смута, утверждение во главе государства новой династии – требовали осмысления. Появились многочисленные исторические повести, где представленный материал служил извлечению уроков на будущее.

Немало новых тенденций проникло в литературу: появились вымышленные персонажи и сюжеты, стали распространяться сатирические сочинения, произведения философского плана. Новым явлением в литературе стало стихосложение. В это время усилились процессы оформления общего великорусского языка и стирания диалектных различий в нем.

Некоторые новые веяния проявились в зодчестве: проникновение «мирских» мотивов в строительство храмов, распространение архитектурного стиля «московское барокко»; в живописи: появление элементов психологизма в изображении святых; в прикладном искусстве, в музыке. При дворе Алексея Михайловича появился театр.

В XVII веке Россия установила постоянное общение с Западной Европой, завязала с ней весьма тесные торговые и дипломатические отношения, использовала европейские достижения в науке, технике, культуре. До определенной поры это было именно общением, взаимной связью, о бездумной подражательности речи не шло. Россия развивалась вполне самостоятельно, усвоение западноевропейского опыта происходило естественным путем, без крайностей, в рамках спокойного внимания к чужим достижениям.

Русь никогда не страдала болезнью национальной замкнутости. До середины XV века происходил интенсивный культурный обмен между русскими и греками, болгарами, сербами. У восточных и южных славян существовали единая литература, письменность, литературный (церковнославянский) язык, которым, кстати, пользовались также молдаване и валахи. Западноевропейское влияние

проникало на Русь через своеобразный «фильтр» византийской культуры. Во второй половине XV века в результате османской агрессии Византия пала, южные славяне потеряли государственную независимость и полноту религиозной свободы. Условия культурного обмена России с внешним миром существенно изменились.

Хозяйственная стабилизация в России, развитие товарно-денежных отношений, интенсивное складывание общероссийского рынка на протяжении всего XVII века – все это объективно требовало обращения к техническим достижениям Запада. Правительство Михаила Романова не делало проблемы из заимствования европейского технологического и экономического опыта. При этом русская духовная культура оберегалась от западнохристианских воздействий. Слишком свежи были в памяти людей события Смутного времени и роль в них иностранцев. Политические и экономические решения принимались с учетом реальных возможностей страны, и ее развитие не стояло на месте: были достигнуты немалые успехи в военном деле, дипломатии, строительстве дорог и т. д. Положение Московской Руси после Смуты оказывалось во многих отношениях лучше, чем ситуация в Европе. XVII век для Западной Европы – это время кровопролитной Тридцатилетней войны, принесшей народам разорение, голод и вымирание. Наибольший урон был нанесен Германии, где погибло 5 млн человек: шведы сожгли треть немецких городов и большинство деревень.

Из германских княжеств, Голландии, Шотландии и других стран шел поток переселенцев в Россию. Эмигрантов привлекал громадный земельный фонд. Жизнь российского населения в правление первых Романовых становилась размеренной и сравнительно упорядоченной, а богатства лесов, лугов, рек и озер делали ее достаточно сытой. Тогдашняя Москва – златоглавая, с византийской пышностью, бойкой торговлей и веселыми праздниками – поражала воображение европейцев. Многие переселенцы добровольно переходили в православие, брали русские имена.

Часть эмигрантов не хотела рвать с прежними привычками и обычаями. Немецкая слобода на р. Яузе под Москвой стала «уголком Западной Европы в самом сердце Московии». Многие иноземные новинки – театральные представления, балы, наряды, кулинар-

ные блюда – вызывали интерес у русской знати. Вельможи из царского окружения – Нарышкин, Артамон Матвеев, Василий Голицын, Головин – устроили свои дома на «заморский манер», стали носить западное платье и брить бороды. При этом, однако, они оставались патриотами, чуждаясь слепого поклонения западной моде и полного неприятия русской жизни. От них отличались такие яркие западники, как Иван Хворостинин, принявший в Польше католицизм и заявивший, что «в Москве народ глуп» [21, с. 113], и Григорий Котошихин, сбежавший в 1664 году за границу, где написал мрачный антирусский пасквиль.

Начальник Посольского приказа Афанасий Ордин-Нащокин и ближайший советник царя Алексей Ртищев полагали, что в России не мешало бы переделать на западный манер кое-что, но далеко не все. Ордин-Нащокин говорил: «Доброму не стыдно навикать со стороны у чужих», однако стоял за сохранение русской самобытной культуры: «Иноземное платье... не по нас, а наше не по них» [Там же, с. 110]. О необходимости совершенствования российской жизни с учетом не только лучшего в Европе, но и недостатков и пороков, имевшихся в европейской действительности, писал хорват Крижанич, живший в России. Он предостерегал от некритичного перенимания чужих образцов.

Вопросы, касавшиеся соотношения между западным влиянием и национально-культурной самобытностью России, вставали также и перед Церковью. Не отрицая задач восполнения недостатка светской культуры, развития науки и техники, наиболее дальновидные представители православного духовенства призывали к усилению нравственного начала в русском обществе и русском человеке. Они ратовали за такой вариант развития страны, который вел бы ее к достижению политической и экономической мощи при сохранении своеобразия русской духовной культуры. Русский народ ими представлялся хранителем подлинной христианской нравственности, поэтому они протестовали против распространявшихся из Немецкой слободы нравов, нередко переходивших грань дозволенности, выступали против действий правительства, которое содействовало курению табака – «дьявольского зелья», расширяло сеть кабаков, разлагавших традиционную мораль. Церковь

призывала к искоренению пьянства, а кабак представляла «исчадием ада», неким антихрамом и антиобщинной умерших при жизни. «Оне упиваются, а дьявол радуется» [22, с. 103], – писал страстный сторонник традиционных ценностей протопоп Аввакум Петров.

Традиционная нравственность русских людей тесно связывалась с их религиозностью, которая в то время не имела ничего общего с фанатизмом или начетничеством. Религия для православных верующих тогда являлась не столько обрядом, сколько высокой нравственной дисциплиной. Их главное стремление выливалось в спасение души, для чего им и нужны были христианские заповеди. Православная мораль не сводилась к отвлеченным правилам, а направлялась на ясное понимание житейского смысла нравственно-этических норм: человеколюбия, благочестия, великодушия и т. п. К тому времени религиозные установки прочно впитались в русский быт. Религиозно-нравственное подвижничество русских поражало приезжавших в Россию иностранцев.

Русская церковь в это время стремилась влиять на все стороны общественной жизни. Духовенство в России не было замкнутой кастой, пополнялось за счет наиболее образованных и уважаемых мирян. Монашество представляло все слои народа – от князей до бездомных. Воздействие царской власти на Церковь не было односторонним: для Церкви царь был только самым высокопоставленным из мирян, для которого требования христианской этики обязательны в первую очередь.

Смута принесла в настроения духовенства и монахов элементы ратоборства, поскольку многим монастырям пришлось выступать в качестве крепостей и держать оборону против захватчиков. В представлениях русских священников Смута связывалась с идеологической экспансией папства и интригами иезуитов. Дух воинственности сохранился и после Смуты, проявляясь в непримиримости к проникновению неправославных вероучений. В первые десятилетия после Смуты эти настроения поддерживались и царской администрацией, на которую Церковь оказывала заметное влияние. Достаточно сказать, что с 1619 по 1633 год патриархом был Филарет – отец царя Михаила, определявший мысли и поступки сына и потому ставший фактическим правителем страны. Цер-

ковь поставила свою проповедь на службу государственному и национальному единству, формировала державную идеологию, подерживала концепцию «Москва – третий Рим», согласно которой Москва объявлялась центром вселенского православия и защитницей всех православных народов.

С середины XVII столетия в духовно-религиозной жизни русского общества усилилось светское влияние; споры между традиционалистами и поклонниками новшеств захватили и церковный клир. В немалой степени это связывалось с притоком в Россию украинского духовенства и греческих ученых монахов.

На Украине была развита широкая сеть православных школ. Еще до воссоединения с Россией Украина стала поставлять сюда кадры образованного духовенства. Многие выходцы из Украины заняли высокое положение в московской церковной иерархии.

Пополнение православного клира киевлянами имело для Русской церкви сложные идеологические последствия. С одной стороны, на Украине в условиях господства католической Речи Посполитой росло стремление сохранить православие, проявлялись антикатолические настроения. С другой стороны, Украина оставалась в юрисдикции Константинопольского патриархата. Там закрепились изменения в обрядах, проведенные по новогреческим образцам, хотя, к примеру, двуперстие среди украинцев удерживалось вплоть до XVII века. В глазах москвитов эти изменения являлись отходом от «истинного» православия.

В 1652 году патриархом Русской церкви стал Никон – выходец из мордовской глубинки, в миру именовавшийся Никитой Миновым. Он вытребовал для себя титул «Великого государя», заявляя о необходимости решающего значения его голоса в любом государственном деле. В следующем году была проведена церковно-обрядовая реформа. Вместо старовизантийской вводилась новогреческая обрядность: двуперстие заменялось троеперстием, символом культа был объявлен четырехконечный крест вместо восьмиконечного и т. п. Никон объявил об исправлении старославянских церковных текстов в соответствии с новогреческой редакцией.

Исправлением церковных книг занялись выходцы из Украины, что вело к вытеснению московских образцов древнерусского языка

киевскими образцами. Украинское влияние нарастало также в иконописи и литургии.

Никоновская реформа по времени совпала с присоединением к Московскому государству Левобережной Украины, и это совпадение, конечно, не было случайностью. Помимо государственно-политического смысла, тема воссоединения русских земель имела и религиозную окраску, о чем Богдан Хмельницкий не преминул напомнить на Переяславской Раде: «Единое есть мы тело церкви с православием Великой России» [23, с. 111]. Пафос Богдана был всем понятен, но в реалиях российская и украинская церкви в тот момент вовсе не являлись единым структурным организмом: в России Церковь подчинялась собственной патриархии, тогда как православные приходы Южной Руси находились в юрисдикции Константинопольского патриархата, что и определило обрядовые различия в церковной жизни Московии и Украины.

Отказ Никона от старорусской обрядности в пользу греческой объяснялся его желанием увеличить в глазах украинцев привлекательность соединения с Россией. При этом патриарха интересовало мнение не столько рядовых украинцев, сколько украинских иереев, которым не хотелось уходить из подчинения Константинопольскому патриархату. Они ощущали это подчинение как необременительную формальность и опасались, что переход под контроль Москвы будет сопровождаться усилением уставной дисциплины. Этот настрой украинских клириков патриарх взялся нейтрализовать за счет максимальной лояльности к ним. Внедряя среди московитов обрядовые «новины», он опирался на влиятельную прослойку выходцев с Украины. Еще до того, как Никон был избран патриархом, в Москве обосновались образованные киевские монахи, выпускники Киевской Могиянской духовной коллегии Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский, Феодосий Сафонович, Дамаскин Птицкий. Еще один воспитанник Могиянской коллегии Симеон Полоцкий прибыл в Москву уже после начала никоновской реформы и сделался ближайшим сотрудником царя Алексея.

Политико-дипломатический подтекст церковной реформы ни от кого не скрывался, но она проводилась поспешно, без должной подготовки массового сознания и вызвала первый серьезный рас-

кол Русской церкви. Боровшаяся в годы раздробленности и в Смутное время за государственную и народную консолидацию Церковь на этот раз сама оказалась расколотой, что неизбежно роняло ее авторитет в народе.

Раскол произошел из-за внешней атрибутики, но принял формы крайнего противостояния, затронув и мировоззренческие факторы. Некоторые русские историки, в том числе С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, изображали раскол как конфликт, коснувшийся только сферы обрядности, а С. Ф. Платонов считал, что этот взгляд не отражает всей глубины раскола, ставшего тяжелым испытанием для народного самосознания.

Наиболее влиятельными из церковных традиционалистов были Иван Неронов, Аввакум Петров, Стефан Вонифатьев (имевший возможность стать патриархом вместо Никона, но отказавшийся от выдвижения своей кандидатуры), Андрей Денисов, Спиридон Потемкин. Это были даровитые и умные люди, далекие от религиозного фанатизма. К примеру, Потемкин знал пять иностранных языков, Аввакум был талантливым писателем, новатором по стилю и принципам литературного изображения. Интересно, что первые импульсы реформирования пошли именно из этой группировки, к которой, кстати, в 1645–1652 годах принадлежал и Никон. Вопрос об исправлении накопившихся за века ошибок в богослужебных текстах впервые был поставлен в стенах Троице-Сергиевой лавры.

После того как дело переписки книг оказалось в руках у приезжих, сторонники старины выступили под флагом «хранителей древнего благочестия». Сказалась приобретенная в Смутное время непримиримость к любому покушению на старорусскую православную традицию. Исправление церковных текстов по греческим образцам вольно или невольно ставило под сомнение канон русских православных святых. Реформа Никона зачеркивала решения Стоглавого собора 1551 года, закрепившего приверженность «старине», бросала тень на традицию школы Сергия Радонежского, делавшей акцент на особый характер русского православия, его отличие от византийского. С точки зрения исторических фактов, правы были Аввакум и его товарищи: не русские, а греки отступили от традиций первых христиан, пересмотрев в XII веке обрядовые нормы.

Войдя в унию с католичеством в 1439 году, греки, по мнению русских, потеряли право на первенство в православном мире. Еще Иван Грозный выразил общую для русских позицию: «Греки нам не Евангелие. У нас не греческая, а русская вера» [21, с. 38]. Благочестие греков на Руси ставилось под большое сомнение. Что касается исправления священных книг, то у греков ошибок и погрешностей встречалось не меньше, чем у русских.

Никон после отстранения московских правщиков священных текстов пригласил не только киевлян, но и иностранцев, среди которых выделялись Паисий Лигарид и Арсений Грек. Показательно, что Арсений Грек трижды менял вероисповедание, одно время был даже мусульманином, а Лигарида Константинопольский патриарх за симпатии к католичеству отлучил от православной Церкви.

Никону удалось привлечь на свою сторону и некоторых епископов Русской церкви, в силу конформизма и нежелания терять должности не рискнувших пойти на конфликт с патриархом, выступавшим в политической связке с царем. Те, кто отваживался на такой конфликт, подвергались карам.

Полемика между староверами и никонианами вылилась в настоящую идеологическую войну. Аввакум и его соратники старались действовать силой логики. Их противники, бывало, прибегали к прямым подлогам (каким было, к примеру, пресловутое «Соборное деяние на еретика Мартина»). Возможность компромисса была мизерной – столь сильный накал приобрела полемика. Победу никонианам фактически гарантировала стоявшая за ними государственная власть. Царь Алексей, несмотря на истовую религиозность, не препятствовал Никону в сломе прежнего церковного уклада. Старообрядцы восприняли Алексея как вероотступника, что подтверждает характеристика, данная царю протопопом Аввакумом: «Отеческое откиня, странное противоборство возлюбилша, извратишася» [24, с. 539]. Людям было непонятно, чем оказался плох привычный уклад, освященный временем. Отказ от прежних обрядов переживался ими как национальная и личная катастрофа.

Реформаторы не утруждали себя подбором стройной аргументации для доказательства правильности своих идей. Один из главных идеологов реформирования Симеон Полоцкий, а с ним его уче-

ники Сильвестр Медведев и Карион Истомин объявили духовный багаж Руси не имеющим особой ценности. Русская культура объявлялась отсталой. Отрицались все привычные идеи и обиходные аксиомы, в незыблемости которых было уверено абсолютное большинство русского населения. Старые книги и иконы у старообрядцев изымались силой и сжигались. О чрезмерно жестких методах внедрения «новин» свидетельствовала «Повесть об осаде Соловецкого монастыря», обвинявшая Никона: «Непокорившихся же узам, темницами, ранами и заточеньями озлобив, горчайшими смертями жития лишил» [25, с. 160]. Вождь старообрядцев Аввакум Петров возмущался: «Чудо, как в познание не хотят прийти: огнем, да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! Которые-то апостолы научили так? Не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить, еже бы огнем да кнутом, да виселицею в веру приводить. ...Волею зовет Христос» [26, с. 187–188]. Пренебрежение к духовной свободе верующих стало главным недостатком в проведении реформы.

Русская историческая мысль уделяла немало внимания вопросу о методах проведения различных преобразований. Так, в трактате «О причинах гибели царств», написанном в начале XVII века, говорилось: «Изменение древних и старых обычаев ведет к переменам в государстве. А если уже нужно изменить какой-либо из обычаев страны, то следует делать это не наспех, а постепенно, чтобы от неожиданных перемен не смутились сердца подданных и чтобы вслед за тем не пришло в смятение государство, ибо всякое новое несет государству больше потерь, чем прибыли» [27, с. 471]. Реформаторы не вняли предупреждению предшественников, не учли исторический опыт.

Конфликт внутри Русской церкви касался не только внешней атрибутики, не сводился лишь к «прениям о ритуалах». Если бы его причины ограничивались обрядовыми спорами, то вряд ли бы он вылился в непримиримое противостояние и в раскол Церкви. Суть разгоревшейся полемики точно выразил историк А. М. Панченко: «Это был историософский спор – спор об историческом идеале, исторической дистанции, о соотношении духа и интеллекта, человека и времени, о вечности и бренности, о прошлом, настоя-

щем и будущем» [28, с. 40–41]. Похожую мысль высказал церковный историк протоиерей А. Д. Шмеман: «Раскол приобрел всю свою трагическую глубину, как спор об истории, и особенно о смысле в ней русского православия, о судьбах христианского царства» [29, с. 376].

Остроту раскола определяли мировоззренческие мотивы. Тема обрядности выполняла лишь роль удобного инструмента в споре: для большинства верующих обряды не были самоцелью, фетишем. На Руси обрядовые нормы изменялись не один раз. Так, в середине XVI века псковичи, применявшие троеперстие, после специального решения Стоглавого собора без проблем и потрясений перешли к двуперстию. Показательно, что Константинопольский патриарх Паисий писал Никону, что обряды не имеют существенного значения: главное – не допускать искажений в области вероучения, а обряды можно и не исправлять. Сам Никон в момент моральной усталости от неудач на поприще реформирования, не скрывая своего равнодушия, говорил, что старые и новые книги одинаково «добры – все де равно, по коим хочешь, по тем и служишь» [30, с. 312].

В центре споров оказались не обряды как таковые, а их взаимосвязь с традициями, с опытом предыдущих поколений. В конфликте «новаторского» проекта и «древлеправославного» наследия столкнулись разные образы «идеала будущего» и «идеала прошлого». «Ревнителю старины» под «идеалом прошлого» понимали опыт, проверенный конкретной практикой и на конкретной почве. Большинство из тех, кто поддержал никоновские нововведения, проповедовало разрыв с прошлым. Умонастроения этих людей выразил Феофан Прокопович, выступивший идеологом церковных реформ уже при Петре I: «Чем мы прежде хвалились, того ныне стыдимся» [31, с. 135].

Сторонниками новаторства прошлое стало ощущаться отжившим, мертвым, ненужным. Историю они отождествляли только с поступательным развитием, понимаемым лишь как преодоление прошлого. Идея свободной состязательности нового и старого отбрасывалась. Всю предшествующую русскую историю «новаторы» подвергли суровой «ревизии». Проект будущего приобрел значительно больший вес, чем исторический опыт, неровный, противоречивый, но при этом реальный.

Новообрядцы, по словам А. М. Панченко, «ощущали себя обладателями истины и творцами истории», отрицая «почти все, что было создано за семь столетий, протекших со времен Владимира Святого <...> Цель этого отрицания – не эволюция, но забвение, всеобщая замена. В глазах “новых учителей” русская культура – “плохая” культура, строить ее нужно заново, как на пустом месте» [28, с. 35].

Сторонники «новин» отказались от сакрализации истории, предъявили права на нее, захотели стать ее хозяевами. Если для старообрядцев история была «вечностью в настоящем», то для «новаторов» она стала набором фактов, легко поддающихся произвольному комбинированию и использованию для текущих нужд. Критерием в строительстве русской культуры «с чистого листа», по логике «новаторов», должны были стать образцы и шаблоны, заимствованные извне.

Старообрядцы же, отождествляя культуру с традициями, понимали ее не как некий набор количественных достижений, а как комплекс вечных идей и идеалов, которые никогда не теряют актуальности. Старообрядцы не хотели порывать с традициями, торопить и подгонять историю, они были духовно «растворены» в ней, а потому недоумевали: зачем надо отказываться от привычного, ставшего родным жизненного уклада? Протопоп Аввакум в своем «Житии» с горечью писал: «Русь, чего-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев!» [26, с. 136].

«Новины» вводились с позиций пренебрежения к мнению большинства. Когда Никон отдал единоличное, не подкрепленное решением церковного собора распоряжение об изменении прежних обрядовых норм, это вызвало волнения среди верующих. Беспокойство людей порождалось не столько «ревностью к обряду», сколько протестом против попрания соборных правил. До раскола демократизм был органически присущ церковной жизни на Руси. Наглядным примером отсутствия непреходимой черты между низами и верхами Русской церкви был сам патриарх Никон – выходец из мордовского крестьянства.

Совершенно иной являлась практика, закрепившаяся в католической Польше, где высшее духовенство формировалось только за счет аристократического сословия – магнатов и шляхты.

В 1648–1668 годах Польшей правил Ян-Казимир, который перед тем, как стать королем, являлся католическим кардиналом. Польскому мещанству, а тем более крестьянству доступ в высший клир был закрыт. «Польский фактор» в неявной форме проявился в событиях, связанных с церковным расколом. Одной из его предпосылок стал приток в Московию переселенцев из той части Руси, которая находилась под властью Польши. Среди массы простого люда, бежавшего от религиозной и социальной дискриминации, оказывались клирики и дворяне, представлявшие русскую культуру, подвергнушая частичной полонизации, воздействию шляхетских поведенческих стереотипов, проникнутых повышенным беспокойством о личном статусе в обществе и чуждых соборному началу. Это означало, что ментальные установки приезжих порой не совпадали с традициями и интересами основной массы местного населения.

Киевляне проводили мнение, что образование на Украине поставлено лучше, чем в Московии, а потому западнорусская культура должна быть принята россиянами в качестве образца. Ментальный и религиозный опыт выходцев с территории, находившейся под властью Польши, был неоднозначным. С одной стороны, борясь с унией, православные Южной Руси приобрели немалые организационные навыки, наладив во всех крупных городах деятельность братских кружков, являвшихся литературными и богословскими центрами, при которых работали школы и типографии, издавались книги. С другой стороны, стремясь овладеть полемическим арсеналом, защитники православия обращались к латинским книгам, постепенно подчиняя православную традицию католической схоластике. Дело дошло до того, что в духовных училищах, считавшихся православными, преподавали выпускники иезуитских коллегий по иезуитским программам.

«Культуртрегерство» киевлян, видевших себя миссионерами, призванными «исправить московскую веру», вносило в российское православие западнохристианские влияния. Первые богословские школы в Москве открывались по киевскому образцу, и в них распространялись католические и протестантские стереотипы. Православие оказалось в мировоззренческом «плену» у западного христианства. Изменился сам строй церковной жизни, когда на смену традиционной православной духовности с ее идеей богочелове-

чества пришел латинизированный теократизм, склонный больше судить, чем миловать, как это проявилось в решениях Собора 1667 года: «...аще же кто не послушает, хотя во едином чесом повелеваемых от нас, или начнет прекословити, мы таковых накажем духовно; аще же и духовное наказание наше начнут презирати, мы таковым приложим и телесные озлобления» [32, с. 143].

Уверенность в своей особой миссии не давала никоновскому окружению считаться с настроениями основной массы верующих. До раскола аксиома «Глас народа – глас божий» была общепринятой и ни у кого не вызывала сомнений. Адепты западной моды эту аксиому вывернули наизнанку. Например, Симеон Полоцкий в стихе, так и названном – «Глас народа», декламировал: «Что на самом деле от правды далеко бывает, то гласу народа мудрый муж причитает. Если же что-то народ начинает хвалить, то, конечно, достойно хулимым быть» [28, с. 40]. Карион Истомин насмешничал по поводу «гласа народа»: «Мужик верещит» [Там же, с. 41].

Вера простых людей держалась на представлениях, что «спасение души» открыто для всех в равной мере. Элитаризму реформаторов традиционалисты противопоставили идею равенства всех перед нравственными законами – «от царя до псаря». Вождь старообрядчества Аввакум проповедовал: «ныне же равны вси здесь на земли... Да одинако нам Бог распростер небо, еще же луна и солнце всем сияют равно, чтобы друг друга любя жили, яко в едином дому» [33, с. 216]. Несмотря на свой огромный авторитет среди последователей, Аввакум не признавал формальной иерархии: «Никого не боюся – ни царя, ни князя, ни богата, ни сильна, ни дьявола самого!» [Там же, с. 320]. У оппонентов Аввакума иерархизм напрямую смыкался с элитарной «избранностью».

Если Аввакум в отстаивании своего понимания правды не боялся обличать самого царя, то Симеон посвящал венценосцу вирши, в которых воспевал его, не скрывая, впрочем, своего отношения к нему, как к источнику собственных благ: «Всех нас, яко солнце, царь наш согревает, блюдет, освещает, яко отец питает» [34, с. 390]. Аввакум иронизировал над таким славословием, говоря, что Алексей Михайлович «чается и мнится, будто и впрямь таков, святее его нет!» [33, с. 465].

Никоновская реформа расколола не только Русскую церковь, но и систему жизненных ценностей, долгое время исправно служившую русскому обществу. Сторонники и противники реформы, пользуясь одинаковыми понятиями и формулировками, наполняли их различными смыслами. В первую очередь, это касалось концепции «Москва – третий Рим».

Старообрядцы, отождествляя православие с «древним благочестием» и с «учением о правде», воспринимали его как отражение русской национальной идентичности. Их патриотизм имел сильную сакральную подпитку, связываясь с убеждением, что чистота православия сохранилась лишь в России и что понятия «русский» и «православный» являются тождественными. В концепции «Москва – третий Рим» они находили особое историческое задание: так выстраивать личную и общественную жизнь, чтобы сполна воплотить в ней христианские идеалы. Невыполнение этого задания уравнивалось с победой мирового зла, вступлением в эру исторической безнадежности, ведь «четвертому Риму не быть». Праведность была главным условием продолжения земной истории, фактором, сдерживающим эсхатологический провал. Взяв обет верности святоотеческим традициям, старообрядцы искренне возмущались предъявленным им обвинениям в раскольниках. В челобитной царю Алексею протопоп Аввакум писал: «Если мы раскольники и еретики, то таковы суть и все святые отцы наши, и прежние благочестивые цари, и святейшие патриархи» [35, с. 531].

Обращение Никона к греческим образцам старообрядцы восприняли как потворство отступникам от истинной веры. Греки, по их мнению, войдя в унию с католиками в 1439 году, изменили православию и тем обрекли себя находиться на задворках истории. Аввакум писал царю Алексею: «О греческих властях и вере их нынешней сам ты ведаешь, что у них иссякло благочестие» [Там же, с. 536]. Для Аввакума и его сподвижников православная вера выражала полноту национального бытия. Они усматривали в реформе Никона ущемление русского патриотизма и денационализацию Русской церкви в угоду латинству.

По-боевому защищая «древнее благочестие», старообрядцы вольно или невольно подчинили себя «межпартийной» борьбе. Критика Никона с их стороны была во многом оправдана, но обви-

нять его в «прельщении латинством» было полемическим перехлестом. Действия патриарха, связанные с конкретными политическими целями, не имели отношения к униатским идеям. К тому же патриарх довольно быстро понял, что ссылки на целесообразность уступок православным Украины в восприятии россиян малоубедительны и не могут в достаточной мере оправдать его реформу. Тогда он заговорил о православном единстве, о том, что все поместные церкви нужно «собрать в единое нечто». Патриарх стал ориентироваться не столько на греческое, сколько на вселенское православие, по отношению к которому православие и московитов, и украинцев, и греков являлось только местной разновидностью, версией, вариантом. Никон не ставил под сомнение традиционное благочестие, но он хотел придать ему программное значение для всего православного мира. Интересы вселенского православия патриарх возвысил над интересами Русской церкви, считая, что защита православия требует от нее совместных и согласованных с другими поместными церквами усилий.

Подчеркивая масштаб своих намерений, Никон воздвиг монументальный Ново-Иерусалимский монастырь и поставил там троны для патриархов всех действовавших в то время поместных церквей. На место «третьего Рима» выдвигался «новый Иерусалим». В эту идею вносился заряд теократизма: «Иерусалим», по мысли патриарха, символизировал духовную власть, тогда как «Рим» и у Никона, и в массовом сознании устойчиво ассоциировался с императорской властью. Стержнем концепции «нового Иерусалима» стал тезис о преимуществе «священства» над «царством», церковной власти над светской. Никон вытребовал для себя титул Великого государя, заявив о решающем значении своего голоса при обсуждении важных государственных дел. Он отошел от старовизантийского идеала «симфонии» властей, утверждавшего равное значение царя и патриарха. Идея Никона о приоритете «священства» над «царством» подрывала равновесие между духовной и светской властями, вносила импульс конкуренции между ними. Царя и его окружение эта идея не могла не раздражать. Союзничество царя и патриарха сменилось конфликтом, в результате которого Никон лишился патриаршего сана.

Реальные результаты полемики о соотношении «священства» и «царства» оказались обратными тому, на что рассчитывал патриарх. Соборы иерархов в 1666 и 1667 годах отвергли тезис Никона о приоритете «священства». Защищаясь от обвинений в папощезаризме, Никон прибег к доводам, используемым старообрядцами в полемике против него самого. Опальный патриарх отказался принять греческие церковные нормы и заявил, что «греческие правила не прямые, печатали их еретики» [36, с. 335]. Парадоксальным было и то, что участники соборов 1666 и 1667 годов осудили Никона, также прибегнув к старообрядческой лексике и приравняв никонианство к «папешской ереси»: «Те никонствуют и папствуют, кто покушается уничтожить царство и поднять на высоту священство» [Там же, с. 229].

Стремление Никона поднять «священство» над «царством» отражало не симпатии к католицизму, а, напротив, неприязнь к нему: Никон хотел усиления вселенского православия для того, чтобы оно могло успешно соперничать с католицизмом. Ошибкой Никона стало то, что он развел цели реформы и средства их осуществления. Возникло противоречие: цель определялась принципом всеединства, но средства ее достижения разрывали уже имевшийся вариант единства. Средства вели к таким нравственным потерям, которые во многом обесценивали цель. Борьба за истину у Никона подчинила саму истину, поэтому ему и не удалось выстроить сбалансированную тактическую линию.

Следствием никоновской реформы стало поражение сторонников «старой веры». Однако и Никона нельзя отнести к победителям. После его отстранения от патриаршества события развивались совсем не так, как он хотел, а результаты его реформы оказались совсем не такими, на какие он рассчитывал. Никон не хотел, чтобы Русская церковь потеряла свой авторитет в обществе и прочные позиции в отношениях с государством. Не хотел он и ущемления международного статуса русского православия. Но уже церковный собор 1667 года, на котором 14 епископов из 30 были представителями восточных поместных церквей, поставил этот статус под большое сомнение. Восточные иерархи повели себя как строгие судьи, называя старорусскую обрядность «несмысленным мудрованием». Вместе с киевлянами они отменили решения Стогла-

вого собора 1551 года, проведенного по инициативе митрополита Макария и Ивана IV: «И тот собор не в собор, и клятву не в клятву, и ни во что вменяем, якоже и не бысть, зане тот Макарий-митрополит и иже с ним мудроваша невежеством своим безрассудно» [37, с. 66–67]. Многих россиян поразило бесцеремонное обращение с русской церковной историей со стороны гостей, принятых в Москве со всеми почестями.

Государство преследовало старообрядцев. Репрессии против них расширились после смерти Алексея, в царствование Федора Алексеевича и царевны Софьи. В 1681 году было запрещено любое распространение древних книг и сочинений старообрядцев. В 1682 году по приказу царя Федора был сожжен вождь раскола Аввакум. При Софье был издан закон, окончательно запретивший любую деятельность раскольников. Они отвечали на репрессии акциями массового самоожжения, когда люди горели целыми родами и общинами.

После реформы история для многих старообрядцев потеряла смысл, стала безблагодатной. Падение «древлего благочестия» они отождествляли с победой всего самого низкого и аморального, поэтому рвали связи с миром, уходили в недоступные, глухие места. Настроения некоторых из них переходили в отчаяние, в апокалиптический надрыв, в «огненные крещения», отражавшие всю глубину брезгливости к Антихристу с его «кабалой и мучительством». Добровольный уход из земной жизни противоречил жизнеутверждающему духу православия, означал отвержение полноты бытия. Многих старообрядцев проповедь такого ухода приводила в ужас, но были и те, кто принимал ее как указание к действию. Ощущение «конца времен» было присуще и вождям старообрядцев, не осудившим самоожжений.

После раскола старообрядцам было трудно преодолевать трагические и нерадостные чувства, беспрепятственно верить в истину, добро и красоту, в то, что благодать не покинула мир. Но часть старообрядцев, в основном из тех, кто не отверг попование, сумела сохранить оптимизм, веря, что зло не одержало окончательной победы. В другой части староверов раскол привел к усилению апокалиптических настроений, ощущению трагизма земной жизни, унынию и пессимизму. Их религиозное чувство уклонялось в ри-

горизм, однообразное повторение одних и тех же формул. Некоторых из них пессимизм толкал к сектантству, тогда как до раскола сект на Руси не было. Религиозность сектантов сводилась к ожиданию «конца света», отказу от семьи и брака, бесплодным фантазиям, крайним формам аскетизма.

Оставшиеся старообрядцы внесли своеобразную струю в русскую духовно-культурную мысль, многое сделали для сохранения старины. Долгое время они оставались более грамотными, чем никониане. Старообрядчество продолжило древнерусскую духовную традицию, предписывающую постоянный поиск истины и высокий нравственный тонус. Раскол ударил по этой традиции, когда после падения престижа официальной Церкви светская власть установила контроль над системой образования. Наметилась подмена главных целей образования: вместо человека – носителя высших духовных начал – стали готовить человека, выполняющего узкий круг функций.

До никоновской реформы Церковь была консолидирующим фактором. Раскол подорвал авторитет Церкви, что послужило главной предпосылкой для подчинения ее государством, когда Петр I заменил патриаршество синодальной системой с ее казенным духом. Административный произвол при проведении реформы вел к деформации религиозных чувств в народе. Те, кто принимал нововведения, делали это зачастую вынужденно, а конформизм не способствовал сохранению чистоты веры.

Раскол нес Руси много негативных последствий, однако сопровождавшие его эксцессы не вылились в крупномасштабную религиозную войну, подобную тем, что сотрясали Европу в XVI–XVII веках. Раскол стал глубокой раной на органичной ткани русской жизни, но в последующее время эта ткань постепенно заживлялась. Хотя историософия «новаторов» победила, но традиционализм вовсе не канул в небытие. Он не мог бесследно исчезнуть: генетическая связь народного сознания с эпохой Московской Руси держалась в архетипах мышления и поведения, многочисленных деталях повседневного быта. На низовом уровне наблюдались переходы из новообрядцев в старообрядцы и наоборот, разные типы религиозности соприкасались, взаимопроникая друг в друга, переживая качественную эволюцию.

Библиографические ссылки

1. Малая советская энциклопедия : в 10 т. М. : Совет. Энциклопедия, 1930. Т. 8.
2. *Кобрин В. Б.* Смутное время – утраченные возможности // История Отечества : люди, идеи, решения : очерки истории России IX – начала XX в. / сост. С. В. МIRONENKO. М. : Политиздат, 1991.
3. Повесть о честном житии царя и великого князя всея Руси Федора Ивановича // Полное собрание русских летописей. СПб. : Археогр. комиссия, 1910. Т. 14, ч. 1.
4. *Чигринов П. Г.* Очерки истории Беларуси. Минск : Высш. шк., 2000.
5. Иное сказание // Смута в Московском государстве : Россия начала XVII столетия в записках современников / сост. А. И. Плигузов, И. А. Тихонюк. М. : Современник, 1989.
6. *Палицын А.* Сказание. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955.
7. *Тимофеев И.* Временник. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951.
8. Из Степенной книги // Красноречие Древней Руси, XI–XVII вв. : сб. лит. произв. / сост. Т. В. Черторицкая. М. : Совет. Россия, 1987.
9. Новая повесть о преславном Российском царстве // Памятники литературы Древней Руси, конец XVI – начало XVII века / сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. М. : Худож. лит., 1987.
10. Новый летописец // Полное собрание русских летописей. СПб. : Археогр. комиссия, 1910. Т. 14, ч. 1.
11. Писание о преставлении и погребении Михаила Шуйского, рекомого Скопина // Русское историческое повествование XVI–XVII вв. / сост. Ю. А. Лабынцев. М. : Совет. Россия, 1984.
12. *Карташев А. В.* Воссоздание Святой Руси. Минск : Изд-во Белорус. Экзархата Моск. Патриархии, 2011.
13. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен : в 15 кн. М. : АСТ, 2001. Кн. 4, т. 8.
14. *Забелин И. Е.* Минин и Пожарский. М. : Рус. симфония, 2005.
15. Воссоединение Украины с Россией : материалы и документы : в 3 т. / под ред. П. П. Гудзенко, А. К. Касименко и др. М. : Изд-во АН СССР, 1953. Т. 1.
16. Славянская энциклопедия, XVII век : в 2 т. / авт.-сост. В. В. Богуславский. М. : Олма-пресс, 2001. Т. 2.
17. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в. : в 4 т. / сост. С. Величко. Киев : Археогр. комиссия, 1864. Т. 3.
18. Очерки истории Украины / отв. ред. П. П. Толочко. Киев : Ника-Центр, 2010.

19. Летопись самовидца / под ред. А. Д. Скабы. Киев : Наукова думка, 1971.
20. *Стенняк-Кравчинский С. М.* В лондонской эмиграции. М. : Наука, 1968.
21. *Поморцев М. А.* История русского масонства (XVII–XX вв.). М. : Лепта-Пресс, 2004.
22. Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л. : Наука, 1975.
23. Русская Православная Церковь, 988–1988 : очерки истории I–XIX вв. М. : Изд-во Моск. Патриархии, 1988.
24. Послание Аввакума царю Федору Алексеевичу // Памятники литературы Древней Руси, XVII век / сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. М. : Худож. лит., 1988. Кн. 1.
25. Повесть об осаде Соловецкого монастыря // Памятники литературы Древней Руси, XVII век. Кн. 1.
26. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1960.
27. О причинах гибели царств // Памятники литературы Древней Руси, конец XVI – начало XVII в. / под ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. М. : Худож. лит., 1987.
28. *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л. : Наука, 1984.
29. *Шмеман А. Д., протоиерей.* Исторический путь православия. М. : Паломник, 1993.
30. *Устюгов Н. В., Чаев Н. С.* Русская церковь в XVII веке // Русское государство в XVII веке : сб. ст. М. : АН СССР, 1961.
31. *Прокопович Ф.* Сочинения. М. ; Л. : АН СССР, 1961.
32. Материалы для истории раскола за первое время его существования : в 2 т. М., 1876. Т. 2.
33. Памятники истории старообрядчества : в 2 кн. Л. : АН СССР, 1927. Кн. 1, вып. 1.
34. *Сарафанова Н. С.* Идея равенства в сочинениях протопопа Аввакума // Тр. отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : Наука, 1958. Т. 14.
35. Пятая челобитная Аввакума царю Алексею Михайловичу // Памятники литературы Древней Руси, XVII век. Кн. 1.
36. *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и его противники. Сергиев Посад : Изд-во М. С. Елова, 1913.
37. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. Киев : Путь к истине, 1991.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Вернадский Г. В.* Русская история / Г. В. Вернадский. М. : Аграф, 1997.
- Гумилев Л. Н.* От Руси до России / Л. Н. Гумилев. СПб. : Юна, 1992.
- Древняя русская литература : хрестоматия / сост. Н. И. Прокофьев. М. : Просвещение, 1988.
- Замалеев А. Ф.* Философская мысль в средневековой Руси (XI–XVI вв.) / А. Ф. Замалеев. Л. : Наука, 1987.
- Златогруй. Древняя Русь, X–XIII вв. : сб. лит. произв. / сост. А. Г. Кузьмин. М. : Молодая гвардия, 1990.
- Иван IV Грозный.* Сочинения / Иван IV Грозный. СПб. : Азбука, 2000.
- Карамзин Н. М.* Предания веков / Н. М. Карамзин. М. : Правда, 1988.
- Кожин В. В.* История Руси и русского слова / В. В. Кожин. М. : Эксмо-Пресс, 2001.
- Нестеров Ф. Ф.* Связь времен / Ф. Ф. Нестеров. М. : Молодая гвардия, 1987.
- Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. М. : Алгоритм, 2002.
- Платонов С. Ф.* Учебник русской истории / С. Ф. Платонов. СПб. : Наука, 1993.
- Пушкарев С. Г.* Обзор русской истории / С. Г. Пушкарев. М. : Наука, 1991.
- Рыбаков С. В.* Православное понимание русской истории / С. В. Рыбаков. Екатеринбург : Ирида-пресс, 2006.
- Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.) / Н. В. Синицына. М. : Индрик, 1998.
- Флоровский Г. В.* Из прошлого русской мысли / Г. В. Флоровский. М. : Аграф, 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ЛЕКЦИЯ 1. Теоретические подходы к изучению истории	5
1.1. Смысл и содержание понятия «история»	5
1.2. Основные интерпретации исторического процесса	10
1.3. Российские исторические школы	17
ЛЕКЦИЯ 2. Начальные века русской истории	29
2.1. Славяне и Великое переселение народов	29
2.2. Освоение славянами Русской равнины	33
2.3. Древнеславянское язычество	36
ЛЕКЦИЯ 3. Образование Древнерусского государства	38
3.1. Норманнская теория и ее критика в отечественной историографии	38
3.2. Движущие силы и условия образования государства на Руси	43
3.3. Первоначальный этап русской государственности	48
ЛЕКЦИЯ 4. Киевская Русь в период расцвета	57
4.1. Крещение Руси, его значение	57
4.2. Подъем русской культуры в период христианизации Руси	62
4.3. Государственно-общественное развитие Руси в XI – первой трети XII века	67
ЛЕКЦИЯ 5. Удельный строй в XII–XIII веках	71
5.1. Раздробленность на Руси: причины, проявления и последствия	71
5.2. Александр Невский: выбор внешнеполитической стратегии Руси	78
5.3. Золотая Орда	89
5.4. Русско-Литовское княжество	97
ЛЕКЦИЯ 6. Образование Российского централизованного государства	101
6.1. Причины и условия возвышения Москвы	101

6.2. Смысл и значение Куликовской битвы	106
6.3. Политика Василия Темного, «феодальная война»	110
6.4. Процесс государственной централизации при Иване III	113
ЛЕКЦИЯ 7. Эпоха Ивана Грозного	119
7.1. Реформы Избранной Рады	119
7.2. Успехи восточной политики	122
7.3. Ливонская война	128
7.4. Опричнина	131
ЛЕКЦИЯ 8. Россия в XVII веке	136
8.1. Смута	136
8.2. Государственное и общественное развитие после Смуты	150
8.3. Внешняя политика России в XVII веке	158
8.4. Освоение русскими Сибири	165
8.5. Церковный раскол	168
Список рекомендуемой литературы	189

Учебное издание

Рыбаков Сергей Владимирович

ИСТОРИЯ РОССИИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО КОНЦА XVII ВЕКА

Курс лекций

2-е издание, исправленное и дополненное

Учебное пособие

Ответственный за выпуск *И. С. Малечко*

Редактор *В. И. Попова*

Корректор *В. И. Попова*

Компьютерная верстка *Г. Б. Головиной*

Подписано в печать 16.06.2014

Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman

Уч.-изд. л. 10,8. Усл. печ. л. 11,16. Тираж 300 экз. Заказ 1458

Издательство Уральского университета

620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ

620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Тел.: + (343) 350-56-64, 350-90-13

Факс +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru